

А. ЧЭЙСИНС
В. СТАЙЛЗ

Легенда
О ВЭНЕ КЛАЙБЕРНЕ

Эрке! Могол
гүнийнх и
вдохновителю!

8/II-60г.

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

The
VAN CLIBURN
LEGEND

*by Abram Chasins
with Villa Stiles*

NEW YORK-1959

А. Уэйсингтон В. Стайнз

**ЛЕГЕНДА
О
ВЭНЕ КЛАЙБЕРНЕ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1959

Перевод с английского О. В. ВОЛКОВА

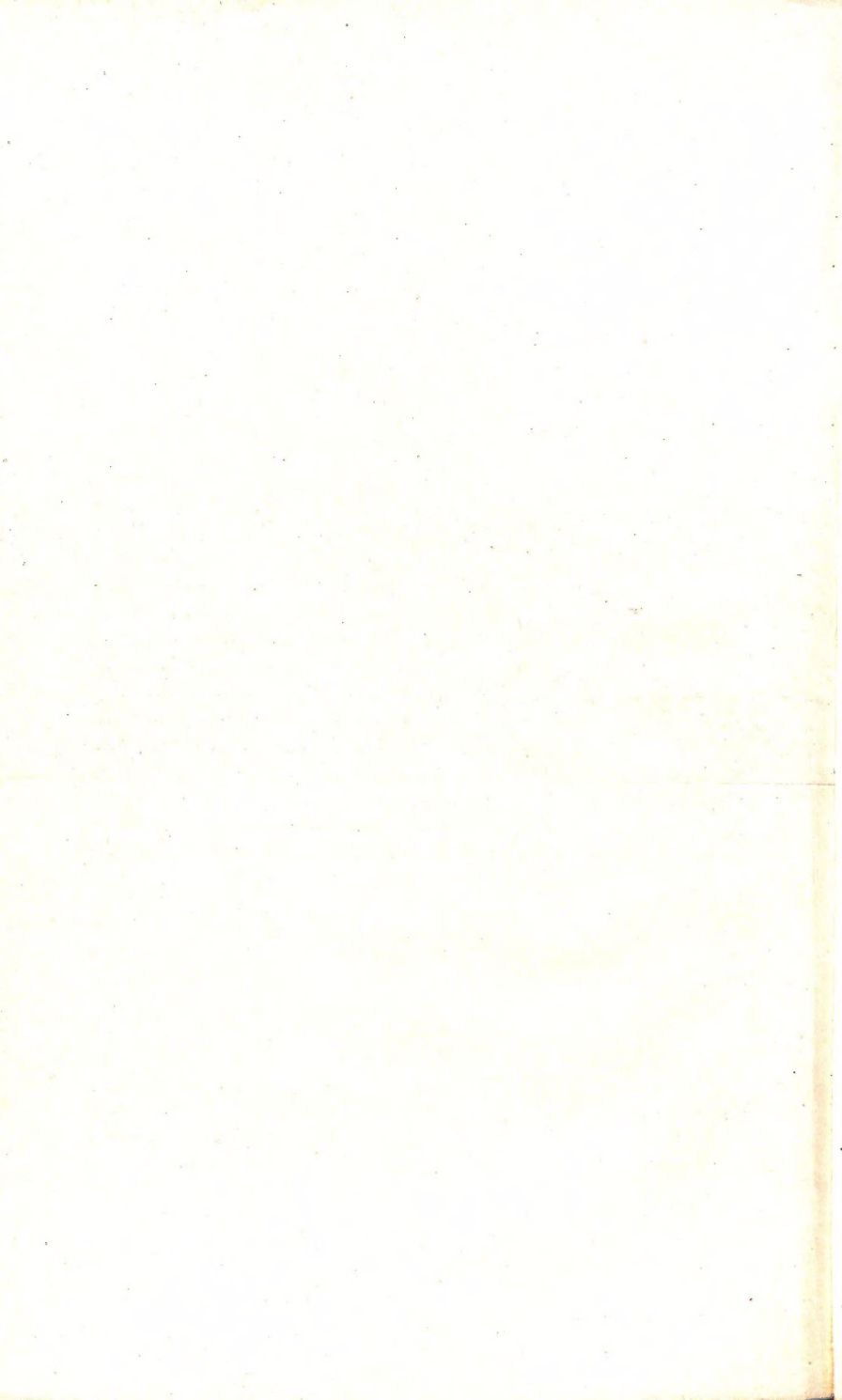
Под редакцией М. А. ГРИНБЕРГА

«Легенда о Вэне Клайберне» написана известным американским музыкальным критиком А. Чэйсинсом в соавторстве с В. Стайлз. В книге рассказывается о жизни и судьбе молодого американского пианиста, завоевавшего мировую известность после получения им первой премии на Международном конкурсе им. П. И. Чайковского в Москве. Рассказав о детстве Вэна Клайберна, годах учебы, концертной деятельности в Америке и, наконец, о его победе в Москве, авторы показали также всю сложность условий, в которых развиваются молодые талантливые музыканты США, поставили ряд общих вопросов, связанных с развитием американской музыкальной культуры. Последняя глава книги посвящена критической оценке творчества Клайберна.

Редакция литературы по вопросам филологии и искусства

*Встреча Н. С. Хрущева с В. Клайберном во время приема
в советском посольстве в Вашингтоне 24 сентября 1959 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя американского пианиста Вэна Клайберна, удостоенного высшей премии на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве, пользуется в нашей стране широкой известностью.

В памятные весенние дни конкурса 1958 года этот двадцатитрехлетний «парень из Техаса» с открытым пытливым взглядом уже на первом туре привлек пристальное внимание членов жюри и многочисленных слушателей. Интерес к нему нарастал с каждым днем, чему во многом содействовал и определившийся общий высокий исполнительский уровень участников конкурса. Выступление Вэна Клайберна во втором туре сопровождалось еще большим успехом. Блистательное исполнение концертов Чайковского (№ 1) и Рахманинова (№ 3) на третьем туре принесло выдающемуся пианисту заслуженную высшую награду.

В чем своеобразие и особая притягательная сила Вэна Клайберна как пианиста?

Его игра, не всегда ровная, что справедливо отмечалось в некоторых рецензиях, исполнена огромной проникновенности и впечатляющей силы. Дело здесь не только в пианистическом мастерстве и большом таланте. Клайберну присуще нечто большее. Он обладает редчайшим даром артистизма: особым умением буквально с первых тактов захватить слушателя и повести его за собой. Это замечательное

свойство Клайберна, очевидно, основано на очень глубоко и тонком постижении музыки, на умении передать ее поэзию, сущность ее образов с подлинным вдохновением и большой артистической свободой, с необычайной простотой, исключаящей фальшь, повышенную «чувствительность».

Именно эти качества молодого американского пианиста так расположили к нему советского слушателя.

Авторы книги о Вэне Клайберне — американский музыкальный критик и пианист Абрам Чэйсинс и его соавтор Вилла Стайлз отмечают многочисленные факты радушия, внимания, чуткости, проявленные к пианисту нашим народом. Хочется подчеркнуть, что эти сердечные чувства явились выражением искренней признательности большому таланту В. Клайберна. Советские люди проявили благородство и широту своей натуры, отдавая дань уважения молодому американскому артисту.

В книге собраны разнообразные сведения о жизни и творческом развитии Клайберна, его среде, интересах. Авторы не пренебрегают при этом явно излишними описаниями многих мелочей быта музыканта. Такие «отклонения» придают книге местами черты легковесности. Однако за известной «легкостью» стиля изложения нетрудно разглядеть глубокую заинтересованность авторов в развитии музыкальной культуры своей родины, правдивую критику коренных недостатков музыкальной жизни Америки.

Авторы задались целью не только осветить многие стороны жизни, творческой деятельности, черты характера В. Клайберна, но и обобщить некоторые явления музыкальной жизни своей страны, вызывающие у них серьезную тревогу.

Публикуемые в книге материалы помогают составить более полное впечатление о формировании таланта Клайберна. Большой интерес представляют главы, посвященные концертной деятельности Клайберна по возвращении из Москвы, а также его вы-

ступлениям с концертами в самый последний период, вызвавшим серьезную критику в печати.

Взыскательный и честный художник, Клайберн все же не смог противостоять увлечению «концертной горячкой», охватившей его, надо полагать, под влиянием концертных антрепренеров. Головокружительно быстрая карьера музыканта, как видно, привлекла к нему повышенный «интерес» деловых людей концертного мира, стремящихся сделать из молодого пианиста источник наживы. В результате он концертирует сверх меры, не имея возможности серьезно заниматься и подготовить новые программы. Все это не могло не сказаться на его дальнейшем творческом развитии.

Авторам книги хотелось бы доказать, что еще задолго до Международного конкурса имени П. И. Чайковского в Москве Вэна Клайберна «открыли» американцы. В подтверждение этого они сообщают данные об успешно начавшейся концертной деятельности Клайберна, приводят факты о его победах на конкурсах в США — на стипендию Шопена и на премию имени Левентритта.

Однако здесь авторы вступают в явное противоречие с действительностью. Они не хотят согласиться с тем, что Клайберн впервые получил заслуженное признание в Москве, и тут же заявляют, что в этом «есть доля горькой правды». Они пишут, что Клайберн «был открыт у себя на родине», но не скрывают, что триумф его в СССР явился для Америки неожиданностью, застал американцев «врасплох»: Хотя русские не «открыли» Вэна Клайберна... «они действительно восприняли с энтузиазмом то, к чему мы, американцы, относимся равнодушно и что мы легко забываем; русские сумели оценить то, на что мы не обращаем внимания». Авторы не только не скрывают, но даже подчеркивают, что до конкурса в Москве Клайберн вынужден был влачить жалкое существование, что к весне 1958 года его музыкальная карьера «застыла на точке замерзания», что он утратил уверенность в себе и душевное равновесие.

Далее авторы пишут еще более определенно: «Никогда не следует забывать того, что в день, когда Клайберн отправлялся на конкурс в Москву, он был двадцатитрехлетним пианистом-гением, завоевавшим самые высшие из наших наград, признанным артистом, что он получал почетные ангажементы и награждался восторгами критиков. И все же, если бы он решил вместо поездки в Москву подняться в тот день на эстраду Карнеги-холл, его появление не вызвало бы никакого волнения. И если бы Клайберн не победил, то, вполне возможно, встречал бы подобное отношение и по сей день».

Весьма примечательно описание быстрого падения интереса к Клайберну в «предмосковский» период. Снижение числа ангажементов произошло уже в третьем сезоне его концертной жизни. Совсем плачевным оказалось положение в четвертом сезоне (1957/58 года): всего 1 концерт в Кливленде в июле, а затем ожидалось три концерта в октябре; и лишь к концу сезона предстояли еще 2 сольных выступления. Всего 6 концертов за сезон. И это для молодого выдающегося пианиста, успевшего выдвинуться на конкурсах и хорошо зарекомендовать себя в течение двух первых концертных сезонов!

Авторы отмечают, что подобное положение *типично для лучших американских музыкантов* в суровых условиях концертной жизни США.

Две крупные концертные фирмы контролируют до 90% всех концертных ангажементов, их филиалы имеются почти в 1200 городах. Стремясь к наживе, они, как правило, не практикуют повторных приглашений артистов средней известности. Повторные приглашения такого артиста, стяжавшего успех, «способны создать трудности для антрепризы», — может возникнуть необходимость повысить ему гонорар.

«Концертный бизнес Соединенных Штатов, — пишут авторы, — способен представить известному артисту самые широкие возможности, но для артиста средней известности эта вершина недоступна, и он вынужден прозябать где-то совсем внизу, не надеясь даже оттуда выкарабкаться. Между вершиной

и подножием этой вершины находится «ничья земля». На ней и оказалось большинство наших лучших пианистов».

Их надежды вырваться вперед, сохранить свое «артистическое положение» оказываются совершенно бесплодными из-за равнодушия Америки к судьбе своих артистов, из-за апатии и лености антрепренеров, которые пренебрегают высоким мастерством, отдавая предпочтение балаганщине.

Такова тяжкая действительность, таковы условия для выдвижения молодых дарований музыкантов в США. Некоторые из них, «наиболее удачливые», становятся безыменными членами различных «аттракционных групп», а большинство прекращают концертную деятельность, чтобы заняться преподаванием, или совсем расстаются с музыкой.

К чести авторов, следует отметить, что их в конечном счете, видимо, не очень беспокоит вопрос о том, кто первым «открыл» Клайберна. Проследивая его творческие успехи до конкурса в Москве, хорошее начало его концертной деятельности и первые положительные отзывы о нем в печати, авторы убедительно показывают, как быстро карьера талантливого пианиста пошла на спад. Не будь конкурса имени Чайковского в Москве, судьба Клайберна могла бы сложиться совсем иначе. Авторы стремятся подчеркнуть эти обстоятельства, чтобы утвердить свой основной вывод: победа Клайберна должна заставить Америку переоценить отношение к своей национальной культуре вообще и к своим музыкальным талантам в частности. Признание Клайберна в Москве имеет общественно-политическое значение — оно может явиться толчком в культурной эволюции Америки. Огромный успех Клайберна вызвал в США большой патриотический подъем; необходимо использовать его для пробуждения широкого общественного интереса к вопросам развития отечественной музыкальной культуры. Именно в этом видят авторы мораль «легенды о Вэне Клайберне» — американском музыканте, получившем подлинное признание лишь в Советском Союзе.

Книга не содержит серьезного исследования исполнительского искусства Клайберна. У авторов не получился живой разговор о музыке, об искусстве фортепьянной игры; он подменен многочисленными цитатами из газетных рецензий. Авторы не пытаются разобрать на конкретных примерах исполнения отдельных произведений особенности творческого почерка Клайберна, определить черты его индивидуальности, неповторимого своеобразия его пианистического искусства.

Следует отметить и ошибочность некоторых высказываний авторов. Так, например, ссылаясь на практику предварительных отборочных конкурсов, организуемых у нас обычно для выдвижения наиболее достойных кандидатов, авторы приходят к выводу, что Клайберн «выиграл соревнование со всеми лучшими пианистами России». Это весьма поспешный вывод. Авторам книги известно, что в Международном конкурсе имени П. И. Чайковского не принимали участия многие выдающиеся молодые советские пианисты, успевшие завоевать широкую известность во многих странах мира. Авторы должны также знать, что в предварительных отборочных соревнованиях у нас, как правило, участвуют только студенты консерваторий, не выступавшие на международных конкурсах.

Не отвечают действительности суждения авторов о переоценке достоинств подготовки пианистов и о якобы пошатнувшемся в связи с итогами конкурса имени П. И. Чайковского международном авторитете советских музыкантов. Эти высказывания не имеют под собой реальной почвы. Они опровергаются известными всему миру огромными творческими достижениями советской исполнительской школы, выдвижением в нашей стране большого отряда молодых талантливых солистов. Гастроли советских артистов и музыкальных коллективов в зарубежных странах, и в частности в США, проходили неизменно с исключительным успехом, вызывая восторженные отклики.

Но и при отмеченных недостатках книга о Вэне Клайберне ценна тем, что дает правдивую картину музыкальной жизни США, тем, что в ней осуждается система концертных антреприз, обрекающая на гибель многих талантливых музыкантов, с подлинной тревогой ставятся вопросы о судьбах национального музыкального искусства, высказываются искренние стремления к миру и дружбе американцев с советским народом.

Книга публикуется с некоторыми сокращениями.

Д. Шостакович

ОТ АВТОРА

Лучше всего начать с самого начала, а началом этой книги явилось следующее письмо моему соавтору:

«2 сентября 1958 г.

Дорогая Вилла!

Вчера вечером мы с Констанцией обедали с Вэном в тихом итальянском ресторанчике на Ист Сикстиз. Когда я сказал Вэну, что мы хотим написать о нем книгу, он уставился на меня широко раскрытыми глазами, прижал к груди свои огромные руки и с неловким смешком возразил: «Но, Абрам, обо мне нельзя написать целую книгу».

Я ответил ему, что знаю это, но не хочу писать «биографию» человека, которому едва исполнилось двадцать четыре года. Я попытаюсь создать книгу, которая затронула бы многие существенные моменты «легенды» о Клайберне, удовлетворила бы огромный интерес публики к Вэну и ко всему, что его окружает; книгу, где была бы сделана попытка исправить кое-какие ложные представления, которая послужила бы иллюстрацией политических, художественных и социальных факторов, влиявших на формирование таланта

Клайберна, определила бы задачи, стоящие перед искусством и художником, уточнила бы их место в современном обществе и, наконец, показала бы, какова роль рекламы и частного предпринимательства в формировании общественного мнения. В заключение я сказал Вэну, что такая книга, вероятно, поможет американцам глубже и серьезнее понять и оценить наши возможности в области культуры и искусства. «Ну, это другое дело,— ответил он.— Из этого, быть может, что-нибудь и выйдет».

Сегодня вечером я снова увижусь с Вэном. Он работает как одержимый, хотя страшно страдает после вчерашней операции надкостницы. А позавчера он, несмотря на жесточайшую боль, занимался с 12 часов ночи до 7 утра. Ну, каков наш мальчик?

Всего наилучшего.

Абрам».

Желая с самого начала сделать наше повествование возможно более полным и точным, мы были вынуждены обращаться к многим лицам, которые не только сочувственно отнеслись к нашему замыслу, но много и охотно нам помогали. Мы хотели бы выразить им глубокую благодарность.

Прежде всего это относится к Ноле и Теодору Родс, близко знакомым с Клайбернами. Не жалея времени и сил, они помогли нам уточнить многие неясные вопросы и постоянно вдохновляли нас своим энтузиазмом.

Нам помогали также и многие другие: Лайда и Чарльз Девалл — сотрудники издающейся в Килгоре (штат Техас) газеты «Килгор ньюс геральд», Хайзель и Аллен У. Спайсер, мадам Розина Левина, миссис Эдгар Левентритт, Розали Левентритт Бернер; Скайлер Чэпин и Скитч Гендерсон поделились с нами своими живыми и яркими воспомина-

ниями; Глизон Фрай, преподобный Ричард Р. Гамилтон, Фредерик, Стейнвей, Джиль Галлахер, Эллен Карлсон Солендер, Джойс Флисслер, Гарриет Уингрин и Сью Бакнер Ротман сообщили нам свои наблюдения и впечатления о Клайберне; Натали Марсин прочла гранки этой книги, а Томас Лэск просмотрел большую часть текста в рукописи и внес ряд существенных предложений; Сидней Филдс с готовностью передал нам материалы из своих статей о Клайберне, написанных им для бюллетеней «Гайдпостс» и газеты «Нью-Йорк дейли миррор»; наконец, Дорэ Смедли все время оказывала нам большую моральную поддержку.

Кроме того, мы признательны Уильяму Джаду и Элизабет Уинстон за их любезность и помощь, значительно выходящую за рамки служебных обязанностей, за разрешение широко использовать документы бюро печати, ревью, фотографии, планы концертных турне и программы концертов; директору Джульярдской музыкальной школы Уильяму Шуману и ее декану Марку Шубарту за приятный завтрак и содержательную беседу, в которой приняла участие Шила Китс, сообщившая нам много важного и интересного.

Мне лично хочется поблагодарить Лестера Маркела из газеты «Нью-Йорк таймс», Макса Эсколи из «Репортер», а также Арнольда Джингриджа из «Эсквайр» за предложение писать для них статьи о Клайберне, что, собственно, и побудило меня собирать материалы о нем, а также за разрешение использовать в этой книге материал статей, помещенных в их газетах; я также признателен директору радиостанции газеты «Нью-Йорк таймс», которому принадлежит мысль транслировать концерты Клайберна, ставшие ныне историческими; это дало возможность не только слушать Клайберна по радио, но и наблюдать пианиста в особой, необычной для него обстановке радиостудии.

Особенно обязан я моей жене Констанции Кин, так как именно она обратила мое внимание на Вэна Клайберна и первая предложила мне привести в по-

рядок все мои статьи, заметки и воспоминания и использовать их для составления книги. Боюсь только, что она потом не раз упрекала себя за это, так как ей пришлось чем дальше, тем все больше помогать мне и Вилле Стайлз, что и позволило нам закончить нашу работу.

За это мы оба ее благодарим.

Нью-Йорк Сити,
31 декабря 1958 г.

Абрам Чэйсинс.

13 апреля 1958 года

Телефонистка межконтинентной линии в Нью-Йорке заверяла Москву, что она делает все возможное, чтобы дозвониться до абонента. «Пожалуйста, попробуйте еще», — в пятнадцатый раз повторяла она телефонистке центральной станции города Килгор (в Техасе). «Пробуйте, пока телефон не освободится. Он хочет поговорить со своей матерью».

Казалось, весь мир хотел говорить с его матерью. Все началось со звонка из Нью-Йорка:

— Алло, это миссис Клайберн? С вами говорят из радиовещательной компании «Коламбия бродкастинг систэм». Нам хотелось первыми поздравить вас.

— А официально об этом уже сообщили? — дрогнувшим голосом спросила миссис Клайберн; ей хотелось убедиться в том, что сообщение основано не только на слухах, которые ходили вот уже второй день.

— Да, официально, — заверили ее из «Коламбия бродкастинг систэм». — Не хочет ли она поговорить с сыном, если корреспонденту компании удастся это устроить?

Поговорить с Вэном, который в России! Слезы выступили у нее на глазах. Но как же, ведь скоро начнется воскресная служба в церкви, сказала она в трубку, и если они с мистером Клайберном

задержатся, они наверняка опоздают. Представитель «Коламбия бродкастинг систэм» понял миссис Клайберн. Аппарат был занят еще ровно столько времени, сколько понадобилось для того, чтобы записать номер телефона Первой баптистской церкви Килгора, откуда родители Вэна Клайберна могли поговорить с Москвой.

Однако в ту минуту, когда Клайберны выходили из дому, телефон опять зазвонил. Миссис Клайберн плотно прижала телефонную трубку к уху:

— Это ты, Вэн? — спросила она.

Через безграничные пространства океана, с противоположного конца земного шара до нее слабо дошел голос:

— Это ты, мама?.. Мне присудили первую премию!

— Знаю, дорогой, знаю, — взволнованно ответила она.

— Ты уже знаешь? — удивился Вэн. — Но откуда? Разве у нас уже знают об этом?

«Разве у нас знают!» — Она рассмеялась.

В тот вечер после церковной службы проповедник жестом задержал прихожан.

— Обычно я так не делаю, — объяснил он. — Но боюсь, если я этого не скажу, вы потом станете упрекать меня. Вэну Клайберну присуждена первая премия на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве; сегодня вечером вы узнаете об этом из передачи по телевидению.

Пожалуй, единственными техасцами, которым в этот вечер не удалось подойти к телевизору, были мистер Клайберн и его жена. Им просто не дали этого сделать. Газета города Далласа «Ньюс» уже делала свое дело — телефон в квартире Клайбернов звонил, словно одержимый.

Пробудившись на следующее утро, Клайберны увидели, что их дом буквально осажден со всех сторон. Словно огненные шары в цирке, вспыхивали лампы фоторепортеров, ежеминутно прибывали любопытные из соседних городов — их машины совершенно загрохотали улицу; телеграммы приносили такое

множество, что Клайберны едва успевали их читать; все пространство перед домом было заполнено людьми.

Об этом знали уже *все*.

А еще неделю назад много ли американцев слышали имя Вэна Клайберна, хотя уже в 19 лет он получил в Америке признание, которое можно по меньшей мере *сравнивать* с тем беспримерным успехом, который выпал на его долю в Советском Союзе?

Когда новость дошла до Америки, в редакциях газет, журналов, радиокомпаний наступило всеобщее смятение. В редакционных досье не было ни фотографий, ни каких-либо материалов — просто ничего о жизни или творческом пути высокого юноши, «завоевавшего Россию», на которого в мгновение ока обратились взоры 175 миллионов соотечественников.

Тогда все информационные агентства, словно сговорившись, решили сделать одно и то же — получить сведения о Клайберне из редакции местной, килгорской газеты.

Перед всеми, кто сумел пробиться к Уинстону Гарднеру — редактору газеты «Килгор ньюс геральд», представал измученный человек, утративший редко изменявшее ему спокойствие; отвечая на один телефонный звонок за другим, не выпуская телефонной трубки из рук, он в то же время пытался обеспечить своевременный выход своей собственной газеты. Пока он давал по междугородному телефону справки для журнала «Ньюсуик» о молодом человеке, внезапно ставшем знаменитостью, репортер из «Тайма», сидевший на его письменном столе, набрасывал свою статью. Положив наконец телефонную трубку, Гарднер с отеческой улыбкой обратился к репортеру, обежавшему уже весь город в поисках сенсационного материала.

— Так вы хотите поместить его на обложке? — сочувственно спросил он. — Но как же это сделать? Ведь тогда вам нужен сенсационный материал! А откуда его возьмешь о Вэне?

Но не только журналисты стремились добраться до Вэна. Глубокой ночью мне позвонили два приез-

жих американских дирижера; подняв меня с постели, они просили добиться согласия Клайберна выступить по возвращении в Америку с их оркестрами. Я отвечал им сонным голосом, что в очередь становятся в порядке очереди.

Но все это было только начало. Американские корреспонденты не давали передышки телеграфу, сообщая из России последние сенсационные новости «холодной войны». На фотографии, принятой по фототелеграфу, Никита Хрущев обнимал Вэна; мадам Хрущева посылала ему цветы; почитатели просили играть им еще и еще. Самые известные музыканты России признали его талант. На улицах, в гостиницах, концертных залах — всюду Вэна ожидали толпы восторженных поклонников, и так было в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Риге...

А в это время в пресыщенном Нью-Йорке, столице знаменитостей, всех, кто хотя бы немного знал победителя Международного конкурса имени Чайковского, даже тех, кому лишь раз довелось его видеть, буквально преследовали — дома, на службе, по телефону — просьбами, мольбами рассказать что-нибудь о Вэне.

Мэр города Нью-Йорка Роберт Ф. Вагнер был так же возбужден, как и все остальные.

— Это замечательно, что наш парень получил премию в России, — заявил он. — Мы должны устроить ему торжественную встречу.

31 год тому назад по Бродвею в первый раз проследовал в парадном шествии Чарльз Линдберг, а теперь по тому же маршруту ехал белокурый техасец Клайберн; забравшись на заднее сиденье открытой машины, он махал своими огромными руками приветствовавшим его тысячам людей — смеющихся, плачущих, кричащих:

— Браво, Вэн! Браво!

— Вэн, ты величайший пианист в мире!

— Молодец, парень!

— Тебе постричься надо!

Играют духовые оркестры. Поют детские хоры. Официальные лица произносят речи. Ничего подоб-

ного Америка еще не видела. Артист-музыкант стал национальным героем.

Чтобы попасть на его первый концерт в Нью-Йорке, надо было выдержать целое сражение; музыкальным критикам не хватало эпитетов, чтобы описать его игру. Такие же встречи ожидали Вэна в Филадельфии и Вашингтоне...

И вот Вэн снова в Европе: Лондон, Париж, Амстердам — и всюду появление его имени на афишах влечет за собой осаду концертных касс. В Брюсселе он выступает с Филадельфийским оркестром под управлением Юджина Орманди — и снова огромный успех. По возвращении в Америку Вэн совершает концертное турне, выступая в летних театрах; его концерты собирают невиданные до тех пор аудитории. Он выступает и в зале Голливуд Боул, и на стадионе Льюисон Стэдиум — ни один пианист не привлекал на свои концерты такой массы слушателей. Заняты все места, тысячи людей стоят на крышах соседних домов — цена «билета» 1 доллар — или теснятся за решеткой летнего театра: может быть, ветерок донесет до них отрывки музыки...

Слава Клайберна распространялась, подобно лесному пожару, — о нем узнали все: старики и молодежь, любители музыки и люди равнодушные к ней. Двое техасцев, осматривавшие достопримечательности Нью-Йорка, пришли в восторг, когда их гид указал с экскурсионного катера на здание, расположенное на острове Манхэттен, и с чувством произнес: «Взгляните на этот дом рядом с зеленым куполом. Это — школа, в которой учился Вэн Клайберн», — гид указывал на здание Джульямской музыкальной школы.

Да, имя Вэна Клайберна было известно всем. Его концерты передавали по радио и телевидению, его фотографии смотрели со страниц газет и журналов, его имя набиралось огромными буквами на первых полосах, где печатались рассказы и воспоминания о встречах с ним. Все знали всё о Клайберне.

И все же...

Однажды, после того как радиостанция газеты «Нью-Йорк таймс» закончила передачу концерта Вэна Клайберна из Бостона, раздался неожиданный звонок по телефону. Приятный женский голос просил:

— Не могли бы вы сказать мне, как полностью зовут Вэна Клайберна. Я имею в виду его *имя*. Кажется, этого никто не знает!

Вот, оказывается, и *есть* что-то, чего о Клайберне не знают. Да, хорошо, если бы на все бесчисленные вопросы о Вэне мы могли ответить так же быстро, как на вопрос, интересующий даму. К сожалению, это не так.

Однако для начала ответим на него: имя Вэна Клайберна — Вэн. Полностью его зовут Гарви Лэ-вэн Клайберн младший, но с самого рождения — а он родился 12 июля 1934 года в Шривпорте (штат Луизиана) — никто его иначе как Вэн и не называл.

Фанфары за кулисами

Имя «Вэн Клайберн» я слышал за 10 лет до того, как оно стало известно всему миру. В один погожий весенний вечер 1949 года я отправился на аэропорт «Ла Гардия» встречать свою жену Констанцию Кин, возвращавшуюся из трехмесячного концертного турне.

«Самолет 184 компании «Америкэн экспорт эйрлайнз» прибывает из Далласа на третью дорожку», — объявил диктор, когда я подъезжал к аэропорту. Мне было очень приятно это слышать. Я уже предвкушал удовольствие от долгой поездки на такси до дому, когда можно будет вдоволь наговориться с Констанцией — непозволительная роскошь в повседневной жизненной спешке.

Когда носильщик уложил вещи в такси и мы назвали шоферу наш адрес, я устроился поудобнее на сиденье и обратился к жене:

— Ну, как прошли концерты?

— Ничего, как обычно, — ответила Констанция и стала рассказывать мне о своей поездке.

Вдруг она прервала свой рассказ:

— Да! На этот раз действительно случилось кое-что необычное, и я все время хотела рассказать тебе об этом. После моего концерта в Гендерсоне ко мне подошла какая-то женщина с мальчиком. Она говорила с таким увлечением и высказала так много

дельных замечаний о моей игре, что я поинтересовалась, как ее зовут и чем она занимается.

— Меня зовут миссис Клайберн, — ответила она. — Я преподавательница музыки по классу фортепьяно в Килгоре, а это — мой сынишка Вэн. Он хочет стать пианистом.

— Ну и что же в этом необычного? — возразил я, вспоминая свои собственные концертные поездки. Один вундеркинд, представленный приезжему артисту восторженным родителем или учителем, может оказаться не менее утомительным, чем целый концерт.

— Дай же мне кончить, — сказала Констанция. — Необычным в этой встрече мне показалось то, что женщина ни разу не обмолвилась ни о способностях своего мальчика, ни об его успехах, она только сказала, что он много занимается и надеется приехать в Нью-Йорк, чтобы продолжать там свои занятия. Они в тот же вечер возвращались в Килгор на машине, а у меня был билет на поезд, и я так и не смогла послушать его игру. Однако в Техасе меня всюду спрашивали: «Вы слышали молодого Вэна Клайберна? Этот мальчик — наша гордость». И мне рассказали, что в прошлом году Вэн Клайберн получил премию Техаса за фортепьянную игру, премию, которая дает право выступить солистом с Хьюстонским симфоническим оркестром под управлением Эрнста Гофмана. Мало того, позднее он вышел победителем в каком-то конкурсе и получил право играть в Карнеги-холл на Национальном фестивале музыки. И ни мать, ни сын — ни слова обо всем этом!

Я согласился, что это действительно необычно. Как правило, лишь только малыш, которого представляют приезжему артисту как гения, начинает играть, становится ясно, что его исполнение не заслуживает похвал. Почти всегда такие встречи заканчиваются весьма неприятно, даже если несчастный ребенок и в самом деле музыкально одарен. Мне вспоминается случай с одним вундеркиндом; это было в двадцатых годах. В один прекрасный день

ко мне в студию в «Кэртис Инститют» ворвался человек, он тащил за собой дочурку. Отстранив от рояля моего студента, он поднял девочку, усадил ее на стул и скомандовал:

— Теперь играй! Покажи мистеру Чэйсинсу, как играет гений.

Мне стало жаль бедную крошку: ей было куда интереснее играть с куклой, которую отец выхватил у нее из рук. Однако девочка заиграла — эффектно и с удивительной легкостью, но совершенно неосмысленно. Когда она кончила, ее отец стал забрасывать меня именами: «Гофман, Бакгауз, Цимбалист, Стоковский, Зембрих — все говорят, что она самый гениальный ребенок, которого им когда-либо довелось слышать!»

Возможно, девочка действительно была гениальна, но через некоторое время этот гений отрекся и от рояля, и от своего жадного до славы отца — на этом кончились все ее мучения.

Слова Констанции прервали мои мысли:

— И он такой чудесный, этот мальчуган, так славно себя ведет! Если в действительности он хотя бы наполовину так хорош, как о нем говорят, мы еще услышим о Вэне Клайберне!

Мне запомнилось это имя.

Два года спустя моя жена выступала в Килгоре в актовом зале городской средней школы. И, конечно, в числе других посетителей к ней за кулисы явились миссис Клайберн со своим сыном.

— Я уже подумала, — сказала мне Констанция, — что *мистера* Клайберна не существует, но я ошиблась. Когда огни в актовом зале погасли и мы вышли на улицу, оказалось, что мистер Клайберн ждет там жену и сына.

Так Констанция познакомилась с Гарви Лэвэном Клайберном старшим, который служил торговым агентом в местной нефтяной компании. Глава семьи оказался очень скромным человеком в очках; у него был мягкий голос и обходительные манеры.

Моя жена немного задержалась с Клайбернами около школы, обсуждая будущее Вэна. Констанции

показалось, что Клайбернов очень заботило, сможет ли Вэн поступить в Джульярдскую музыкальную школу и получить там стипендию. Клайберн старший считает, что этот вечер сыграл особую роль в карьере его сына, так как впоследствии он много раз говорил с чувством: «Если бы нас троих сфотографировали тогда с Констанцией около школы!»

Еще одна наша встреча с Вэном произошла в 1952 году, когда мы с Констанцией были членами жюри конкурса на стипендию Шопена — 1000 долларов — от Нью-Йоркского Фонда Костюшко. Стипендия присуждалась музыкантам для того, чтобы они могли продолжить свое образование. Конкурс проводился в старинном каменном особняке. Рояль стоял в дальнем углу великолепной гостиной, увешанной портретами польских поэтов и патриотов, и, подходя к нему, участники конкурса должны были пройти мимо столиков жюри. Констанция сидела с краю, и когда один из участников конкурса — стройный, высокий юноша с шапкой курчавых белокурых волос — проходил мимо нее, он улыбнулся и вежливо, несколько растягивая слова, приветствовал ее: «Здравствуйте, мисс Кин».

Я обернулся и вопросительно посмотрел на Констанцию — хотя участникам конкурса и не возбраняется здороваться с отдельными членами жюри, этого почти никто никогда не делает. «Это — юноша из Килгора», — сказала она мне шепотом. Констанция была удивлена не меньше, чем я.

Юноша сел за рояль и, устраивая поудобнее на педалях свои длинные ноги, немного отодвинул стул от инструмента.

— Что бы вы хотели нам сыграть? — спросил я его.

— Двенадцатую рапсодию Листа, — спокойно ответил он.

Могу побожиться, что его длинная техасская челюсть открылась и захлопнулась как на пружине. Моя же просто отвалилась от удивления. Посмотрев на других членов жюри, я увидел, что они реагировали так же.

Он знал, что мы знаем, а мы знали, что он знает, насколько смел его выбор. Как правило, участники конкурса стараются произвести благоприятное впечатление на членов жюри и для начала исполняют какое-нибудь серьезное произведение Баха, Моцарта или Бетховена. Никогда, почти никогда, участники конкурса не пытаются ошеломить членов жюри исполнением какого-либо виртуозного произведения. Ведь это может заставить членов жюри усомниться либо в правильности выбора, либо в музыкальных способностях участника конкурса. Я посмотрел на третьего судью, мадам Изабеллу Венгерову — выдающегося преподавателя музыки по классу фортепьяно. Ее лицо тоже выражало недоумение — уж очень странно поступал этот молодой человек, с самого начала ставя себя в такое невыгодное положение. А Вэн даже не посмотрел на нас.

В полной уверенности, что Лист зазвучит сейчас так, как если бы трянули стеклянную люстру, я махнул рукой и произнес: «Пожалуйста, если вам угодно». И Вэн начал. Уже через несколько секунд стало ясно, что он за исполнитель: фактически это он оказывал нам честь, играя для нас. Юный пианист, чье огромное мастерство стало очевидным, едва его большие руки забегали по клавиатуре, полагал, что мы сумеем проникнуть в его художественный замысел, поймем его стремление вновь оживить это старинное виртуозное произведение, придав ему благородство и выразительность. Он справился со своей задачей превосходно. И только после Листа он перешел к Баху, Моцарту, Бетховену, Шопену, продемонстрировав блестящий пианизм и глубокое проникновение в произведение, равных которым мне не доводилось слышать на конкурсах. О том, насколько велик был его успех, можно судить по недоуменному вопросу мадам Венгеровой: «Но зачем же ему деньги для продолжения занятий? Ведь он уже законченный артист. Ему нужно только больше выступать и расширить свой репертуар».

В тот день нам довелось слышать и другие замечательные выступления, и, хотя среди остальных

соискателей, безусловно, были достойные стипендии, нам было ясно, что делать. Вэн стоял намного выше любого из них. Ему и была присуждена стипендия Шопена.

Прошло два года. Я снова был членом жюри конкурса, устраиваемого Фондом Левентритта, — самого давнего и серьезного международного конкурса музыкантов-исполнителей в Америке. Победителю предоставлялся ангажемент с Нью-Йоркским филармоническим оркестром, с оркестрами Кливленда, Питтсбурга, Буффало и Денвера.

Чтобы получить эту высшую премию Америки, недостаточно таланта и умения. Соискатель должен, по мнению жюри, быть в состоянии выполнить все, даже самые жесткие их требования, быть подготовленным ко всему, что потребует от него в будущем карьера концертирующего пианиста.

Требования, выдвигаемые на конкурсе Левентритта, настолько высоки, что в течение четырех предыдущих лет — с 1950 по 1953 год — им не смог удовлетворить ни один из исполнителей, хотя в конкурсах участвовало от 30 до 40 музыкантов — американских и зарубежных. Жюри конкурса 1954 года было не менее требовательным, чем всегда. В состав его входили дирижеры Джордж Селл, Дмитрий Митропулос и Леонард Бернстайн; пианисты Рудольф Серкин, Надя Рейзенберг, Леопольд Манн и Евгений Истомин, который сам получил премию Левентритта в 1943 году; скрипач Александр Шнейдер, альтистка Лилиан Фукс и импресарио Нью-Йоркского филармонического оркестра Артур Джадсон. Я же был председателем жюри.

Предварительное прослушивание заняло большую часть недели. Но кого же я увидел среди участников конкурса? Ну, конечно, нашего юного друга из Килгора. В его заявлении с просьбой допустить его к участию в конкурсе были перечислены сольные произведения и концерты, которые он собирался исполнять: Партита Баха ми минор, Соната Моцарта до мажор К. 330; Соната «Les Adieux» Бетховена, Токката и «Jeux d'Eau» («Игра воды») Равеля,

Третья соната Хиндемита, Шестая соната Прокофьева, Фантазия фа минор и Ноктюрн си мажор Шопена, соч. 62; Двенадцатая рапсодия Листа; Концерт ре минор К. 466 Моцарта; Концерт си-бемоль мажор Брамса и Первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского (си-бемоль минор).

В мгновение ока Вэн доказал свое превосходство тем членам жюри, которым не довелось слушать его до конкурса. Леопольда Манна он покориł исполнением Бетховена. «Этот юноша — настоящий пианист, — восторженно заявил Мани, — к тому же у него необычайно выразительно работает левая рука». Исполнение Вэном сонаты Моцарта вызвало следующее замечание Нади Рейзенберг: «Изумительно. Такая ясность, классическое спокойствие и вместе с тем так напевно». Блестяще владея клавиатурой, Вэн в то же время необычайно чутко и тонко раскрывал поэтический замысел композитора. Всех очаровали не только его игра, но и его манера держать себя. Во время перерыва миссис Эдгар Левентритт, которая является, так же как и ее дочь Розали Левентритт Бернер, распорядителем Фонда Левентритта, восторженно сказала мне: «Мне страшно нравится, как он сидит за роялем. Такой прямой и сосредоточенный».

Наконец наступил последний тур конкурса. Когда высокий стройный юноша невозмутимо направился к роялю, я передал следующую записку Джорджу Селлу, который сумел приехать только на последний тур конкурса: «Сейчас услышите, как играет *этот* мальчик. Он великолепен!» Я должен пояснить, что члены жюри обычно сидели так, чтобы между ними оставалось несколько свободных мест; это давало нам возможность «уединиться», изолироваться от окружающей обстановки. Поэтому мы часто передавали друг другу записки, а не обменивались замечаниями шепотом, так как это могло отвлекать участников конкурса.

Вэн начал с Чайковского. Через некоторое время Селл написал ответ на мою записку: «Он *действительно* великолепен. Он не философ, хотя лицо у него

и очень выразительно; играет же он прекрасно. Удивительное мастерство и перспектива». В последней части Вэн просто исторгал огонь из инструмента, и уже тогда нам было ясно — как потом стало ясно аудиториям, очарованным его игрой, — что Вэн особенно тонко понимает русскую музыку. Леонард Бернштейн сказал: «Он искренне любит музыку. Любит играть и любит свою интерпретацию исполняемого произведения. Это так честно, так искренне». Дмитрий Митропулос выразился так: «Он необыкновенен. Его игра — волшебство». Свое собственное впечатление я занес в записную книжку: «Он вызывает исключительный подъем у аудитории. Его блестящее исполнение отличается, кроме всего прочего, необычайно тонким вкусом и музыкальностью. Он — прирожденный пианист».

Когда Вэн кончил, мы попросили его сыграть финал Концерта Брамса. Мне запомнился его ответ, отличавшийся той особой тактичностью, о которой впоследствии так много писали и говорили:

— Позвольте мне объяснить вам, — негромко и спокойно сказал он, — прошлую неделю я был болен; боюсь, что мое исполнение не только не удовлетворило бы меня самого, но, что гораздо важнее, было бы недостойно этого великого произведения и уважаемых членов жюри. Не разрешите ли вы мне сыграть что-нибудь другое?

Все это было сказано так вежливо и вместе с тем с такой твердостью и убежденностью, что его поймут... Ну, что мы могли на это возразить?

Тогда я сделал вот что: я попросил его сыграть Двенадцатую рапсодию Листа. При этом я не мог не улыбнуться, а Вэн тоже улыбнулся мне в ответ. Мы одни понимали, в чем тут дело. Два года тому назад я пришел в ужас, когда услышал, что столь молодой пианист начинает свое выступление на конкурсе с произведения, требующего мастерства виртуоза. Теперь же я просил его исполнить Двенадцатую рапсодию, чтобы насладиться его игрой. Не знаю, кто из нас двоих получил большее удовольствие, слыша восклицания восторга, от которых не

могли удержаться члены жюри, потрясенные игрой Вэна.

Позднее миссис Клайберн рассказала мне, что это она посоветовала Вэну начинать свои выступления на конкурсах с Двенадцатой рапсодии. Члены жюри, как правило, разрешают участникам самим выбирать, с чего начинать выступление. После этого им уже назначают, что играть. Миссис Клайберн боялась, что, если Вэн не сыграет Листа сначала, ему так и не дадут этого сделать: ведь среди членов жюри могут преобладать сторонники сухого академизма, отвергающего подобные произведения как показательные и бессодержательные.

Исполнение Вэна всегда было выдержано в стиле старой классической школы. Теперь оно стало еще более зрелым. Но на конкурсе 1954 года члены жюри нередко употребляли слово «большой», когда говорили о Вэне. В нашем окончательном решении отмечалось, что у Вэна очень «большой» талант, «большой» стиль игры и еще «бóльшие» возможности. Кроме того, отмечалось, что он играет с такой же легкостью и естественностью, с какой птица поет свою песню. Мне вспоминаются такие высказывания о Вэне — не помню уж, кому они принадлежат: «Его манера держаться изумительна. Он словно излучает сияние». Да, Вэн действительно обладал особым искусством очаровывать. Даже тогда. Само собой разумеется, теперь он его совершенствовал.

Ему всего 20 лет, а он выступает в Карнеги-холл с Нью-Йоркским филармоническим оркестром под управлением Митропулоса, его концерт транслируется всеми радиостанциями Америки. Это было осенью того же 1954 года в воскресенье днем; Вэн Клайберн выходит на сцену, деловито кланяется публике и направляется к своему «Стейнвею». Дебютант исполняет Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром. Когда Вэн исполнил первую часть, в зале разразилась буря: аплодировала и публика, и оркестр, а по окончании концерта его вызывали на сцену семь раз. Семь!

Привыкшая ко всему нью-йоркская пресса отнеслась к дебютанту благосклонно, но настороженно. Отзывы были не слишком восторженные, но пианист получил определенно высокую оценку. Единственным нью-йоркским критиком, который с исключительным энтузиазмом отозвался о выступлении Клайберна, был Луис Бианколли, который писал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан»: «Это один из самых замечательных и свежих талантов среди пианистов, которых нам дал Запад — да и не только Запад — и которых музыкальная публика ждет уже много лет. Вэн Клайберн, очевидно, только начинает свои концертные турне, но играет он так, как будто у него за плечами годы исполнительской деятельности».

В течение следующих четырех месяцев Вэн играл с другими симфоническими оркестрами, право на выступление с которыми ему давала премия Левентритта. Как же отнеслась к нему американская театральная критика?

«У нас появился новый пианист-чародей», — писал Элмор Бейкон в «Кливленд ньюс» после того, как ему удалось услышать концерт Чайковского в исполнении Клайберна с оркестром под управлением Селла.

В Денвере Клайберн играл Третий концерт Рахманинова с оркестром под управлением Сола Кэстона. Аллен Янг из газеты «Денвер пост» предупреждал своих читателей: «Запишите это имя, вы должны его запомнить: это имя — Вэн Клайберн».

Когда Вэн выступил в Питтсбурге с оркестром под управлением Уильяма Стайнберга, Дональд Стейнфэрст из газеты «Питтсбург пост-газетт» был поражен сходством Клайберна с другим музыкантом-чародеем: «Молодой мистер Клайберн, — писал Дональд Стейнфэрст, — высоченный, ростом в 6 футов 4 дюйма, родом из Техаса — страны нефти, казалось, создан для баскетбола, но я уверен, что многие из его слушателей мысленно сравнили его с легендарным Ференцем Листом, который в возрасте 20 лет неожиданно покорила музыкальный мир Па-

В четыре года

В двенадцать лет

В классе Розины Левиной в Джульярдской школе

рижа. Говорят, красивый, с лвиной гривой Лист буквально возвышался над роялем. То же можно сказать и о Клайберне (слово «возвышался» я употребляю в музыкальном смысле — он буквально охватывает всю клавиатуру)».

Ирвинг Колодин, музыкальный редактор «Сэтердей ревью», писал в специальной статье для газеты города Даллас «Ньюс»:

«Этот симпатичный молодой человек... еще раз убедительно доказал нам, что тexasцы все делают основательно и с размахом: поэтическая проникновенность, которой мы давно не наблюдали у наших исполнителей, истинно большой талант... сила, мощный удар, своеобразие игры...»

Музыкального критика этой же газеты Джона Розенфильда попросили написать статью о Клайберне. И еще в 1956 году этот «мудрец с Юга» показал себя достойным своего прозвища, которым его наградила музыкальный мир. За полтора года до поездки Клайберна в Москву Розенфильд писал:

«Его музыкальное чутье, зрелость восприятия, стиль и владение репертуаром сочетаются с блестящим пианизмом и силой».

Итак, самое распространенное недоразумение, породившее легенду о Вэне Клайберне — будто его «открыли» русские, — не имеет под собой почвы. Это утверждение неверно, оно опровергается фактами. Клайберн был открыт у себя на родине, талант его получил признание выдающихся музыкантов Америки; Клайберна тепло встретила американская музыкальная критика; американские аудитории оказывали ему горячий прием — и все это было еще за четыре года до того, как он купил себе билет, чтобы ехать в Россию.

Почему же в таком случае триумф Клайберна в СССР вызвал такую сенсацию в Америке? Почему его признание за рубежом явилось столь неожиданным для нас? Почему успех Клайберна застал нас врасплох?

Возможно, это — загадка, но отнюдь не тайна.

Русские не «открыли» Вэна Клайберна, но они

действительно восприняли с энтузиазмом то, к чему мы, американцы, относимся равнодушно и что мы легко забываем; русские сумели оценить то, на что мы не обращаем внимания.

Печальная истина заключается в том, что к весне 1958 года музыкальная карьера Вэна Клайберна застыла на точке замерзания. Она шла по пути, который, увы, слишком хорошо знаком самым талантливым артистам Америки. Клайберн с его огромным дарованием, казалось, вот-вот станет еще одной жертвой нашего равнодушия к культуре. И как раз в этот момент подоспела его смелая поездка в Москву.

Величие Клайберна ничуть не пострадает, если мы напомним, что накануне своей победы на конкурсе в Москве он был вынужден делать то, что и сейчас делают многие талантливые американцы, — бороться за заслуженное признание в надежде получить возможность делать свое дело, возможность зарабатывать себе на жизнь и совершенствовать свое искусство и мастерство. Клайберн является одним из самых замечательных артистов, которых дала Америка, которыми она вправе гордиться и которые в свою очередь вправе требовать, чтобы им были созданы лучшие условия и предоставлены большие возможности.

И разве не будет справедливым требовать, чтобы нация, которая дает таких артистов, достойно оценила их? И не только оценила, но и поняла, что они — ее самые ценные сокровища, которыми нельзя пренебрегать.

Триумф Вэна Клайберна имеет огромное художественное и политическое значение, но, что еще более важно, он дал толчок к формированию нового в нашем сознании, породил новые надежды и оптимизм.

Вскоре после Московского конкурса я поместил в ответ на угрюмые вопросы многих американцев, задетых в своей национальной гордости, статью в журнале «Репортер», где говорил об этом. Позднее

ее поместил вместе с другими материалами в «Конгрессный рекорд» сенатор от штата Миннесота Хьюберт Хамфри.

В том факте, что Конгресс Соединенных Штатов занялся перипетиями карьеры пианиста из Техаса и захотел сделать из его злоключений выводы, направленные на благо общества, видно знамение времени. Ничто не смогло бы более убедительно показать, какую роль сыграл этот молодой американец в официальном признании роли искусства и художника в жизни нации.

Безусловно, феноменальная карьера Вэна Клайберна поднимает вопросы, которые выходят далеко за пределы концертной эстрады: они касаются нашей политики, нашего экономического и социального устройства. Какой урок нам следует из этого извлечь, каково действительное значение этого для нашей культуры, как сделать, чтобы анализ карьеры Клайберна оказался полезным для молодых музыкантов, артистов, художников, являющихся будущим нашей культуры,— все эти вопросы касаются нас всех.

В этом мораль легенды о Вэне Клайберне.

3

На тебя смотрит весь Техас

В 1939 году крупнейший пианист мира Сергей Рахманинов должен был выступать в Шривпорте (штат Луизиана). Великому русскому композитору, концертировавшему в Европе, не терпелось поскорее вернуться в Америку. Глубоко ненавидя то, что он называл «гитлеровской погодкой» — черные тучи, которые заволокли все небо над Европой, — Рахманинов, похоронивший свою былую неприязнь к большевизму, решил пожертвовать в фонд помощи Красной Армии значительную часть своих гонораров за выступления в Америке *.

Знали ли Рильдия Би Клайберн и другие члены музыкального комитета Шривпорта, что деньги, выплаченные комитетом маэстро, будут посланы в Москву? И стали бы они возражать, если бы даже и знали об этом? Думается, что нет. В те дни, когда все искали союзников против фашистов, Советы перестали стоять «вне закона».

Миссис Клайберн больше волновала в те дни болезнь пятилетнего сынишки Вэна, из-за которой она была вынуждена оставить его дома и идти на концерт Рахманинова одна. Они оба были очень огор-

* Дата указана ошибочно. Пожертвования в фонд помощи Красной Армии были сделаны С. Рахманиновым в 1942 году. — *Прим. ред.*

чены — ведь маленький Вэн всегда ходил с матерью на все концерты в Шривпорте. Клайберны часто слушали пластинки Рахманинова, и он был одним из кумиров Вэна.

К счастью, концерт Рахманинова в тот вечер передавался по радио, и маленький больной мог слушать его в постели. Когда мать вернулась с концерта, Вэн еще не спал: ему не терпелось услышать рассказ очевидца.

«Я и теперь помню,— вспоминал Клайберн почти двадцать лет спустя,— рассказ матери: как скромно и тактично держался Рахманинов, как он был мягок и добр и как приятно ей было беседовать с этим действительно великим человеком... А потом она снова стала пересказывать мне все. И вот тогда я сказал: «Мамочка, больше всего на свете мне хочется стать пианистом!»

Миссис Клайберн было очень приятно услышать это, но она не удивилась. Как-то раз миссис Клайберн готовила после очередного урока что-то на кухне. Это было еще в 1937 году. «Вдруг я услышала,— рассказывает она,— как кто-то подбирает мелодию «Арпеджио-вальса» Кроффорда, который мы только что разучивали с моим учеником. Оказалось, что это играл трехлетний Вэн. Уже тогда мне стало ясно, что он станет пианистом».

На руку тем, кто считает, что среда имеет большее значение в формировании личности, чем врожденные способности, расскажем, что Вэн был единственным ребенком в семье, родился спустя одиннадцать лет после брака родителей, а его мать преподавала музыку по классу фортепьяно, всей душой отдаваясь этому занятию. Более того, миссис Клайберн всячески поощряла и хвалила учеников, когда они хорошо подготавливали урок. Что же удивительного в том, что ее собственному сынишке, ревниво наблюдавшему за каждым движением матери во время уроков, самому захотелось стать ее учеником? «Мне кажется, я сам внушил матери мысль учить меня музыке, когда мне было три года,— вспоминает Вэн.— Мне казалось, если она может

учить соседских ребят, почему бы ей не научить играть и меня?»

Итак, возможно, дух соперничества и естественная склонность побудили маленького мальчика заняться музыкой. Однако нужно сказать (и это будет уже на руку тем, кто считает всякий талант врожденным), что Вэн обладал абсолютным слухом и необыкновенной памятью. Впервые он выступил перед аудиторией в колледже Шривпорта вместе со своей матерью, когда ему было четыре года, исполняя партию второго фортепьяно. Когда пятилетнего Вэна записывали в школу, его будущая учительница спросила, умеет ли он читать. «Нет, мэм,— серьезно ответил толстощекий малыш,— я не знаю букв, но я умею читать ноты». Миссис Клайберн скромно улыбнулась; учительница не знала, что сказать.

Рильдия Би Клайберн (ее девичья фамилия О'Брайен) училась играть на рояле с детства и страстно любила музыку. Позднее родители послали ее в Нью-Йорк, где она училась у Артура Фридгейма — известного исполнителя и педагога того времени. Сам Фридгейм учился в Европе у Ференца Листа. Лист же был учеником Черни — создателя школы техники фортепьянной игры. А Черни являлся учеником Бетховена.

Все эти музыканты, исполнители и педагоги связаны одной традицией. Поэтому не следует удивляться, что молодой американский пианист играет в «большом» стиле, следуя замечательной традиции, роднящей Великого Людвига с мисс О'Брайен из Техаса.

Некоторое время Рильдия Би, страстно любившая фортепьяно, серьезно подумывала о том, чтобы заняться концертно-исполнительской деятельностью. Но родители решительно воспротивились этому. «Молодой девушке из порядочной семьи неприлично разъезжать с концертами и вообще заниматься подобными вещами». Рильдия была вынуждена отказаться от своей мечты и заняться преподаванием музыки. Потом она вышла замуж.

Семья О'Брайен, ирландско-протестантская по происхождению, всегда гордилась той ролью, которую она сыграла в развитии своего штата. Прадед Рильдии, доктор Соломон Грин О'Брайен, был странствующим проповедником и евангелистом, основателем Первой баптистской церкви в Вако и пастором Хьюстона. Кроме того, он преподавал математику в Бейлорском университете в Индепенденсе и был одним из основателей университета в Вако, который в 1886 году слился с Бейлорским университетом.

Его сын, судья Уильям Кэри О'Брайен, после окончания университета стал членом законодательного собрания штата Техас и был одним из инициаторов административного переустройства техасских тюрем. Позднее он перешел на государственную службу и был советником губернатора Рэтта Неффа, члена Верховного суда Тома Кларка и члена палаты представителей Сэма Рэйберна. В молодости он некоторое время работал преподавателем средней школы и женился на одной из своих учениц — Сирильде Мак-Клэйн. В юности Сирильда была полупрофессиональной актрисой, а затем занялась историей Техаса; ее отец, Джек Мак-Клэйн, имел 12 тысяч акров плодородной земли, которые заняты теперь городами Модии и Мак Грегора. Сейчас из обширных земельных угодий своих предков за семьей сохранилось лишь 88 акров.

Вэну было 6 лет, когда его родители переехали в Килгор (в Техасе) — небольшой нефтяной городок, усеянный десятками нефтяных вышек, с населением в 6960 человек. Здесь мистер Клайберн стал работать «земельным агентом» «Магнолия петролеум корпорейшн» — филиала компании «Сокони мобил ойл компании».

В Америке можно часто встретить отцов семейства, подобных мистеру Клайберну — хорошим семьянинов, чутких, скромных, работающих, которые еще не совсем отказались от честолюбивых мечтаний юности. А мистер Клайберн старший всегда мечтал стать врачом-миссионером. Однако недостаток средств не позволил мистеру Клайберну осуще-

ствить мечту, и все свои надежды он возложил на единственного сына.

Когда Вэн предпочел музыку карьере, которую ему прочил отец, Клайберн старший поначалу воспротивился этому. Он подарил Вэну роликовые коньки и новый сверкающий никелем велосипед. Однако год-два спустя мальчик вернул их обратно, даже не прикоснувшись к ним. Однажды, придя со службы, отец увидел, что мальчик сидит после целого дня занятий за роялем в состоянии полнейшего изнеможения, и тогда он выразил свой протест более определенно: нельзя ли мальчику выбрать специальность полегче? Но Вэн вскочил вдруг со стула и негодующе воскликнул: «Папа, не говори так! Я хочу стать концертирующим пианистом!»

К чести мистера Клайберна следует сказать: хотя он не верил, что концертная деятельность может обеспечить пианисту постоянный заработок, он уступил, убедившись, что музыка — истинное призвание Вэна. Более того, он стал всячески помогать сыну. Прежде всего он застраховал свою жизнь, чтобы на всякий случай обеспечить будущее сына; затем выстроил на крыше своего гаража студию для Вэна. В студии стояли два рояля, а в доме были еще два — итого четыре; это свидетельствует о том, что семью Клайбернов, которые не были, конечно, зажиточными людьми, нельзя отнести к числу бедных. И обычно в американских семьях с таким достатком детям стараются обеспечить возможность заниматься любимым делом.

В доме Клайбернов царила атмосфера любви, преданности, веры, энтузиазма. Все это оставило свой след в характере Вэна. Любой поступок Вэна станет понятным, если мы обратим свой взор к его семье, где формировался цельный и самобытный характер этого необыкновенного молодого человека.

Постоянным гостем в доме была музыка, и это лучше всего помогало развитию музыкальных способностей Вэна. Судя по тому, что миссис Клайберн удалось не только развить музыкальную технику Вэна, но одновременно внушить ему, что техника —

всего лишь средство передачи содержания, она, по-видимому, действовала в его обучении согласно своему собственному, оригинальному методу. Постоянные занятия миссис Клайберн с другими учениками также благотворно влияли на мальчика, так как стимулировали у него желание отличиться и быть первым; кроме того, учительница была всегда под рукой и незамедлительно исправляла любые ошибки своего ученика, не давая им укорениться. Бюст Шопена, взиравшего на Вэна с рояля, вдохновлял его.

Мальчика никогда не принуждали к занятиям. Когда Вэн был еще совсем маленьким, он всегда сам подходил к матери, тянул ее за платье и просил: «Мамочка, давай позанимаемся». Но и когда он подрос и стал играть с соседскими ребятишками, миссис Клайберн также не приходилось напоминать ему, что пора заниматься. «Я просто садилась за рояль и начинала играть,— рассказывает она,— и Вэн тотчас же прибежал домой».

«Мне очень нравилось заниматься с матерью,— рассказывает Вэн,— потому что она никогда не обращалась со мной как с ребенком, не льстила мне и не принимала покровительственного тона. Когда я сидел за роялем на занятиях с ней, стараясь не болтать ногами, не достававшими до пола, она обычно говорила так: «Это совсем неплохо» — или: «А это у тебя выходит очень мило». Никаких излияний, никаких восторгов. Я терпеть не мог людей, которые гладили меня по голове и обращались со мной, как с дрессированной собачкой. Ну, вы это поймете».

С детства Вэн чувствовал себя полноправным членом семьи. Мать и отец относились серьезно ко всему, что бы он ни делал. Увидев, что Вэн садится за рояль, родители оставляли свои занятия и слушали его игру. Вэн еще не умел ходить, а родители уже брали малыша с собой в церковь, и со временем он стал петь вместе с ними в церковном хоре.

Во все эти годы, когда формировался характер Вэна, родители проявляли к нему исключительные чуткость и внимание: на него никогда не шикали,

не гнали, не просили, чтобы не мешал взрослым. Он всегда был желанным. Следы этого воспитания видны и сейчас; он одинаково уверенно входит в комнату или выходит на концертную эстраду — в Москве, Вашингтоне или в Бэрабу (штат Висконсин), — неизменно спокойный, уравновешенный, уверенный в доброжелательности аудитории. Взрослый Вэн Клайберн искренне любит людей, и отсюда его убеждение, что люди любят его, Вэна. И не отдельные люди, а все люди вообще.

Возможно, самая удивительная из его черт — умение вести себя. Как и его мать, он всегда сумеет сказать собеседнику что-либо приятное, доставив ему этим удовольствие.

Вэн с детства узнал, какую радость приносят неожиданные подарки: цветы или конфеты — смотря по тому, что позволяет семейный бюджет. В рождественское утро в ближайшей к его дому аптеке не оставалось ни одного шоколадного набора — все они раскупались семьей Клайбернов и лично доставлялись их знакомым в городе.

Во все дни и времена красные розы — «фирменная марка» Вэна Клайберна. Даже в тот вечер, когда Вэн вернулся из Москвы, он все-таки нашел время после концерта в Доме звукозаписи и выступления по телевидению с Эдом Мэрроу, чтобы зайти к нам; он шатался от усталости, но в руках у него были красные розы. Вэн знал, что на следующий день Констанция должна была вернуться домой из больницы после операции, и ему захотелось самому принести ей цветы. И обо всем этом он подумал заранее. Такая чуткость и заботливость, ставшие традицией на рыцарственном Юге, привиты ему с раннего детства, они стали органическими чертами его характера.

Вэну с детства доводилось встречаться с известными музыкантами и говорить с ними о своей игре. Отправиться на машине в Даллас, находящийся в шести часах езды от Килгора, чтобы попасть на концерт, было обычным делом для семьи Клайбернов. После концерта они всегда шли за кулисы,

чтобы поговорить с исполнителем; так они познакомились и с Констанцией.

Полковник Д. Гарольд Бэрд — большой почитатель Хозе Итурби — вспоминает, как в 1949 году он пригласил его дать концерт в Далласе. Бэрд ожидал переодевавшегося к обеду пианиста в номере, заблаговременно заказанном для него в отеле «Адольфус». Вдруг в дверь постучали. Полковник отворил дверь. Перед ним стоял курчавый паренек лет двенадцати.

— Меня зовут Вэн Клайберн, — сказал он вежливо, — мне хотелось бы сыграть мистеру Итурби и кое о чем спросить его.

— Ну, ну, заходи, — добродушно ответил полковник, — мистер Итурби бреется сейчас в ванной комнате, а вот рояль. Не мог бы ты исполнить мое любимое произведение «*Clair de lune*» («Лунный свет»)?

Мальчик начал играть, и скоро Итурби вышел из ванной с полотенцем в руках, стирая с лица мыльную пену.

— Прекрасно! Великолепно! — воскликнул он одобрительно, когда мальчик закончил играть. — Сыграно с чувством. Ты талантливый мальчик, продолжай заниматься. А кто твой учитель?

— Моя мама, — ответил Вэн.

— Мне хотелось бы с ней познакомиться. Но сейчас я занят. Ты не смог бы прийти ко мне с мамой минут через сорок?

Через сорок минут Вэн с матерью были в отеле. И, хотя Итурби поздравил миссис Клайберн с замечательными педагогическими способностями, она спросила его, не следует ли ей передать Вэна какому-нибудь другому учителю.

— Дорогая миссис Клайберн, — ответил Итурби, — я слышал игру многих людей. Вы даже не представляете себе, какой вы прекрасный педагог! Просто несправедливо передавать Вэна другому учителю.

Потом он прибавил:

— Если вам доведется быть на Западном побе-

режье, пожалуйста, заезжайте ко мне. Мне хотелось бы еще раз послушать Вэна и познакомить вас с моей сестрой Ампаро.

Через три месяца мистер Клайберн поехал в Денвер по делам компании и захватил с собой семью. «Мы решили, — рассказывает Вэн, — что из Денвера поедем отдохнуть на Западный берег и навестим там Итурби. Нам удалось увидаться с ним, но он был тогда очень занят работой для кинофильма.

Я сильно простудился, а в городе, где мы остановились, началась эпидемия полиомиелита, поэтому мне так и не удалось сыграть для Итурби». Через два дня Клайберны вернулись в Техас.

Вопрос о том, не следует ли передать сына какому-либо другому педагогу, все время беспокоил миссис Клайберн. Но Вэн категорически возражал. «Я даже сказал, что вообще брошу играть, если мне возьмут другого учителя», — рассказывает он.

Тем не менее, когда Вэну было 13 лет, ему пришлось сопровождать мать в ее поездке в Нью-Йорк. Миссис Клайберн поехала туда, чтобы присутствовать на летней экзаменационной сессии Джульярдской школы. Она получила огромное удовольствие от посещения классов — это принесло ей большую пользу, однако больше всего ее интересовал преподавательский состав школы, так как она хотела выбрать для Вэна наиболее подходящего педагога. Прошло некоторое время, и Вэн уже сдал экзамены по обязательным предметам: гармонии, теории, чтению с листа, музыкальному диктанту и ансамблевой игре. Члены приемной комиссии, заглянув в его аттестаты, подтвердили, что успехи его «были блестящими». Летом следующего года Вэн переехал в Нью-Йорк и начал заниматься у знаменитого Эрнста Хатчисона, преподавателя Джульярдской школы, который, несмотря на свое исключительное мастерство, больше интересовался интеллектуальным развитием и техническими достижениями ученика, чем индивидуальными особенностями его таланта. Есть основания полагать, что Вэн без особого энтузиазма занимался под его руководством: ведь не все одарен-

ные ученики воспринимали такое обучение одинаково. После пяти уроков его «прорвало». Однако миссис Клайберн нашла в классе «Хатчи» немало поучительного и довела Вэна до последнего урока.

Летом того же года восторженные отзывы о Вэне достигли ушей Ольги Самаровой — другого выдающегося педагога Джульярдской школы. Мадам Самарова (до замужества Люси Хайкенлюпер, позднее жена Леопольда Стоковского), уроженка Сан-Антонио (Техас), без предварительного прослушивания предложила Вэну заниматься в ее классе. Однако смерть Ольги Самаровой помешала осуществить этот план. Тогда Вэн отказался заниматься с кем-либо еще и вернулся в Техас, чтобы там поступить в среднюю школу.

Никому нигде и никогда не приходилось слышать что-либо принижающее интеллект Вэна Клайберна. Напротив, все отмечали большую остроту его ума. Мать Вэна рассказывает, что во время уроков с ним ей никогда не приходилось повторять что-либо дважды. Те, кому довелось учиться с Вэном, утверждают, что он был наделен «абсолютной» памятью. Летние курсы помогли Вэну закончить Килгорскую среднюю школу в три года. В школе он всегда получал высокие награды и входил в число лучших учеников.

Когда он, окончив среднюю школу, поступил в Килгорский колледж, где прошел курс английского языка и психологии, он был одним из двух студентов, получивших высшие оценки по этим предметам.

Вэн всегда говорил: «Я не могу учить то, что мне не интересно. Мне нужно, чтобы предмет захватил мое воображение». Он с удовольствием изучал латынь. По-видимому, ее высоко флективная структура импонировала его чувству ритма и формы. «Я неплохо знал латынь», — сказал он мне однажды и, чтобы доказать мне это, принялся читать по-латыни «Приветствие флагу».

Вэн был очень общителен, и его очень любили в школе. Он дружил со сверстниками, и ему было

очень нелегко отказываться от игр и спорта. Но он вынужден был это делать, чтобы не повредить себе рук. Компромисс был найден — во время футбольных состязаний он играл в оркестре на кларнете. Вскоре он уговорил нескольких оркестрантов аккомпанировать ему на концерте в колледже города Дентона (Техас). После концерта одна студентка колледжа попросила Вэна дать ей интервью. Правда ли, спросила она, что Вэн играл для Итурби? Что же сказал Итурби о его игре?

«О,— ответил Вэн, неловко переминаясь с ноги на ногу,— он сказал, что я играл ничего...»

Многие тренеры, глядя на долговязую фигуру Вэна, искренне сожалели, что в нем погибает огромный спортивный талант. Один тренер, находившийся как-то раз среди слушателей Вэна на концерте в Саут-Бенде (Индиана), скорбно произнес, глядя, как огромные руки Вэна забегали по черным клавишам: «Музыка явно похитила его у баскетбола».

Брэдфорд, преподаватель физкультуры Килгорской средней школы, рассказывает, что Вэн иногда заглядывал в школьный гимнастический зал поиграть с ребятами и забросить пару мячей в баскетбольное кольцо. Легкость и точность его броска были просто удивительны; однако, как говорит Брэдфорд, все понимали, почему Вэн упорно не соглашается играть в баскетбольной команде.

«Знаете, часто те, кого называют гениями,— заметил он,— бывают несколько странными. Понимаете, ну, чем-то не такими, как все. Но о Вэне этого нельзя сказать. Он был хорошим и крепким мальчиком».

Досуг этого «хорошего и крепкого» мальчика заполняли только школьная газета и драматический кружок. Для школьной газеты «Килгор миррор» он писал статьи, а однажды в школьном сборнике появилось даже его стихотворение «Пустыня». Вэн был председателем драматического кружка, и, хотя его труппа дальше репетиций не пошла, он работал над комической ролью Клифтона Уэбба в пьесе «Теп-

лое место» и над трагической ролью Ральфа Беллами в пьесе «Завтра мир». Он полагает, что мог бы стать хорошим актером; учитывая его способность проникновения в человеческий характер, можно предположить, что он не ошибается.

В детстве Вэн был похож на маленького херувимчика, но после тринадцати лет он стал расти как на дрожжах. Организм не успевал снабдить костяк достаточным количеством мышц, и вот к шестнадцати годам Вэн превратился в долговязого худощавого парня с длинными руками и огромными ногами, на которые не налезали ботинки самых больших размеров.

У него пошли нарывы и фурункулы, от которых он не отделался и по сей день. Когда теперь Вэн вспоминает об этом времени, он называет его «жестковатым», и оно действительно было «жестковато» к нему, потому что, как он сам говорит, «невозможно любить музыку настолько, чтобы только играть и не думать при этом, что тебя считают «тронутом». Волосы у него тогда были такие же густые, как и теперь, и, если их не успевали срезать беспощадные ножницы парикмахера, они превращались в густую рыжеватую гриву, как у льва.

Тем не менее девушки, с которыми Вэн встречался на вечерах, считали его очень веселым собеседником и прекрасным танцором. Он играл самые модные песенки и танцы, любил повеселиться, и о нем вспоминают как об одном из «самых славных ребят в школе». Но работа всегда была у Вэна на первом месте. Он вставал рано, чтобы успеть часок-другой позаниматься до школы, и, кроме того, находил для музыкальных упражнений еще несколько часов в день. Иногда он «отдыхал», распевая песенки Гершвина и Берлина и аккомпанируя себе на рояле. Так как из-за уроков у миссис Клайберн не было времени готовить дома, семья часто обедала в крошечном кафе миссис Лэйк, где Вэну больше всего нравился бифштекс с молодой репой и маисовыми лепешками.

За годы детства Вэн успел выступить почти во всех городах Техаса, и когда техасцы начали «хвастаться» им, ему было всего 12 лет. Позднее, в 1947 году, он заявил матери, что хочет принять участие в конкурсе на премию штата, которая давала ее обладателю право выступить с Хьюстонским симфоническим оркестром под управлением Эрнста Гофмана. Миссис Клайберн пыталась отговорить Вэна, считая, что он слишком молод и будет не в силах подготовиться к конкурсу. Когда же Вэн настоял на своем, она выписала мелом на доске все оставшиеся до начала конкурса дни и каждый раз зачеркивала после занятий по одному дню. За 21 день Вэн выучил Концерт си-бемоль минор Чайковского. Исполнением этого концерта Вэн завоевал премию штата, а когда он исполнил его в Хьюстоне, оркестр стоя аплодировал ему.

В том же сезоне Вэн, как победитель конкурса штата Техас, получил право выступить в Карнеги-холл на Национальном фестивале музыки. (На этом фестивале определяют самых талантливых молодых исполнителей страны.)

В апреле 1952 года он завоевал премию Дж. В. Диллея, учрежденную покойным издателем газеты города Далласа «Ньюс». Размер премии — 500 долларов — был на этот раз увеличен за счет пожертвования, сделанного полковником Бэрдом. Победа Вэна дала ему также возможность выступить с Далласским симфоническим оркестром под управлением Уолтера Генделя. Он играл Второй концерт ре минор Мак Доуэлла. Это было за два месяца до его выступления в Нью-Йорке на конкурсе Шопена.

Мальчик шел вперед к новым успехам.

Через конкурсы и испытания

После Дня труда 1951 года студенты музыкальных учебных заведений, приехавшие из самых отдаленных уголков Соединенных Штатов, и их преподаватели собрались в Джульярдской музыкальной школе в Манхэттене. Среди преподавателей находилась и мадам Розина Левина — вдова и партнер по фортепьянному дуэту прославленного пианиста Иосифа Левина, занимавшаяся только с наиболее талантливыми студентами школы. Среди вновь поступающих находился некто Вэн Клайберн, приехавший вместе со своей матерью; остановились они в отеле «Бьюкинхэм».

Миссис Клайберн вспоминает:

Когда они получили в гостинице карточку о зачислении в школу, оказалось, что Вэн зачислен в класс не мадам Левиной, как они предполагали и просили, а одного из ее помощников. Смятение и тревога! В течение трех лет они проделывали долгий путь из Техаса в Нью-Йорк с единственной целью — выбрать себе учителя, и теперь это показалось им чуть ли не предательством. Миссис Клайберн посоветовала сыну позвонить по телефону и поговорить с самой мадам Левиной. «Я уверена, она все поймет».

Сын послушался, но мадам Левина объяснила, что ее классы, к сожалению, уже укомплектованы.

Ей не пришлось присутствовать на первых приемных испытаниях в Джульярдскую школу, поэтому она не слышала его игры. «Но, возможно,— сказала она,— я смогу взять вас к себе на следующий год».

Вэн вспоминает свои слова:

«Но я *должен* заниматься у вас, миссис Левина. Если даже вы сможете уделять мне всего десять минут в неделю, я и то буду считать себя вашим учеником. Однако если вы мне отказываете окончательно и мне придется поступить к другому учителю, я, конечно, буду заниматься у него до самого выпуска. Мне хотелось бы, миссис Левина, чтобы вы знали, что я очень постоянен».

А вот что вспоминает мадам Левина:

Как-то, когда она стояла у школьного лифта, к ней подошел широкими и быстрыми шагами высокий растрепанный молодой человек и с улыбкой сказал ей: «Миссис, я пришел, чтобы заниматься у вас».

Но, как бы ни было, окончательно склонило чашу весов в пользу Вэна то обстоятельство, что два других ученика мадам Левиной — Дженеан Довис и Джеймс Матис, оба исключительно одаренные пианисты и победители Диллеевского конкурса, также уроженцы Техаса,— взялись похлопотать за Вэна. Они горячо уверяли мадам Левину, что это — исключительный талант, и умоляли ее, чтобы она хотя бы его послушала. Она согласилась, и он сыграл... Ну что бы вы думали? Конечно, Двенадцатую рапсодию Листа! Старый верный друг и на этот раз оказал свое неизменное колдовское действие, и мадам Левина как-то нашла в своем расписании место для Вэна Клайберна.

Впоследствии я спросил мадам Левину:

— Что прежде всего поразило вас в Вэне?

— Его широта, масштабность,— ответила она не задумываясь.— Кроме того, я почувствовала его исключительную одухотворенность.

Миссис Клайберн поместила Вэна на квартиру к Аллену и Хайзель Спайсерам на Клермонт авеню, неподалеку от школы. Тут к услугам Вэна оказа-

лись своя ванная и просторная, комфортабельная комната с таким высоким потолком, что даже он, с его жирафоподобным ростом, мог проходить в дверь не нагибаясь. Но больше всего приглянулся миссис Клайберн при первом осмотре помещения почтенный концертный «Чикеринг», стоявший в гостиной. Будет ли позволено Вэну упражняться на нем час-два в день? Миссис Спайсер дала согласие, но с условием, чтобы он не играл гамм.

Мне кажется, рояль — труднейшая инструментальная проблема для тех, кому надо на нем упражняться; он уступает в этом отношении разве только церковным колоколам и органу. Этого мастодонта за собой не потащишь — приходится пользоваться им там, где его найдешь. Неожиданно лишившийся своей домашней студии-гаража, Вэн вынужден был играть в догонялки со временем и местом для занятий: он то упражнялся в классах у Джульярда, когда их удавалось застать свободными, то в почасовых классах в Манхэттене, то, наконец, укрыв свой «Чикеринг» одеялами, урывал какое-то время вечером дома, хотя в десять часов ему приходилось спешно заканчивать свои занятия из уважения к соседям. Почтенный инструмент, с его мягким тоном, едва выдерживал бешеные натиски Вэна и грозил вот-вот развалиться. Катастрофы удалось избежать лишь благодаря тому, что после Левентриттовской победы Вэн заделался «Стейнвеевским артистом»: фирма послала лауреату один из своих роялей. Разумеется, старый заслуженный семейный инструмент нельзя было выставить вон, и грузчики поставили оба рояля рядом, валетом, так что вдвоем они заняли не более половины помещения. Миссис Спайсер ужасалась этому, уверяя, что комната стала походить на мебельный склад, но восторг Вэна был беспредельным: «Право, миссис, это чудесно, — уверял он ее. — Совсем как у нас дома!»

Переселившись в Нью-Йорк, Вэн прежде всего позаботился о том, чтобы приписаться к церковной общине. Церковь Кальверы Баптист Черч на Вест-стрит 57 стояла рядом со зданием Стейнвей-холл и

в двух шагах от Карнеги-холл, являясь их почтенным, хотя и аляповато разряженным соседом. Здесь Вэн чувствовал себя дома и был сердечно принят с самого начала.

Привыкший с детства регулярно и часто посещать церковные службы вместе со своими родителями, Вэн не считал для себя обременительным ездить в церковь по средам для участия в службе, по четвергам на спевки и два раза в день по воскресеньям. Также он не считал чем-то необычным отдавать церкви десятую долю своих гонораров или денежных премий, полученных на конкурсах: ведь родители его платили церковную десятину с давних пор, еще до того, как он родился. Впоследствии он часто удваивал этот взнос.

«Всю жизнь мы отдаем церкви десятую часть своих заработков,— с гордостью говорит отец Клайберн,— но Вэн — тот вдвойне десятичник, он отдает не десять, а двадцать процентов своих заработков». Отец забыл, однако, добавить, что Вэн платит проценты не с чистого заработка, а с общей суммы гонорара (без отчислений).

С первых же дней вступления в общину церкви Кэльвери Черч Вэн крепко сдружился со многими из ее членов. На эти дружеские связи Вэн может всегда полагаться, как бы ни сложилась в дальнейшем его судьба. «Не часто видим мы теперь Вэна,— говорят его друзья по общине,— после приезда из Москвы он слишком занят. Но он знает, что мы здесь и будем всегда ему рады, когда бы он ни пришел».

Вскоре после своего приезда в Нью-Йорк Вэн встретил девушку, тоже уроженку Техаса, из города Гринвиля, учившуюся в Джульямской школе пению,— Донну Сандерс. Стройная, привлекательная брюнетка, к тому же талантливая, она была солисткой в церковном хоре. Между ней и Вэном было много общего, и, хотя они не были формально помолвлены, считалось, что они как бы жених и невеста. Вэн совершенно серьезно думал о женитьбе и даже пробовал подготовить к этому своих кварти-

рохозяев, спрашивая, можно ли ему будет привести свою невесту на Клермонт авеню.

Начался извечный конфликт между женитьбой и карьерой. Однако он разыгрался в современном стиле, потому что девушка, умевшая не только петь, но и танцевать, нашла себе место в труппе «Сент оф Бликер-стрит». Когда конфликт принял форму «женитьба против двух карьер», перевесили последние. Все время, пока здесь царила неопределенность, родители Вэна ни во что не вмешивались, однако предложили, чтобы молодые люди подождали с женитьбой еще год. Они согласились. Но вскоре Донна вышла замуж за актера, а Вэн как будто сказал после этого, что никогда в жизни не женится. Ну что ж, посмотрим.

После получения Вэном Шопеновской премии его польские друзья свезли его в Асти, ресторан в Грин Виладже, хорошо известный певцам и музыкантам. Вэн сразу приглянулся владельцу ресторана Адольфи Мариани, которому понравилось, как он обращался с большим роялем, стоявшим в середине зала, и с бифштексом, дымящимся посередине тарелки. Хотя Вэн способен весело пообедать парой сосисок (что делает и до сих пор на репетициях или когда у него нет времени), он являет собой тип человека, которого приятно кормить, — с каждым днем это может засвидетельствовать все большее число метрдотелей. Он любит вкусно поесть и может съесть много. Вскоре он сделался одним из завсегдатаев у Асти, как и многие молодые артисты, которые едят там, когда они голодны, играют, когда им хочется, и платят после того, как получают золотую медаль в Москве. Но *совершенно неверно*, будто бы они занимаются таким малопочетным делом, как «играть за ужин», о чем писал один американский журнал.

Правда, известно и нечто другое. Например, когда Вэн приводил сюда Донну, он иногда забегал с утра в ресторан к управляющему Джилио Галлахеру предупредить его, что ему хочется привести к обеду

девушку, но что у него мало денег — нельзя ли будет выписать счет полегче? Ну, еще бы! И ему никогда не подавали обременительного счета. Иной раз он приходил к Асти с дирижером Уолтером Генделем, которого знал со времени своего выступления с Далласским симфоническим оркестром, или с Джеромом Хайнсом — басом Метрополитен-опера, или, наконец, с целой ватагой гостей. Настроение бывало приподнятым, и он играл без конца, частенько до тех пор, пока не гасили свет. Вэн никогда не пил спиртных напитков. Его веселое настроение и подъем духа заменяли ему всякое опьянение. Вэн — неисправимый трезвенник, он пьет одну минеральную воду, следуя в этом не только своему вкусу, но и религиозным убеждениям.

Во второй и третий годы своего обучения в Джульярдской школе он проводил лето в Чаутаукве, где играл с местным симфоническим оркестром под управлением Генделя. Вэн жил там в гостях у миссис Стефан Менгель из Далласа, имевшей свою виллу на озере.

Техас был неплохо представлен на этом курорте во время пребывания там Вэна; об этом писал Дэвид Холден в музыкальном обозрении местной газеты:

«Когда окончился концерт городского симфонического оркестра, от обычной воскресной благочинности не осталось и следа: битком набитый амфитеатр вызывал Вэна Клайберна шесть раз продолжительными рукоплесканиями. Техасцы, присутствующие в толпе, едва удерживались от того, чтобы не палить из своих револьверов, а на губах у них замер ковбойский клич. Восемнадцатилетний гражданин их штата действительно изумительно исполнил изумительный концерт».

Изумительный концерт? Да. Концерт Чайковского.

Джилль Галлахер из ресторана Асти был полупрофессиональным баритоном и тоже проводил лето

в Чаутаукве, руководя репетициями оперы. Он готовил тогда партию нотингенского шерифа в опере «Робин Гуд» *, которую собирался спеть по возвращении в Нью-Йорк. Однажды он позвонил Вэну и попросил его приехать в ресторан, чтобы проиграть с ним партитуру. Вэн не только приехал и не только проаккомпанировал ему — он просидел с ним большую часть ночи и сыграл всю партитуру Де Ковена на рояле, а также пропел с ним все сольные партии. И прежде, чем вся опера не была записана на ленту, он не ушел. Вспомнив об этом впоследствии, Галлахер подумал, что запись может представить большой интерес. Но, когда, уже после Москвы, ему захотелось отыскать ленту, он с ужасом обнаружил, что она использована вторично и прежняя запись стерта. Так оказалась потерянной одна запись Клайберна, несомненно весьма ценная для коллекционеров.

Поступив в Джульярдскую школу, Вэн слушал академический курс, дающий степень бакалавра наук, но в следующем году перешел на консерваторский курс. Здесь он получал такой же диплом, но количество часов в семестре было несколько меньшим, благодаря этому у него оставалось больше свободного времени для работы и выступлений. Стипендии в школе предоставляются в зависимости от успехов студентов по специальному предмету, причем размеры стипендий устанавливаются в соответствии с материальным положением учащихся. По поступлении Вэн получил именную стипендию, но, как с улыбкой вспоминает миссис Клайберн, «мы не были достаточно бедны, чтобы просить о субсидии». Он все еще был первокурсником у Джульярда, когда ему присудили премию Диллея в пятьсот долларов, несколько увеличенную полковником Бардом, а затем Шопеновскую стипендию в тысячу долларов.

* «Робин Гуд» — комическая опера в трех актах американского композитора Реджинальда Де Ковена (1859—1920). Первое представление состоялось в Чикаго в 1890 году.— *Прим. ред.*

Это была немалая сумма для молодого человека, не достигшего двадцатилетнего возраста. На втором курсе он получил премию Фонда Ольги Самаровой и ему было присуждено первое место на конкурсе Джульярдской школы. В программу конкурса, который транслировался по городской сети, входило исполнение фортепьянного концерта, и Вэн сыграл... вы правы — Чайковского!

За этот, второй, год на долю Вэна выпали еще две неожиданные удачи. Девятого апреля 1953 года в Килгоре был объявлен «День Вэна Клайберна» — впервые в его жизни, — когда он после двухлетнего отсутствия вернулся, чтобы играть перед своими согражданами. Тогда же ему преподнесли от имени города стипендию в 600 долларов.

Это торжество началось не совсем гладко. Тридцать минут спустя после объявленного начала концерта герой дня все еще не показывался в концертном зале. Полторы тысячи раздраженных техасцев ерзали в нетерпении на своих местах, а распорядительница концерта Френсис Герц и ее комитет рвали на себе волосы. Раздражение не улеглось и после того, как распространился слух, что концертант, чуждый тревоблениям, все еще сидит в блаженном неведении у себя дома и разговаривает по междугородному телефону со своей девушкой в Нью-Йорке! Когда Вэн наконец появился, публика уже устала ждать. Он быстро учел это обстоятельство и заиграл во всю мощь инструмента «Звездное знамя». Все, как один, поднялись со своих мест...

В ходе концерта все было прощено: была исполнена чудесная программа с Токкатой Баха до минор, Сонатой Моцарта до мажор К. 330, Шестой сонатой Прокофьева, двумя этюдами и Фантазией фа минор Шопена, «Лодкой в море» («*La barque sur l'Océan*») и Токкатой Равеля. Когда смолкли последние бурные овации, Элмер Скотт, чьим именем назван Скотт-холл в Далласе, сказал, что игра Вэна произвела на него необычайно сильное впечатление.

«Сегодня вечером вы лучше, чем кто-либо другой, передали истинного Равеля».

Во время антракта на сцену были вызваны родители Вэна. Они стояли рядом с ним, когда ему подносили чек в качестве «дара от всего населения вашего родного города... в знак признательности за вашу работу и известность, которую вы принесли Килгору». Как объяснила миссис Раймонд Уиттлей — председатель килгорского музыкального клуба, эти деньги предназначались для продолжения музыкального образования Вэна. Этот искренний и непосредственный знак внимания со стороны жителей города был для мистера и миссис Клайберн, может быть, самым волнующим и радостным эпизодом их жизни. Вэн, растроганный, как и они, благодарил всех, кто «устроил этот чудесный день». Исполнение на бис — Полонеза Шопена ля-бемоль мажор и Двенадцатой рапсодии Листа — он посвятил килгорскому музыкальному клубу.

Когда Вэн впервые принял участие в концерте Джульярдской школы, он опоздал на двадцать минут. Решив минутку вздремнуть, он крепко уснул. «Молодому мистеру Клайберну», который становился известным все более широкому кругу коллег, не было знакомо чувство времени, в его подсознании никогда не «тикали часы». В этом повинно его свойство отключаться от окружающего; сосредоточиваясь на чем-либо одном, он забывает обо всем остальном. Отчасти в этом повинна и некоторая его неорганизованность. «Я замешкался и опоздал», — честно признался он как-то группе корреспондентов, которых заставил ждать. «Я живу данной минутой» — это качество Вэна сводит с ума хозяек домов и приводит в отчаяние его друзей. Со времени приезда из Москвы он чувствует все большую ответственность перед обществом; признавая за собой этот недостаток, он прилагает титанические усилия, чтобы избавиться от него. Но бороться придется еще упорно и долго.

На втором курсе школа выдвинула Вэна на соискание премии Микаэляса в Чикаго; кроме 1000 дол-

ларов, победитель получал право выступить в Равинья-парке с Чикагским симфоническим оркестром. Кроме того, ему гарантировались дополнительные ангажементы на концерты с оркестрами Питтсбурга (штат Миннеаполис) и других больших городов. Первые туры, в которых участвует от 200 до 300 молодых инструменталистов, происходят в Нью-Йорке и Чикаго. Во втором туре, который происходит в Чикаго при закрытых дверях, принимает участие примерно 25 человек. Последний, третий тур проводится как публичный концерт; в этом отношении конкурс Микаэlsa, единственный из всех наших американских конкурсов, похож на те большие конкурсы, которые проводятся в Брюсселе, Варшаве, Москве.

С этого конкурса Вэну, впервые в жизни, не удалось уехать с первой премией в кармане.

Музыкальный критик газеты «Чикаго америкэн» всегда оспаривал справедливость этого решения, особенно в свете позднейших событий. Он критиковал, как он писал, «любовительский метод» присуждения этой вожделенной премии. Комментируя победу Аугустина Аниевас над Олгной Фуски в третьем туре конкурса пианистов 1958 года, Детмер писал: «...хор произвольных выкриков прерывал аплодисменты», когда был объявлен победитель. После того как Москва прославила Вэна Клайберна своим решением «мы выбираем достойнейшего среди достойных», Детмер решил заглянуть в старые отчеты и вспомнить все обстоятельства конклава 1953 года. Его выводы были широко обнародованы в «Нью-Йорк таймс» в номере от 10 августа 1958 года:

«Случай с мистером Клайберном интересен и, пожалуй, показателен для методов присуждения премий Микаэlsa. Он выступил в финале конкурса, когда ему было 19 лет, по рекомендации мадам Левиной и Марка Шубарта.

Весной, во время второго тура, судьи записали на своих листках в числе относящихся

и не относящихся к делу комментариев: «Исключительная музыкальность... Превосходная техника... Прекрасный природный талант» (Излер Соломон); «Хорошая техника... манерная игра» (Джордж Купер, директор Чикагского симфонического оркестра); «Очень уверенная и сильная техника, отличная перспектива... Многообещающий... высокоодаренный пианист» (покойный Феликс Боровский, композитор, глава чикагских критиков).

В том же году, позднее, участники финального тура, в числе которых был и мистер Клайберн, выступили перед восемью судьями. Во время решающего прослушивания, которое проходило при закрытых дверях, мистер Клайберн исполнил Шопена, Листа, сонату Бетховена «Les adieux» и Прокофьева (Шестую сонату). Однако еще до вечернего концерта было единогласно решено, что победителем будет мистер Олевский, так как он старше, более зрелый как музыкант и имеет профессиональный опыт.

В тот вечер единогласие между коллегами-судьями было нарушено: доктор Боровский подал свой голос за мистера Клайберна, потому что он не мог, как впоследствии объяснил своей жене, «голосовать против такого большого таланта».

Поль Олевский — не пианист, а виолончелист, к тому же прекрасный; в то время он был в армии, а впоследствии стал первым виолончелистом в Детройтском симфоническом оркестре. Никто не оспаривает права этого великоленного артиста на признание. И Вэн, конечно, меньше, чем кто-либо, хотя иногда он вскользь замечает, что «никогда не проигрывал конкурса *другому пианисту*». Он не выразил какого-либо недовольства решением жюри Микаэльсовского конкурса. Миссис Клайберн, присутствовавшая в Чикаго на третьем туре, впоследствии сказала судьям, что «она очень рада, что Вэн не

всегда бывает победителем,— надо уметь и проигрывать».

Тем не менее решение жюри наделало немало шума: единственный случай, когда превосходство Вэна не получило должного признания, вызвал недовольство в авторитетных кругах.

Понемногу в нью-йоркский музыкальный мир, живущий довольно обособленно, стали просачиваться слухи о появлении в школе Джульярда необычайной пары рук, берущих дуодециму. Эти слухи уже достигли ушей концертного импресарио Уильяма Джада, когда ему позвонил Марк Шубарт, декан Джульярдской школы.

— Я никогда не делал этого прежде,— сказал он,— но сейчас у нас есть пианист, по имени Вэн Клайберн, которого вам следовало бы послушать.

— Мне уже говорили о нем,— ответил Джад.— Могли бы вы устроить мне неофициальное прослушивание?

Шубарт ответил, что это нетрудно. Мадам Левина часто переносила уроки с учениками из своего маленького класса в аудиторию. Если Джад согласен, они воспользуются одним из таких случаев и вместе послушают Вэна, оставшись незамеченными.

Так однажды Вэн вышел на школьную эстраду, чтобы сыграть для мадам Левиной сонаты Моцарта и Прокофьева, не подозревая, что в глубине зала сидел в тени балконов и слушал его один из самых проникательных и влиятельных концертных антрепренеров страны. Билль Джад был покорен. Позднее он говорил, что Вэн — единственный артист, в которого он поверил сразу, с одного прослушивания.

Джад не ожидал, да и как мог он — компаньон одной из ведущих музыкальных фирм — ожидать, что в самом скором времени ему придется ангажировать Вэна. В то время фирма Джадсон, О'Нейль и Джад была филиалом Колумбийского концертного бюро, которое распоряжалось такими крупнейшими музыкантами, как Лили Понс, Ричард Теккер, Миша Эльман, Яша Хейфец, Рудольф Серкин. Пожалуй, любой восемнадцатилетний студент, едва сту-

пивший одной ногой на нижнюю ступеньку длинной лестницы успеха, радостно подписал бы такой контракт собственной кровью, если бы только ему его предложили. Но Вэн лишь вежливо поблагодарил и сказал, что подумает о полученном предложении. «Подумать о чем-нибудь» на языке Клайберна означало бесконечно спрашивать совета у всех и каждого, откладывая решение возможно дальше.

Более года Джадсон, О'Нейл и Джад обхаживали свое сокровище, приглашая его на обеды, соблазняя билетами в театр, пересматривая пункты контракта, стараясь приманить его чем угодно, и ждали, когда же наконец закружится эта косматая голова. Но Вэн не подписывал контракта, хотя и не отказывался окончательно. Он попросту ел с благодарностью их обеды и продолжал упражняться.

Аллен Спайсер как-то спросил Билля Джада, забежавшего к Вэну домой на Клермонт авеню:

— Каково ваше подлинное мнение о Вэне?

И добавил, что хотел бы слышать ответ бизнесмена.

— Позвольте мне ответить следующим образом,— сказал Джад.— Во-первых, как пианист он мастер своего дела. А во-вторых, он много лучше, чем думает сам.

Джультардскую школу Вэн окончил 28 мая 1954 года, получив премию, установленную в память Карла Редера и присуждаемую пианистам «за исключительные достижения», а также стипендию Фрэнка Дэмроша, дающую право продолжать учебу в течение еще одного года. Примерно в это же время он предупредил, что выступит осенью в качестве соискателя на премию Левентритта. После этого заявления у его будущих антрепренеров едва не лопнуло терпение.

В нашей стране различные случайные моменты часто влияют на результаты конкурсов, тем более, что это связано также с антрепризами. И хотя Вэн все еще был студентом, Джадсон, О'Нейл и Джад считали, что ему, так же как и профессионалам, следует избегать соревнований. Это показывает, на-

сколько высоко они оценивали его потенциальные возможности. Кроме того, они опасались, особенно после «истории с премией Микаэlsa», как бы у него не появилась репутация «вечного соискателя».

Но, как в этом грустно признается Билль Джад, «Вэн всегда все решает самостоятельно». Все доводы не привели ни к чему: Вэн заполнил бланк Левентриттского конкурса и отослал его.

Его заявление было одним из сорока восьми, полученных в тот год. Розали Левентритт Бернер, директор Фонда, вспоминает, как однажды, укладывая в портфель нужные бумаги, чтобы ехать на собрание, она заметила, что один из конвертов соискателей был толще и тяжелее чуть ли не всех остальных, вместе взятых. Заинтересовавшись, она вскрыла его. Из конверта посыпались дюжины газетных вырезок, собранных, как видно, со всех уголков Техаса; в них говорилось о триумфах некоего Вэна Клайберна, чье лицо херувима глядело на нее во всех видах с многочисленных фотографий. Материала было пропасть, но, кроме отзывов Чапина и Диллея, ничего особо значительного. Посмеиваясь, миссис Бернер уложила бумаги обратно в портфель и поволокла его на собрание.

После выступления на последнем туре конкурса Вэн вернулся к себе на квартиру, ожидая решения жюри. Не в силах заняться чем-либо, он шагал по комнате и напряженно ждал телефонного звонка. Наконец позвонил Билль Джад, и Вэн услышал: «Поздравляю! Артур Джадсон только что вернулся с конкурса и сказал, что решение было вынесено единогласно».

— Хайзель, Хайзель! Я выиграл, я выиграл! — закричал он миссис Спайсер, врываясь в гостиную и обнимая ее. — Ну, не удивительно ли это?.. Идите одевайтесь, мы сейчас поедем куда-нибудь обедать!

— О нет, Вэн, пригласите лучше какую-нибудь девушку, — запротестовала миссис Спайсер, полагая, что ему будет гораздо веселее отпраздновать свой успех со сверстниками.

Но Вэн продолжал настаивать:

— Будьте готовы, скорее, а я сейчас позвоню Розине.

Он начал набирать номер мадам Левиной, но передумал. «Нет, так нехорошо. Я поеду и скажу ей сам»,— решил он и повесил трубку. Схватив пальто, он выбежал, крикнув на ходу:

— Подождите меня, я скоро вернусь!

Когда мадам Левина отперла дверь, ее ошеломила влетевшая в переднюю нескладная фигура в огромном, длинном пальто. Ее обхватили длинные руки и закружили по комнате.

— Дорогая миссис, дорогая миссис, я получил ее! Я выиграл!

Когда оба немного успокоились, они вызвали Килгор, чтобы сообщить новость родителям Вэна.

Потом он опустился на диван и закрыл лицо руками.

— Какая ответственность, какая страшная ответственность!

Он погрузился в сосредоточенное молчание, устремив взор в неведомое будущее. Потом вдруг встал и предложил отправиться.

Но, прежде чем вернуться домой, он сделал еще один визит. Его добрый друг Клифорд Теккер, церковный органист, был болен, и Вэн знал, как порадует его счастливая весть. Прежде чем ехать со Спайсерами праздновать получение премии, положившей начало его профессиональной карьере, он заехал в больницу.

Это характерно для него. Человеческое преобладает в нем.

А карьере — свое время!

Вэн становится взрослым

Хотя я и упрекал своих друзей за то, что они оставили без возражения довольно странное заявление Шостаковича, что Вэн Клайберн «получил свое первое широкое и вполне заслуженное признание только у нас, в Москве», здесь, должен признаться, есть доля горькой правды. Достижения американских артистов всегда принадлежали к числу наших наиболее охраняемых секретов.

Сообщение печати о Пятнадцатом международном конкурсе Левентритта 1954 года, как и во все предыдущие годы, сводилось к нескольким строчкам, затерявшимся где-то в столбцах музыкальной хроники одной или двух крупных нью-йоркских газет. Таким образом, заслуживающая внимания новость о присуждении Вэну Клайберну первой премии в этом выдающемся американском музыкальном состязании вызвала лишь случайный и мимолетный отклик. Впрочем, того же удостаивались и все те, кто добивался этой почетной победы до или после Клайберна, в том числе и участники Девятнадцатого конкурса, проходившего в сентябре 1958 года, хотя к тому времени мы все получили хорошую встряску. Победитель конкурса 1957 года пианист Антон Куэрти удостоился всего одной заметки в ведущей нью-йоркской газете, причем в статье не был даже ука-

зан состав жюри и поэтому читатель не мог судить о строгости испытания и масштабах победы. В этом — одна из причин того, что имя этого пианиста у нас совершенно неизвестно, точно так же, как три года назад у нас не знали имени «Вэн Клайберн». Правда, когда победу одержал Вэн, состав жюри был объявлен в газете, однако, сообщив, что победа на конкурсе давала «право выступить в качестве солиста с симфоническим оркестром филармонии в сезон 1954—1955 годов», газета не сочла нужным сообщить, что Левентриттовская премия давала также право выступить с оркестрами Кливленда, Питтсбурга, Буффало и Денвера.

Кроме того, почти все, в том числе и печать, были уверены, что конкурс происходит при закрытых дверях. Действительно, так проходят предварительные испытания, но финальный тур, хотя и происходит в «закрытых» помещениях, подобных Карнеги-холл или Тоун-холл, открыт для публики, и любой, кто интересуется конкурсом, может зайти и слушать. Когда я слышу жалобы и негодующие крики по поводу того, что достать билет на концерты Вэна невозможно ни за деньги, ни по знакомству, я с улыбкой вспоминаю о том дне, когда Вэн играл без конца, совершенно бесплатно, перед аудиторией числом в тридцать человек (причем в это число входили выбывшие участники конкурса)!

Что говорить — так бывает всегда. Или, скажем точнее, так *было* всегда, потому что сейчас уже налицо отрадные признаки появления более здорового духа заинтересованности в самой победе. Впрочем, об этом мы еще будем говорить.

В тот воскресный вечер 14 ноября 1954 года, когда Вэн играл с оркестром филармонии в Карнеги-холл после победы на конкурсе, миссис Левентритт стояла за кулисами. Во время антракта Вэн попросил ее взглянуть на зал через дырочку в занавесе.

— Вы видите всех этих людей в первых рядах, дорогая? — сказал он. — Все они до единого — из Техаса. Как только все кончится, я приведу их всех

к вам. Поэтому вам лучше заранее ехать домой и начинать приготовления!

В ней тотчас проснулось врожденное алабамское гостеприимство, и она поспешила домой, чтобы подпять всех на ноги. Через некоторое время зазвонил звонок и появился Вэн в сопровождении целой ватаги настоящих великанов и их подруг. Вэн преподнес хозяйке огромную корзину красных роз, которую он ухитрился прихватить по дороге, затем направился к роялю, сел за него и сыграл «Посвящение» Шумана — Листа, напевая при этом с чувством: «Du meine Seele, du mein Herz». В такой своеобразной манере он обычно выражал свою признательность и любовь. Среди самых проникательных наблюдателей, присутствовавших в тот вечер в Карнеги-холл, находились Скайлер Чэпин, в то время представлявший Колумбийское концертное бюро, и миссис Чэпин, урожденная Стейнвей. Оба они слышали Вэна прежде в Джульярдской школе и знали о его «поразительном таланте и фантастическом даровании». Но им еще не доводилось слышать его игру перед большой аудиторией, поэтому теплый прием слушателей и их взволнованная реакция оказались для них неожиданными. Их поразило, что многие вставали с мест, чтобы приветствовать пианиста. Стоя и аплодируя вместе с другими, заставляя юношу выйти в пятый, шестой и наконец в седьмой раз, они поняли, что Вэн обладает, кроме музыкального таланта, редким свойством зажигать публику. Чэпин тут же подумал, что эта черта особенно ярко проявится в телевидении.

К тому времени Вэн наконец подписал контракт, пролежавший столько месяцев в письменном столе Джада. От имени Колумбийского концертного бюро Чэпин позвонил Скитчу Гендерсону, музыкальному директору телевизионного обозрения Стива Аллена «Сегодня вечером», и предложил ему включать время от времени в телевизионную программу небольшой номер серьезной музыки, без балаганщины и грубостей. Скитч отправился слушать игру Вэна к миссис Теодор Стейнвей, теще Чэпина, и

возвратился оттуда вполне убежденным. После этого он принялся всеми силами продвигать «Вэниеля», как он его прозвал.

Сопротивление было чудовищным. Ну ладно, пусть этот длинноволосый выступит, говорили ему, хотя это само по себе уже плохо. Но пусть бы его звали Леонардом Бернстайном или Исааком Стерном! Ну кто и когда слышал об этом Вэне... как его там? И потом, что это за штука — Левентриттовская премия?

Но, по словам Чэпина, раз уж Скитч зажег огонь, он не давал ему погаснуть. Вэн выступил по телевидению в программе «Сегодня вечером» 19 января 1955 года. Он исполнил Токкату Равеля и Этюд Шопена. Программу принимали более семидесяти пяти станций для аудитории от трех до четырех миллионов человек. «За всю историю существования этой программы было всего четыре-пять вечеров, которые навсегда врезались в память, — вспоминает Скитч Гендерсон. — И одним из них был этот. Вэниель творил чудеса. На нашем языке — он разбил всех наголову».

Телефон звенел не умолкая. Один звонок — издалека — твердо предлагал ангажемент. Клуб «Гли Клуб» служащих железной дороги «Балтимор энд Огайо» пожелал послушать игру «нового парня» в мае следующего года. В отделе писем росли груды корреспонденции. Во время своей поездки по Среднему Западу для заключения договоров на следующий сезон Чэпин повсюду слышал просьбу «включить в программу этого чудесного парня с шевелюрой, которого показывали по телевизору». Вэн был приглашен на десять концертов, составленных в соответствии с общим планом телепередач. Между прочим, Стив Аллен, звезда программы, сам предложил: «Давайте-ка заполучим этого парня».

«Парень» выступал вторично в апреле. Но на этот раз, говоря опять-таки на языке экранного бизнеса, он «провалился». Где причина неудачи? Как говорили впоследствии, виной тому был целый ряд обстоятельств. Одним из них считали показ веселой

комедии перед его номером, которая настроила слушателей отнюдь не на тот лад, чтобы воспринимать классическую музыку; вторым признали неудачно составленный репертуар, не подходящий к времени и месту: в него вошла короткая пьеса Метнера, а за ней следовало длинное созерцательное произведение Шопена.

Прошло более трех лет, прежде чем Вэн снова появился на экранах телевизоров. Однако за тот же период зарегистрировано более дюжины его триумфов на эстраде, один громче другого.

В первый год после конкурса Левентритта (1955—1956) он дал тридцать концертов, включая повторные выступления с симфоническими оркестрами в Кливленде, Денвере и Буффало. Подобные повторные выступления с большими оркестрами практикуются редко, независимо от степени успеха исполнителя, но Вэна приглашали за этот сезон трижды в один только Кливленд.

Помимо концертов, он выступал с симфоническими оркестрами Индианаполиса, Хьюстона, Детройта, Монреаля, Кантона (Огайо) и Саут-Бенда (Индиана). Это последнее приглашение Чэпин выманивал у миссис Эрнест Морис, заключающей контракты и издающей программы для Саут-Бенда, в шутку встав перед ней на колени и воздевая руки с просьбой дать его новому пианисту возможность выступить:

— О милостивая леди, испытайте его хоть раз...

— С какой это стати? — отвечала она, смеясь.

Но молодой артист, обещал Чэпин, не только продемонстрирует поразительное исполнение — он сумеет так захватить аудиторию, что никто из присутствующих этого никогда не забудет. Если она пригласит его хоть раз, он ручается, что ее подписчики будут всегда и впредь требовать, чтобы его приглашали.

Миссис Морис согласилась, и предсказание Чэпина оправдалось: в дальнейшем ни одно турне Вэна не обходилось без остановки в Саут-Бенде. Так длилось до сезона 1958 года, когда тамошние импре-

сарио вдруг решили, что пора сменить артиста и показать публике новое «имя». Не лишено иронии, что именно в том году Вэн стал этим «новым именем», и притом наиболее ярким из всех!

В первый год после получения премии Левентритта общий заработок Вэна составил около 19 000 долларов. Поконцертная плата была разная в зависимости от города и обстоятельств. «Это — первый американский пианист, которому мы захотели сразу установить оплату в 1000 долларов за выступление, и кое-где этого добились», — говорил про него Билль Джад. В некоторых случаях эта цифра снижалась до 300—400 долларов. Профессиональные расходы, куда входят комиссионные антрепренерам, реклама, фотографии, транспортные расходы и стоимость жизни в разъездах, поглощают значительную долю заработка артиста. Если вычесть эти расходы и оплату налогов, окажется, что средний заработок Вэна составлял около 150 долларов в неделю. Такой доход, пожалуй, обычен для театрального монтера, но для концертанта, который не обладает такой притягательной силой для театральных касс, как Артур Рубинштейн, Хейфец или Тибальди, этот заработок превосходен.

Победа на конкурсе Левентритта оказалась первым «гигантским шагом» в артистической карьере Вэна, а появление постоянных заработков повлекло за собой личную и финансовую независимость. Из своей квартиры на Спайсерс Клермонт авеню он переехал на 57 Вест-стрит, в самое сердце «музыкального» Нью-Йорка. Впервые молодой артист завел собственную холостяцкую квартиру, и благоустройство ее трех комнат и студии доставляло ему огромное наслаждение.

Третью часть его светло-серой гостиной занял неразлучный спутник — большой изящный «Стейнвей». Вдоль одной из стен растянулся широкий диван — на случай приезда родителей. Стулья, столы, этажерки, лампы и прочее — во всем проявлялся личный, только еще формирующийся вкус хозяина.

Свободное между концертами время занимали посещения музеев и картинных галерей, а также фешенебельных магазинов. Полная сокровищ коллекция Фрик в музее пробудила в Вэне естественную любовь к романтическому изяществу великих французских эпох. На аукционах он чаще всего покупал вещи в стиле Людовика XVI и ампир, причем некоторые из его покупок оказывались весьма удачными. Все приобретения Вэна говорят о том, что он тонко разбирается в вещах: грушевое бюро с большими бронзовыми ручками; длинная скамья для узкой передней со стенами, украшенными гравюрами Хогарта; низкий мраморный столик... Старинные зеркала у камина смягчают кричащую жесткость ярко окрашенных кирпичей. Зато опрятная кухонька, выкрашенная от пола до потолка в красный цвет, напоминает китайскую лакированную шкатулку. Не очень просторная спальня. В ней — двухспальная кровать, старинный туалетный стол, красивая оловянная лампа в виде самовара и красные бархатные портьеры. На ночном столике у изголовья — изрядно зачитанная библия.

Когда в квартире устанавливали телефон, Вэн попросил, чтобы шнур был сделан возможно длиннее. Поскольку ему одинаково свойственны потребность находиться одному и потребность никогда не оставаться в одиночестве, телефон ему так же необходим, как пара ушей. С помощью телефона достигается компромисс: фактическое одиночество... и возможность с кем-то поговорить.

Очаровательная Нола Родс, которая вместе со своим мужем Тедом принадлежит к числу лучших друзей Вэна по церкви Кальверы Черч, однажды утром разговаривала с Вэном по телефону чуть не целый час. Вдруг она заподозрила, что на другом конце провода происходит нечто не связанное с разговором.

— Ты что делаешь, Вэн? — спросила она его.

— Надеваю ботинки, — весело ответил он.

Только тут она узнала, что с тех пор, как Вэн ей позвонил, он успел приготовить себе завтрак,

съесть его, одеться — и все это, не уронив ни разу трубки, прижатой подбородком! Поскольку такие же разговоры он ведет и по междугородному телефону, его счета по этой рубрике расходов достигают астрономических цифр.

Личные друзья Вэна, такие, как Родсы или Спайсеры, близко знающие его на протяжении ряда лет, говорят, что они никогда не видели, чтобы он боялся посмотреть правде в глаза независимо от того, неприятна она для него или для кого-нибудь из его друзей. Точно так же они никогда не слышали, чтобы он бранился по какому-либо поводу или богохульствовал.

Рассказывают, что однажды в Буффало во время исполнения концерта сломалась одна из педалей рояля. Дирижер Джозеф Крипс реагировал на этот перерыв отнюдь не с философским спокойствием. Попросту говоря, он разразился градом проклятий. Атмосфера на сцене грозила накалиться до взрыва. Вэн встал, подошел к дирижеру, вежливо, но твердо взял его за руку и повел за кулисы.

— Давайте помолимся, — спокойно сказал он, склонив голову.

Пораженный маэстро, вынужденный из вежливости и уважения сделать то же самое, стал понемногу остывать. К тому времени, когда педаль починили, он был умиротворен, и концерт возобновился в атмосфере полного спокойствия.

Некоторые газеты исказили это происшествие, написав, что Вэн поставил перед началом концерта Крипса на колени и запел: «Окажи нам, боже, милость и вдохнови нас обоих хорошо сыграть концерт».

Вэн негодовал, когда прочел эти строки:

— Меня тут выставили дураком!

Его всегда глубоко обижает, когда смеются над его набожностью. Он действительно набожен и насколько этого не стыдится. Но он отнюдь не ханжа.

В самом деле, хористы церкви Кэльверн Черч постоянно обвиняют его в том, что он смешит их во время репетиций своими шутливыми выходками.

Глизон Фрай, регент хора, при котором Вэн неоднократно исполнял должность органиста, живо вспоминает, как однажды вечером Вэн не устоял против соблазна пошутить при исполнении некоторых старинных библейских гимнов, может быть, и очень хороших с точки зрения теологии, но мучительных для музыкантов. «Он изгибался над клавиатурой, наклонялся, выпрямлялся, вращал глазами, производя чудовищное тремоло и заставляя дико звучать струны; вдруг двери отворились и вошел проповедник! — рассказывает Глизон Фрай. — Не теряя ни секунды, Вэн мгновенно принял вид, приличествующий воскресной службе, и выглядел за своим органом не менее невинно, чем святая Цецилия».

Летом 1956 года миссис Левентритт выхлопотала ему стипендию в школе в Марльборо (штат Вермонт), возглавляемой Рудольфом Серкиным. Вэн любил Серкиных, и они любили его, но эта школа готовит камерных исполнителей, и вскоре для всех стало очевидным, что она для него не подходит.

В середине июля Вэн получил также предложение сыграть 4 августа Второй концерт Рахманинова до минор с Кливлендским летним оркестром. Он неоднократно исполнял Третий концерт Рахманинова, но никогда еще не играл Второго. Тем не менее он телеграфировал свое согласие и помчался в Нью-Йорк, чтобы достать партитуру. «Мне осталось ровно две недели, чтобы ее выучить», — сказал он Глизону Фраю и тотчас засел за рояль, чтобы проиграть сначала свою партию, затем партию оркестра, потом снова свою, все время напевая по ходу музыки. «И ни разу, — говорит Глизон Фрай, обладающий слухом регента хора, — не сфальшивил».

Вернувшись в Вермонт, Вэн целиком отдался работе над новой партитурой, забросив, само собой, все свои остальные занятия. Но никакая работа, проделанная в короткий срок, так же как и никакая способность быстро разучивать, не могут заменить вдумчивое изучение и опыт, необходимые для того,

чтобы добиться цельности артистического воплощения, творческой или исполнительской.

Газета «Плэн Дилер» в номере от 5 августа поместила отзыв Рена Хольткампа об исполнении Вэном концерта в Кливленде.

«Подлинно тexasских размеров порция Рахманинова была подана вчера вечером публике в Паблик-холл, на концерте Кливлендского летнего оркестра под управлением тexasца Луи Лэна, с участием Вэна Клайберна, долгового пианиста, также уроженца Тeхаса.

Пианист Клайберн здесь — любимец публики... Вчера он выступил перед залом в три тысячи пятьсот слушателей и сыграл наиболее популярное и пространное из всех рахманиновских крупных произведений. (Второй концерт для фортепьяно до минор.) Игру Клайберна всегда характеризовали сила и высокая музыкальность, и на этот раз его исполнение не составило исключения... Проверенное временем произведение было тепло встречено публикой. На бис Клайберн сыграл Токкату Равеля».

Если исполнение этого блестящего произведения не вызвало восторженной реакции в «городе Клайберна», надо думать, что на этот раз Вэн не заставил небо содрогнуться. По правде говоря, он сам относится равнодушно к этому концерту и до сих пор еще ни разу его не повторил.

Вернувшись на остаток лета в Марльборо, Вэн поработал над Концертом Моцарта и фортепьянным квинтетом Дворжака, к которому его особенно влекло. Но, когда вдруг виолончелист заболел и исполнение этого произведения пришлось отменить, Вэн охотно отказался. Дело в том, что Клайберн «прирожденный, ярко выраженный виртуоз», как я часто о нем писал, и его незаурядная индивидуальность солиста не укладывается в кропотливое и тон-

кое прилаживание, необходимое для работы ансамбля. Он интуитивно сознавал это и всегда тянулся к тому, в чем его индивидуальность гения могла найти наиболее полное выражение. Как сказал о нем один музыковед, «Вэн Клайберн — более продукт интуиции, чем обучения».

Сезон 1955/56 года, взятый в целом, оказался крупнейшей вехой в биографии Вэна; многие называли бы его началом многообещающей карьеры. Этот молодой человек стоял на верном пути.

Но когда цель, казалось, была близка, он стал попадать в дурацкие ловушки — одну за другой; они расставлены на пути смертных как напоминание о том, что не все в жизни зависит от человека. Первое испытание оказалось самым страшным. Оно угрожало не только его карьере. Кто бы мог подумать, что его воспитание, всецело направленное на занятия музыкой в ущерб всему остальному, едва не стоило ему жизни?

В начале лета Чэпины пригласили его провести несколько дней в усадьбе Стейнвеев возле Плимута (штат Массачусетс). Вскоре после его приезда дети потащили «дядю Вэна» и остальных членов семьи купаться. Все облачились в купальные доспехи и отправились к пристани, причем хозяин, как обычно, предупредил гостей, что надо остерегаться глубокой ямы, начинающейся в нескольких шагах от берега. Затем он нырнул и поплыл, а Вэн остался плескаться с детьми на мелком месте.

«Вдруг я обратил внимание, — рассказывает Чэпин, — что Вэна не видно. Оглянувшись, я увидел его голову — она то показывалась из воды, то вновь исчезала. Я подумал, что он дурачится, но тут он замахал руками, снова исчез под водой и долго не показывался. И вдруг меня как громом поразило — ведь он тонет!»

Крикнув своей жене, как раз выходявшей из дома, чтобы она плыла за ним, Чэпин бросился к Вэну и поймал его как раз в тот момент, когда косматая грива готова была в третий раз исчезнуть под водой. Вместе с Бетти они выволокли своего на-

глотавшегося воды гостя на берег и общими усилиями привели его в чувство.

— Вы почему не сказали нам, что не умеете плавать? — грозно подступил Чэпин к своему гостю, как только тот перестал судорожно глотать воздух. Вместо ответа Вэн только виновато тряс головой, а когда почувствовал, что снова может держаться на ногах, сейчас же опять отправился к воде.

— Я до тех пор отсюда не уйду, пока не привыкну к ней! — заявил он, уцепившись за пристань.

И действительно, долго проторчал в воде, хотя покрылся гусиной кожей и весь дрожал.

Конец этой истории рассказывает Глизон Фрай:

«Вернувшись в Нью-Йорк, Вэн рассказал мне, как едва не утонул. Всю вину за это он сваливал на свое воспитание, которое не предусматривало занятий спортом, и завидовал мне, потому что я хоть и музыкант, как и он, но проработал пять сезонов на спасательной станции инструктором по плаванию. Он сказал мне, что вся его жизнь была наполнена музыкой, музыкой, одной музыкой и он готов отдать что угодно, чтобы избавиться от своей боязни воды и научиться плавать. Я ответил, что, если только это серьезно, я охотно берусь его обучить. «Сделка состоялась», — заключил он».

Фрай работал весь день, Вэн же был обычно занят вечерами. Встречаться они могли только в утренние часы, до того как Фрай уходил на работу. И вот каждое утро, в 6 часов, заспанные, они садились в метро и отправлялись в Бруклин, где Вэн целый час учился плавать в большом бассейне гостиницы Сен-Джордж.

«В жизни мне не приходилось встречать кого-нибудь, кто бы так боялся воды, как Вэн, — рассказывает Фрай. — И никто никогда так не белел от страха. Этот здоровый малый, длинный, как жердь, буквально цепенел в воде, доходившей ему до колен! Мое сердце обливалось за него кровью. Но он продолжал твердить: «Я из себя этот страх выбью, хоть подохну». И выбил — через месяц он мог без передышки переплыть бассейн. Самое грустное в этом то,

что у него, с его фигурой и координацией движений, были все задатки первоклассного пловца».

После этих событий Вэн встретился с Чэпином на чем-то концерте. Они разговаривали в фойе, пока не кончился антракт, и оба пошли к своим креслам. Уходя к себе, Вэн небрежно бросил через плечо: «Между прочим, я теперь умею плавать».

Никаких комментариев. Всего только широкая довольная улыбка.

6

Molto rallentando

На итальянском языке — мелодичном языке музыкальных терминов — выражение «*molto rallentando*» означает снижение темпа, его значительное замедление.

Этим словом можно выразить и то, что происходило с Ваном и что для многих оказывалось началом крушения многообещающей карьеры. В свой первый концертный сезон Ван получил восемнадцать приглашений. Во второй — тридцать. Снижение началось в третьем сезоне, когда количество ангажементов упало до двадцати трех. Однако среди них было несколько очень почетных выступлений, вроде пяти концертов с оркестром в Детройте, Кливленде, Саут-Бенде, Шривпорте и Далласе. Все остальные выступления, за исключением двух, представляли собой сольные концерты в крохотных городках, разбросанных по всей стране — от Брунсуика до Аризоны.

Четвертый сезон, 1957/58 года, начался с серьезной заминки, грозившей затянуться и сулившей весьма скудные плоды, если не считать верного Кливленда, пригласившего Вэна дать концерт в июле. В дальнейшем ожидалось три сольных концерта в октябре, включенные в число концертов «Коммюнити консертс» в Макаллене и Грэхэме (Техас) и в Нэтчайточе (Луизиана); затем должен был насту-

пить трехмесячный перерыв и в конце сезона предстояли два сольных выступления в Норуолке (Огайо) и Колдуотере (Мичиган). Это было все.

Тем временем уже надо было заключать ангажементы на сезон 1958/59 года. Правда, перспективы его казались несколько менее мрачными: предстояло хотя и низкооплачиваемое, но весьма почетное выступление с оркестром нью-йоркской филармонии, однако в общем для обескураженного Вэна Клайберна все это выглядело, как веселье на пире Валтасара.

Что же происходило на самом деле?

Ничего особенного. Во всяком случае, то же самое происходило поочередно с лучшими американскими музыкантами нашего поколения.

Чтобы понять хотя бы в общих чертах этот возмутительный факт, надо иметь представление о суровых обычаях нашего концертного мира. У нас солист не может выступать без антрепренера, если только его выступления не носят полупрофессионального характера. Почти 90 % всех выступающих у нас в стране артистов уже много лет подряд делают это по договору с одним из двух концертных агентств, чья сеть покрывает весь континент, — с Колумбийским концертным бюро и Национальной корпорацией артистов. Обе эти фирмы контролируют почти 90 % всех концертных ангажементов. Они располагают собственными филиалами почти в 1200 городах, и с их помощью разрабатывается общий зрелищный план. Организация «Коммюнити консертс», представляющая филиал Колумбийского концертного бюро, распоряжается в 850 городах. Филиалу Национальной корпорации артистов — Гражданской музыкальной ассоциации принадлежат остальные.

Нет сомнения, что такая система представляет известные преимущества для городов и расширенные возможности для выступлений артистов и является экономически здоровой, потому что дает возможность огромному количеству людей посещать концерты. Задумано великолепно. Однако, как я

уже указывал в своей книге «Разговор о пианистах», это же можно сказать и о колесе до того момента, пока его не прикрепят к пушке. Дело в том, что недостатки кроются в самой системе, и это — тупик для большинства артистов.

Средний город в состоянии собрать достаточно денег, чтобы заказать в год четыре или пять концертов. Подписчиков привлекают именем какого-нибудь известного оркестра или солиста, выступления которых идут с аншлагом; им платят за это соответственно солидный гонорар, но они оставляют после себя в городском казначействе несколько сот долларов для оплаты «средненьким» коллективам или солистам.

Достоинство этой системы — разнообразие, и причина здесь не только в ограничении возможности приглашать по несколько раз одних и тех же артистов. Независимо от успеха среднего артиста повторные приглашения не поощряются — здесь сказывается боязнь повредить экономической стороне дела. Любой артист, если ему будет дана возможность создать себе «свою» публику, пусть самую скромную, но которая станет уже «его» публикой, грозит помешать функционированию всего конвейера. Повторные приглашения такого артиста способны создать трудности для антрепризы, которой удобно иначе использовать назначенный для концерта день. Артист, имеющий верных поклонников, получает право ставить свои условия. Он может «зазнаться», потребовать вполне заслуженного повышения гонорара, а это влечет за собой увеличение трудностей при его «запродаже» и делает его недоступным для бюджета многих городов.

Правда, у артистов существуют и другие возможности ангажироваться, помимо этих двух концертных организаций, они известны под названием «непосредственных запродаж»; сюда входят бенефисные концерты оркестров, абонементы учебных заведений, серии сольных концертов, устраиваемые местными антрепренерами. Однако такие ангажементы доступны главным образом артистам уже известным или же достаточно энергичным, чтобы

добиваться приглашений на свой риск. В первые два сезона Вэн получил очень мало таких непосредственных приглашений, главным образом для игры с оркестром, причем большинство из них были обусловлены полученной им Левентриттовской премией. Потом этот источник попросту иссяк.

Концертный бизнес Соединенных Штатов способен предоставить известному артисту самые широкие возможности, но для артиста средней известности эта вершина недоступна и он вынужден прозябать где-то совсем внизу, не надеясь даже оттуда выкарабкаться. Между вершиной и подножием этой вершины находится «ничья земля». На ней и оказалось большинство наших лучших пианистов.

Где же они, наши первоклассные артисты? У большинства из них нет своего места. Лишь немногие счастливцы достигли того положения, в котором наше повествование застывает Клайберна. У них свои антрепренеры. Они выступают в почетных программах. Но их известность не превышает их гонораров. Они борются за сохранение своего положения артиста, вполне ими заслуженного, надеясь на то, что за ними закрепятся основные права, присвоенные всем трудящимся: возможность выполнять свою работу, получать за нее справедливое вознаграждение, развиваться на избранном поприще и ожидать признания и продвижения за добросовестно и хорошо выполняемую работу. За редкими исключениями, эти надежды оказываются совершенно беспочвенными из-за равнодушия Америки к судьбе своих артистов, из-за апатии и лени антрепренеров, которые пренебрегают высоким мастерством, отдавая предпочтение балаганщине.

На место «маленьких имен», идущих своей дорогой, претендует множество других, и все просят, чтобы им предоставили возможность выдвинуться. Но как? Спросите у Вэна Клайберна, которому пришлось самому пробить себе путь, чтобы не оказаться погребенным заживо.

Теперь уже легко понять, что произошло и почему. Рано или поздно наступает решительный час,

минута, когда молодой артист обнаруживает, что он играл во всех или почти во всех городах, где можно было выступить, и что все его ангажементы испарились. Некоторые из наиболее удачливых получают приглашение остаться, если они сумеют сформировать свой собственный ансамбль или согласятся стать безыменными членами «аттракционных групп» — этих все более распространяющихся ансамблей, угрожающих интересам солистов. Большинство же понимают, что с артистической карьерой покончено, и покидают концертную эстраду, чтобы заняться преподаванием; некоторые окончательно расстаются с музыкой.

Иные, если это позволяют обстоятельства личной жизни, уезжают в поисках применения своей специальности за границу. Именно так и решил поступить Вэн, в чем его всячески поддерживал Билль Джад, так как становилось ясно, что теперь он, несмотря на самые добросовестные усилия его импресарио, «кандидат на забвение».

Но, как ни странно, именно потому Вэну и было нелегко с этим примириться — ведь начало было таким многообещающим! Многие коллеги Вэна ничего подобного не имели, и он знал об этом. Они тоже выигрывали премии, некоторые из них тоже завоевали право дебютировать с ведущими оркестрами. Но о многих ли из них вспоминали антрепренеры? Да еще такие антрепренеры! Практически ни о ком, если говорить об американских артистах. Большинство остальных, со шляпой в одной руке и пачкой блестящих отзывов в другой, просили заключить контракт, предлагая играть где угодно и за что угодно, поскольку им не на что было больше надеяться. Их редко постигало разочарование, но еще реже они могли добиться, чтобы на них не смотрели как на разменную монету, сколь бы блестяще они ни выступали, когда им представлялся к тому случай.

А с Вэном нянчились. Его первые турне и первые заработки были беспрецедентными главным образом из-за проявленного к нему интереса со стороны Джада и Чэпина; оба они были глубоко убеж-

дены, что присущие Вэну качества вознаградят их старания и приведут в будущем к долговременной планомерной работе. Но даже этой троице было не под силу сломить систему, не говоря уже о том, чтобы сломить наше национальное равнодушие к нашему искусству и нашим артистам.

Один из этих артистов, переживая праздные, заполненные пустотой месяцы 1957 года, впал в «черную меланхолию». Его яркий молодой талант тускнел, его радостная уверенность в себе блекла. Он познал одно из горчайших испытаний — необходимость оставить без применения те свои естественные, органические склонности, которые составляли всю его жизнь и без которых само существование теряло для него смысл. Он прозябал. Он приходил в отчаяние.

Все мы до некоторой степени подвержены колебаниям настроения и способны переходить от радужных надежд к мрачному отчаянию, но темперамент артиста подвержен еще большим колебаниям и более частым сменам настроения. А когда речь идет о хлебе насущном и смерть грозит артистической карьере, появляется весьма реальная и вполне понятная опасность внутреннего надлома.

Вэн утратил уверенность в себе и душевное равновесие. Пытаясь разобраться и найти путеводную звезду, которая вывела бы его из тупика, он часами разговаривал с друзьями по телефону. Он хандрил, не выходил из дому; его приятельница Нола Родс увозила его с собой на прогулки на Риверсайд Драйв, подышать воздухом и позагорать. Они забирались куда-нибудь в пустынное место на берегу реки, Вэн снимал сорочку. «До чего же я стал бел!» — восклицал он, морщась при виде своей бледной кожи. Мимо них плыли лодки, они провожали их глазами и рассуждали о том, что произошло с ним и с его работой. Однажды, когда мимо них прошла яхта со сверкающими кабинами, он воскликнул с прежней горячностью: «Я хочу иметь такую яхту! О Нола! Мне кажется, что я хочу всего. Я хочу путешествовать, хочу помогать своим родителям,

хочу быть настоящим большим артистом, хочу всюду побывать, все видеть, всех знать! И вместо этого — посмотри на меня: вот я весь тут, я стою на месте, я застрял».

«Я разговаривала с Вэном, как с младшим братом, — рассказывает об этом времени миссис Родс. — Вэн, — говорила я ему, — если ты будешь упражняться и верить в себя, я тебе предсказываю, что у тебя будет все, что ты хочешь, и еще целый воз в придачу. Ты обладаешь упорством, и, кроме того, ты наделен надлежащей индивидуальностью». Эти подбадривания имели успех. Вэн, правда, никогда не искал сочувствия, но его надо было подстегивать. «Ты меня вдохновляешь! — восклицал он с новым приливом энергии. — Едем домой, мне нужно упражняться».

Когда предстояло выступление в концерте, рояль неотразимо влек к себе Вэна, и он часами сидел за ним, работая без передышки. Но, когда впереди не было определенного ангажемента, он отлынивал от упражнений, считая это бесцельной тратой сил. Чтобы найти оправдание, устраивались прогулки, посещения кино, концертов — выискивался любой предлог. Мать Вэна чувствовала это «шестым чувством», и едва он начинал запускать занятия, как она вызывала по междугородному телефону его друзей и просила проследить, чтобы Вэн упражнялся.

Меньше всего Вэна заботило сокращение заработка. Деньги расходовались по-прежнему. От его наблюдательного глаза не укрылась выставленная в магазине в Монреале нарядная шляпа — копия модели прославленной модистки, и он тотчас же купил ее для матери. На свою одежду он почти ничего не тратил.

К счастью, его гастрономические вкусы неприхотливы. Раз-другой в неделю ему еще доводилось поесть в шикарном нью-йоркском ресторане благодаря любезности друзей, ценивших его общество. В дни, когда приходилось обедать одному, он заходил в ресторан при Карнеги-холл, где старые друзья официанты давно знали о его слабости к ростбифу.

Знали они также, с присущей официантам тонкой проницательностью, что их клиент уже не может позволить себе это блюдо. Они советовали ему заказывать этот же ростбиф в виде сэндвича за половинную цену. «Нет никакой разницы», — говорили они ему и потом следили за тем, чтобы ее действительно не было, ухитряясь подавать полную порцию ростбифа, замаскированного между двумя кусками хлеба.

Вэну никогда не приходилось жить впроголодь. Сомнительно, чтобы он когда-нибудь пропустил обед. Разве только длительное сидение за роялем заставляло его забывать о времени, однако столь интенсивные занятия становились все более редким явлением. Периоды усиленной работы, каждый раз более короткие, чередовались с долгими днями депрессии: Вэн становился жалким и расстроенным, а уста его то и дело произносили излюбленные афоризмы его матери:

«Нельзя сидеть на рельсах и молиться: этим все равно не остановишь поезд».

«Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его».

Последней заповеди Вэн следовал отнюдь не теоретически. Как до, так и после Москвы многие обучающиеся музыке студенты и музыканты говорили, что не раз получали в трудную минуту своевременную помощь, причем тот, кто помогал, сам не был слишком обеспечен. Подобные искренние поступки отвечают традициям людей искусства, порожденным чувством товарищества между поэтами, художниками и музыкантами: они всегда стараются выручить друг друга из беды, хотя надо сказать, что правилами взаимопомощи руководствуются не только люди мира искусства. Однако ничто не способно поразить больше (особенно тех, кто привык жить с оглядкой, не выходя за рамки своего бюджета), чем то, что весной 1957 года, в момент наибольших финансовых затруднений, Вэн решил сделать один из своих самых дорогих подарков. Возможно, это было сделано

необдуманно, под влиянием минутного настроения, но никогда впоследствии Вэн не сожалел об этом.

Церковь Кэльвери Черч каждое воскресенье передает свои службы по радио. Однажды во время передачи Вэн исполнял партию органа в Реквиеме Моцарта. Вдруг орган вышел из строя. Регент хора Глизон Фрай продолжал вести вокальную партию без инструментального аккомпанеента. И, пока радиослушатели гадали, что произошло, Вэн соскочил со своего пульта, пересел за старенький рояль и довел таким образом исполнение мессы до конца.

Именно тогда он решил, что баптистской церкви Кэльвери Черч пора иметь хороший рояль, который бы всегда был под рукой в органной нише. Он отправился в магазин и купил новенький «Стейнвей». Даже со скидкой, делаемой для концертантов, стоимость инструмента значительно превышала стоимость автомобиля «кадиллак», который Вэн никак не мог себе позволить купить, хотя давно о нем мечтал. Вэн занял деньги в банке и договорился о длительной рассрочке.

Тем временем его здоровье стало внушать опасения. Он страдал хроническим заболеванием желудка, что отражалось на его общем состоянии; кроме того, у него было врожденное искривление носовой перегородки, вызывавшее частые воспаления при насморке. Однажды ночью он позвонил своим друзьям и сказал, что у него открылось кровотечение из носа, которое он никак не может остановить. Все это вызывало беспокойство.

На горизонте появились и другие тучи. Когда Вэну был 21 год, ему отсрочили отбывание военной службы, чтобы дать возможность закончить Джульердскую школу. Два года отсрочки истекали, в сентябре он должен был явиться в военный комиссариат. Будучи всегда откровенен, Вэн везде открыто говорил об этом и, даже находясь в турне, не делал из этого секрета. Его бесхитростная простота пришлась не по вкусу его антрепренерам: они не хотели, чтобы он открывал свои карты. Они даже теперь уверяют, что одной из основных причин

сокращения количества приглашений на сезон 1958/59 года была всеобщая уверенность в том, что в этом году Вэну придется упряжиться не за «Стейнвеем», а на плацу в Спрингфилде.

Я склонен присоединиться к этому мнению, поскольку приблизительно в это же время я приглашал его дать ряд концертов для радио и он ответил мне, что «не решается» дать согласие, так как положение его очень неопределенно. Он казался удрученным, во всем разочаровавшимся, и, весьма вероятно, упадок духа отразился в то время на его игре. Не осталось это тайной и для антрепренеров. Однако одно выступление не походило на другое, и отзывы о них бывали диаметрально противоположными: взяв себя в руки, Вэн опять ошеломлял своих слушателей.

Светлым пятном на фоне того года выделяется концерт с летним оркестром Кливленда, состоявшийся 20 июля. Родители Вэна решили приехать на этот концерт, и вся семья собралась в кливлендской гостинице. Встреча была радостью для всех троих. Однако счастье оказалось недолгим. Перед самым началом концерта миссис Клайберн, переодеваясь, поскользнулась и упала на спину, сильно ударившись об пол. Ушиб был сильный; Вэн и отец, оба страшно встревоженные, вызвали доктора. Но миссис Клайберн, несмотря ни на что, не захотела пропустить концерта и попросила дать ей болеутоляющее лекарство, чтобы она могла пойти. По всем отзывам, концерт прошел исключительно удачно.

На следующий день вся семья уселась в семейный «бьюик» и отправилась в Нью-Йорк. Миссис Клайберн сильно страдала, но надеялась, что это всего лишь вывих или растяжение, которое пройдет само собой через несколько дней. По прибытии в Манхэттен она пролежала целый день дома, а вечером отправилась в Мэдисон Сквэр Гарден, в личную ложу Вэна, чтобы присутствовать на многолюдном митинге евангелистов. Церковный съезд длился уже несколько недель, и Вэн, как хорист, не раз пел басовые партии в старинных песнопениях. Присутство-

вавшая здесь же Этель Уотерс оказывала поддержку альтам. С самого начала съезда евангелисты выделили Вэну персональную ложу. Среди его гостей здесь были молодые музыканты: он пригласил Джона Броунинга из Джульярдской школы, победителя конкурса Левентритта 1955 года, и своих старых те-хасских однокашников — Джимми Матиса и Дже-неану Довис.

Промучившись неделю, миссис Клайберн наконец решила показаться врачу и сделать рентгеновский снимок. Снимок обнаружил перелом позвонка. Оказывается, происшествие легко могло закончиться трагически. Случись перелом на волосок ниже, миссис Клайберн навсегда лишилась бы способности ходить. Она нуждалась в специальном лечении, и ее поместили в больницу, где ей пришлось пролежать неподвижно шесть недель.

Это определило наконец истинное положение вещей. Болезнь стоит денег, больше того, больницы способны разорить. Вэн впервые понял по-настоящему, что означает стесненность в средствах. Поскольку он предвидел, что свободного времени у него будет теперь много, он решил запереть квартиру на замок и возвратиться в Килгор. Отцу удалось занять денег в местном банке на больничные расходы. Но это было не все — следовало подумать об учениках миссис Клайберн. А их у нее было больше сорока, и теперь они остались без преподавателя. Вэн рассчитал, что, пока не подойдет срок призыва в армию, он сможет взять занятия с ними на себя. Последним делом перед отъездом из Нью-Йорка было снятие со счета всех денег и уплата нескольких взносов за рояль, купленный для церкви: теперь-то уж ей не придется заботиться о платежах. Что же касается дальнейших взносов, то их он будет делать из своего армейского жалованья.

Шесть недель, проведенных в Килгоре, оказали на него благотворное действие. Вэн всегда любил детей. Плата за уроки была почасовой, но Вэн, всегда забывавший о времени, увлекался занятиями и не прерывал урока, пока ученик не напоминал ему:

«Мое время истекло, разрешите идти?» А когда местная лютеранская церковка прислала узнать, не сможет ли кто-нибудь из учеников миссис Клайберн сопровождать церковную службу, Вэн пошел туда сам. В продолжение всего пребывания в Килгоре он сопровождал пение псалмов на маленьком органе.

Подошел день, когда он получил приказ явиться на ближайший призывной пункт в Лонгвью (Техас). Все шло своим чередом, но в тот же день у Вэна началось кровотечение из носа. Армейские врачи оказались не более искусными, чем сам Вэн, и никак не могли остановить кровь. Осмотр установил, что болезнь является хронической, и Вэн оказался уволенным прежде, чем был зачислен. От военной службы он был освобожден.

Это событие оказалось поворотным пунктом на пути его удач. Пришли в движение мощные, непредвиденные течения, которым суждено было подхватить его и унести, увлечь далеко вперед. И, что удивительнее всего, — одно из этих течений имело отношение к многовековой мечте человечества о покорении межпланетного пространства. В одно навсегда памятное утро в начале октября 1957 года проснувшихся американцев встретила ошеломляющая новость: пока они спали, «коварные» русские забросили в небо нечто называемое *спутником*, и оно выпло на орбиту! Невыносимая мысль: «они» оказались первыми в покорении мирового пространства! Вскоре «они» же вывели на орбиту снаряд с собакой, и та закружилась над нашими головами, словно для того, чтобы еще больше беречь наши раны. Американцам, кипевшим от бешенства, пришлось ждать пять напряженных месяцев, прежде чем они смогли увидеть свой собственный снаряд «Авангард», пронизывающий почь своим красным глазком, а ведь наша нация не привыкла к ожиданиям такого рода. Уйма народа жаждала в те дни хоть в чем-нибудь побить русских, безразлично в чем, лишь бы выровнять положение: пусть за шахматной доской или карточным столом!

«Везет ли ему?» — спрашивал Наполеон, прежде чем назначить генерала. Да, что касается Вэна Клайберна, то теперь «везение» как бы слилось с ним. Разумеется, он никогда не участвовал в холодной войне и предпочел бы обойтись без нее. Но именно она *сделала его*, в том смысле, что подложила атомный заряд под три классических компонента: наиболее подходящий человек в наиболее подходящее время на наиболее подходящем месте.

И самым подходящим местом в этот период истории на всем белом свете было как раз то, куда направлялся Вэн. Хотя он-то этого и не знал.

Русская рулетка

Успех — это игра в рулетку. Спросите у человека, который много в нее играл. Сегодня город или народ не подозревает о вашем существовании, а завтра они дают друг друга, чтобы приблизиться к вам.

Артур Рубинштейн

Как-то ноябрьским утром, входя в свой кабинет, я услышал телефонный звонок; в это же время один из наших дикторов передавал новости утреннего выпуска «Нью-Йорк таймс»: «Вчера в Совете Безопасности ООН русский делегат обвинял Соединенные Штаты в том...» Я выключил радио и подошел к телефону. Мне звонила Розина Левина. Удобно усевшись в кресле, чтобы поболтать, я нисколько не предчувствовал, что с этой минуты стану участником поистине драматических событий. Розина сразу приступила к делу:

— Не считаешь ли ты, Абрам, что Вэну следует поехать в Москву на конкурс Чайковского?

Я понимал, что это означает. Совершенно очевидно, что карьера Вэна нуждалась в толчке, причем срочном; поэтому и нужно идти на риск нового выступления на арене соревнований. Все это было не слишком неожиданно, но, прежде чем ответить, я набил свою трубку, чтобы иметь время подумать.

— Почему бы нет? — сказал я наконец. — Что он теряет?

Ответ этот выражал мое отношение к жизни.

— Тогда мы должны найти деньги, чтобы послать его, — ответила Левина.

Лишь теперь, много времени спустя, когда вся эта фантастическая затея осуществилась, мы можем ясно представить себе, как же произошла вся эта необычная история.

Мадам Левина рассказывает:

— Осенью 1957 года одна из моих учениц, Олежна Фуски, ездила на конкурс в Бразилию. Член жюри, русский, Павел Серебряков, передал ей брошюру с описанием условий Первого международного конкурса пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского, назначенного в Москве на март и апрель 1958 года.

— Вернувшись с конкурса, — рассказывает мисс Фуски, — я принесла с собой на первый же урок брошюру о конкурсе Чайковского, хотя сама не намеревалась принять в нем участие. Мадам прочла брошюру, затем, продолжая держать ее в руке, отошла к окну и долго глядела в него, задумавшись. Вдруг я услышала, как она тихо, почти про себя произнесла: «Вэн».

Затем мадам Левина продиктовала письмо Вэну. Будучи сама русской, воспитанницей Московской консерватории, она писала ему, что хорошо знает вкус русских. Она уверена, что его масштабность и романтическая манера игры произведут на них сильное впечатление. «Я вам обещаю, что они вас полюбят».

Вэн воспламенился не сразу. Он переговорил со своими родителями и друзьями, серьезно озабоченными его будущим. На двенадцатом году холодной войны немало людей выразили бы те же опасения, которые высказывали ему сейчас со всех сторон: «Все это так, но, как бы хорошо вы ни играли, *американцы* Советы все равно не дадут выиграть».

Отвечая мадам Левиной, он благодарил ее за то, что она подумала о нем, и сообщал, что, взвесив все, решил отказаться.

Тем временем в Нью-Йорк стали поступать дополнительные сведения о конкурсе Чайковского, и немало людей, интересующихся им, подумали, что именно Вэн, так часто покорявший их своим исполнением Первого концерта Чайковского, является естественным претендентом на участие в конкурсе, а может быть, и кандидатом в победители. Покойный Александр Грейнер, в то время глава Отдела концертов и артистов фирмы «Стейнвей», с самого начала пристально следил за событиями и стал инициатором посылки Вэна в Москву.

Вскоре к нему примкнули Уильям Шуман и Марк Шубарт от Джульярдской школы. Когда мадам Левина высказала впервые свое предложение послать Вэна в Россию, Грейнер только спросил: «Вы уверены, что он подходящий кандидат?»

— Он учился у меня, — ответила она. — Кроме того, я чувствую, что он окажется превосходным представителем Америки в Москве. У него для этого все личные данные и талант.

С благословения Джульярдской школы мадам Левина снова написала в Техас. На этот раз она изложила свои аргументы в стиле Вильсона:

«1. Вам придется много работать, а это для вас очень полезно независимо от конкурса.

2. Вам придется выучить новые вещи.

3. Вы встретитесь с лучшими пианистами из других частей света.

4. Наконец, и это немаловажно, я верю, что вы выиграете».

Там, в Техасе, избранник все еще колебался. Он ответил, что, как полагает, ехать ему не стоит; однако скоро, к 1 ноября, он придет в Нью-Йорк, и тогда они все обсудят.

В начале ноября Вэн пришел к мадам Левиной. У нее сидела мисс Фуски, и они втроем просмотрели брошюру с условиями конкурса, взвешивая шансы Вэна. Первый приз конкурса — 25 000 рублей, или 6250 долларов по официальному курсу, не прельщал Вэна. Другое дело — золотая медаль имени Чайковского.

Еще в Килгоре он, двенадцатилетний мальчик, прочел о том, как его герой Рахманинов получил Большую золотую медаль Московской консерватории; это надолго погрузило его в сладкие мечты. Весной 1957 года полузабытые мечты оживила случайная встреча с каким-то гадалыщиком, который напрогнозировал Вэну, что в следующие двенадцать месяцев он совершит путешествие в «аграрную страну», где завоюет золотую медаль. Кто из нас настолько свободен от суеверий, что не прислушивается к голосу Макбета, особенно в момент, когда счастье от нас отвернулось? Конечно, Вэн не поверил в предсказание, однако запомнил его, и, как знать, может быть, именно оно явилось той крупинкой на чаше весов, которая привела их в движение.

Дух соревнования, всегда крепко сидевший в Вэне с детских лет, снова вспыхнул в нем. Да, кажется, он поедет... возможно, может быть... И скоро он стал обсуждать с мадам Левиной программу, которую ему придется готовить, «если...», и считать, сколько времени ему понадобится, чтобы ею овладеть.

Но, несмотря ни на что, вокруг слышалось все больше голосов против поездки. «Этого нельзя делать, Розина!» — в ужасе восклицал Билль Джад. И не только потому, что его страшила мысль о новом соревновании: он подготовил для Вэна турне по Европе на весну этого года. Правда, турне предполагалось осуществить без субсидий, на основе самооплачиваемости, и потому его было легко отменить. Но более всего отпугивало политическое недоверие, выражавшееся во все растущем хоре предостережений: «Не ездите! Не ездите: американцу все равно *никогда* не позволят выиграть!»

Розина Левина пожимала плечами. «Позволят» Советы американцу выиграть или нет — этого никто не мог знать. Но напряженная работа по подготовке к конкурсу, стимул, который он получит, — все это уже само по себе ценно. Если Вэн решит в силу каких-либо причин отказаться, не поздно это сделать и в последнюю минуту. Но сейчас надо записаться.

Так было составлено и отправлено заявление. И Вэн, пусть одной ногой, перешагнул Рубикон.

Марк Шубарт, действуя от имени Джульярдской школы, стал выяснять обстановку в Госдепартаменте: надо было узнать, какова официальная точка зрения на участие американцев в конкурсе, проводимом по ту сторону «железного занавеса». Там ему было дано понять, что Госдепартамент благожелательно относится к поездке и не будет чинить препятствий. «Одновременно я выяснил, — рассказывает Шубарт, — что там нет фондов, чтобы субсидировать поездку в Москву». Но, поскольку СССР выразил готовность оплатить все расходы в пределах Советского Союза, а также обратную дорогу участников конкурса, оставалось только изыскать средства на путешествие через океан. Желая помочь, Александр Грейнер дал мне свое кольцо. «У нас в фирме «Стейнвей» нет фонда для подобных начинаний, — сказал он огорченно. — Но Вэн должен непременно и при всех обстоятельствах поехать. Розина сказала мне, что вы тоже согласны. Сегодня я буду завтракать с Вэном, чтобы обсудить все обстоятельства поездки». Позднее Вэн не раз вспоминал, скольким он обязан поддержке Грейнера: «Он три раза приглашал меня с ним завтракать и всякий раз говорил со своей неподражаемой манерой: «Дорогой Вэн, я прошу вас, поезжайте, пожалуйста, вы должны поехать!» Он казался настолько уверенным в моей победе, что сильно повлиял на мое решение».

Марк Шубарт взял на себя заботы о финансировании поездки на конкурс, причем не только Вэна, но и других кандидатов от Соединенных Штатов. Он обратился в Институт международного образования, откуда его направили к Цезарю Серчингеру в Фонд Марты Бёрд Рокфеллер, которая в свое время сама была профессиональной пианисткой. Фонд оказал помощь: его отделение «В помощь музыкальным программам» согласилось оплатить дорожные расходы участников конкурса, представляющих Америку. Решив, что участникам конкурса лучше не плыть по океану, а лететь, Марк Шубарт уведомлял инсти-

тут: «Поскольку я сам буду выставять одного, а может быть, двух кандидатов, я чувствую себя заинтересованной стороной и не считаю возможным участвовать далее в переговорах по подготовке поездки». Правда, он настаивал на том, чтобы кандидаты были отобраны путем приглашения и без всякой рекламы, «так как все наши надежды быть достойно представленными в Москве основываются на том, что мы пошлем туда молодых профессионалов, а не студентов, причем профессионалов с солидным концертным опытом. Такие молодые артисты, несомненно, не захотят участвовать в конкурсе только ради конкурса. Само собой, существует только один критерий для определения кандидатов — их умение выступать».

Постепенно наметились кандидатуры. Большинство из них поблагодарили и отказались. Но было также известно, что в списки кандидатов собираются записаться Даниил Поллак из Лос-Анжелоса, тоже ученик Розины Левиной и воспитанник Джуль-ярдской школы, пианисты Норман Шелтер и Жером Ловенталь. Все трое уже находились в Европе, где совершенствовались свое мастерство. Джойс Флиссер, также кандидат Джуль-ярдской школы, должна была принять участие в соревновании скрипачей.

Подготовка кандидата на большое международное состязание требует тренировок, не уступающих в своем роде тренировкам олимпийского атлета. И та и другая требуют всесторонней подготовки человеческого организма — физической, духовной, эмоциональной; все должно быть отработано и отшлифовано с предельной точностью и готово к моменту действия.

«У нас всего три месяца для подготовки, — сказала мадам Левина своему кандидату. — Вы должны жить, как будто действительно поступили в тренинг. Пять дней в неделю вы должны никого не видеть, никуда не ходить; в одиннадцать часов вы должны быть в постели».

Вэн работал по шесть, восемь, десять часов в день и все-таки беспокоился, что не успеет подго-

товиться к апрелю. Мадам Левина отменила свои воскресные поездки за город и оставалась дома, чтобы слушать его игру. Она была полна уверенности, что Вэн предстанет на конкурсе во всеоружии и будет всесторонне и полностью готов к выполнению своей задачи. Ее всегда поражали его природное чутье, его любовь к русской музыке. Впоследствии кто-то даже исследовал генеалогию его семьи, чтобы установить, нет ли среди его предков русских, так как полагал, что чрезвычайная восприимчивость пианиста к русской музыке обусловлена его «кровными связями». Но никаких русских обнаружить не смогли — среди предков Вэна были лишь англосаксы и кельты.

Тем не менее он мог бы, если бы подумал об этом, претендовать на какое-то родство с Рахманиновым посредством своеобразного осмоса. Рахманинов бывал частым гостем Иосифа Левина. Розина Левина не только знала музыку композитора в его личном исполнении и по его замечаниям, но, что было сейчас для Вэна особенно важно, знала, какое исполнение своей музыки любят русские. Вэн исполнял Третий концерт Рахманинова во всех городах страны и везде с исключительным успехом. Теперь ему предстояло исполнить Концерт на родине композитора, где успели сложиться национальные традиции исполнения этого произведения. По отзывам Розины Левиной, «трактовка Вэном Третьего концерта Рахманинова становится все совершеннее и совершеннее. Даже сам композитор никогда не играл его лучше — это было бы невозможно!»

За пять дней до рождества мадам Левина уехала в Калифорнию, чтобы провести праздники со своими детьми. Возвратившись в середине января, она позвонила Вэну: как идут его дела? Он так и повис на телефоне: «О, наконец вы вернулись, слава богу! Сейчас же лечу к вам — я расскажу вам, что со мной случилось!» Вскоре он появился. Его худоба и бледность ужаснули ее. Сбросив пальто, он рухнул в кресло и выложил свою историю. Помнит ли она о двух концертах, которые он должен

был дать в Огайо и Мичигане? Так вот, поехав туда, он вернулся больным. Еще там у него был жар, но он тем не менее выступил. Вернувшись в Нью-Йорк, он пошел в аптеку за лекарством и по дороге потерял сознание. С тех пор он почти все время в постели. Потеряны две или три драгоценные недели!

Однако все не так уж плохо. Один из друзей порекомендовал ему «изумительного доктора» — он тренирует атлетов к олимпийским играм. И этому волшебнику уже удалось частично восстановить его силы при помощи нового режима: витамины, сырые яйца, глоток спиртного и шесть пакетиков «Желатина Нокса» ежедневно. Теперь ему уже лучше. И, если он не выиграет на конкурсе, платить ничего не придется. Вот насколько доктор уверен в его победе!

Все это так сильно заинтриговало мадам Левину, что она решила испытать действие желатина на себе; впоследствии она рассказала, что это средство словно вливалось в нее жизнь.

За очень короткое время Вэн полностью поправился и обрел прежний вид. Теперь он снова стал работать, как катсржник. На этот раз возвратилось не только здоровье, но и уверенность в себе.

Теперь общительного Вэна стало заботить предстоящее одиночество в его длинном-длинном, бесконечном перелете через Атлантику, когда не будет рядом друга, с кем можно поговорить, не будет родственной души, чтобы поделиться переживаниями. А около Вэна постоянно был кто-нибудь, с кем он делился своими впечатлениями, — он всегда в этом нуждался.

«Он хотел, чтобы я ехала с ним, но я не могла покинуть школу», — рассказывает Розина Левина.

«Он просил меня поехать с ним, и мне очень хотелось, но, конечно, я не мог оставить свои дела», — говорил мне Саша Грейнер.

«Он говорил мне, чтобы я поехала с ним, но я посоветовала ему ехать одному», — рассказывала миссис Левентритт. Кроме того, она уверяла его, что для него будет лучше, если он поедет один и

выиграет. И даже если он не выиграет, он все же будет стоять на собственных ногах. «Я знаю, потом он был рад, что послушался и поехал один».

В первых числах марта к Габриелю Рейнеру из туристского агентства «Космос» подошел высокий молодой блондин, который заявил, что его адресовал сюда мистер Шубарт. Ему надо поехать в Москву на конкурс Чайковского, но денег у него мало и ему хотелось бы поехать в качестве туриста.

Мистер Рейнер, осуществлявший контакты с СССР и слышавший о конкурсе, дал согласие. К нему обратился с письмом Шостакович, где он спрашивал, каким путем можно ознакомить американцев с условиями конкурса, и Рос Парментер любезно поместил об этом заметку в «Нью-Йорк таймс». Рейнер предложил отправить молодого человека на самолете до Копенгагена 24 марта. Имя? Как пишется Клайбери? Придется, конечно, подождать, когда поступит виза из СССР.

Потекли дни ожидания. Вэн то и дело справлялся в агентстве и выказывал нетерпение. «Не беспокойтесь,— успокаивал его Рейнер.— Я уже имел дело с Советами. Требуется время». Наконец он сжалился и взялся позвонить директору Интуриста в Москве, с которым был знаком. Оказалось, что директор Интуриста является членом комитета по организации конкурса. Виза пришла едва не в последнюю минуту — 22 марта. Вэн связался с авиационной компанией «Эр Франс», чтобы лететь через Париж и дальше на Прагу.

Времени оставалось как раз столько, чтобы пойти компанией в театр по случаю дня рождения Нолы Родс. Прощальный ужин был устроен у миссис Левентритт — индейка для Вэна, шампанское для остальных,— и малый отправился в Москву, оставив счет за телефон неоплаченным.

В одном из его потрепанных чемоданов лежали триста витаминных пилюль и таблеток с предписанием врача и запас «Желатина Нокса».

Сорок часов спустя автомобиль мчал его по каменной мостовой Красной площади, и он вытяги-

вал шею, чтобы увидеть луковицы храма на фоне бледного неба. Он знал хорошо, что он должен увидеть, — эту картину он помнил наизусть. На второе рождество после переезда его родителей в Килгор кто-то подарил ему богато иллюстрированную детскую книгу по географии. Яркие картинки пленили его до самозабвения. Он впивался глазами в фотографии греческого Парфенона, индийского Тадж-Махала, Вестминстерского моста, лондонского Тауэра, Версаля, памятника Вашингтону. Но более всего его восхитил вид храма Василия Блаженного в Москве с причудливыми по форме и ярко окрашенными куполами.

А теперь он здесь сам! Это было так реально и вместе с тем столь невероятно, словно он увидел старого друга; слезы невольно навернулись ему на глаза. Затем взгляд его заскользил вдоль массивных стен, огромных фасадов, пышных и декоративных каменных зубцов и башен, точь-в-точь как декорации в Голливуде... Перед ним был Кремль!

СССР оказывал гостеприимство сорока восьми молодым артистам, приехавшим из двенадцати стран — Китая, Японии, Франции, Великобритании, Соединенных Штатов, Германии, Венгрии, Польши и из далеких союзных республик, — и делал он это на широкую ногу. Каждый «гость» правительства был помещен в новой московской гостинице «Пекин» в номере «люкс» с гостиной, спальней, ванной, телефоном, телевизором и коротковолновым приемником. Для участников конкурса была выделена особая столовая.

Для осмотра Москвы, поездок в театр, оперу и балет к услугам участников были предоставлены машины. Из гостиницы в консерваторию музыкантов доставляли в специальных автобусах. В любое время можно было пользоваться услугами переводчиков. Казалось, достаточно, как в сказке, подуть на русскую волшебную лампу, чтобы все тотчас же исполнилось. Некоторым музыкантам из свободолубивого Запада, непривычным к таким излишествам, казалось, как ни иронически это звучит, что они

никогда не жили в таком довольстве. Во всяком случае, с точки зрения материальных благ. Может быть, все это тоже было волшебством?

В первое утро после приезда Вэна его переводчица, Генриетта Беляева, повезла его в консерваторию, где он встретился с некоторыми членами жюри и несколькими «соперниками». Затем его провели в класс, отведенный ему для занятий, где можно было работать в любое время.

Такие же удобства были предоставлены каждому из 28 участников конкурса скрипачей, которые уже закончили свои соревнования и разъехались: проигравшие — по домам на родину, а восемь победителей — в триумфальное турне по главным советским городам. Первое место в конкурсе завоевал советский музыкант Валерий Климов. Кандидат от США, Джойс Флисслер, заняла седьмое место. Она и ее аккомпаниаторша, Гарриет Уингрин, также ученица Джульярдской школы, тотчас получили приглашение выступить в Ленинграде, Киеве, Риге и Одессе.

По возвращении на родину они говорили мне, что всюду в России, где они побывали после конкурса, их останавливали на улице толпы народа, их снимали, у них просили автографы, их чествовали и баловали, принимая всюду как «победительниц». Русские считают, что завоевать одно из призовых мест в соревновании сильнейших скрипачей всего мира — уже огромное достижение, и одинаково хорошо относятся к лауреатам независимо от того, какое место они получили, какую премию или диплом. Какой контраст с ледяным молчанием, ожидавшим их по возвращении в Нью-Йорк! Но об этом после.

Вэн не пробыл в России и суток, а у него уже появились друзья. «В первый же день моих занятий в консерватории я услышал стук в дверь. Вошел улыбающийся молодой человек и сказал по-английски: «Приветствую вас в Москве, меня зовут Эдуардом Миансаровым, но можете звать меня просто Эдиком». Следующие два часа мы провели вместе, играли и пели».

В России очередность выступлений на конкурсах определяется жеребьевкой. Очередь Вэна для предварительных испытаний пришлась на 2 апреля, это дало ему около недели для упражнений. Он всецело посвятил себя подготовке. Но, несмотря на увлечение работой и на все соблазны нового окружения, у него нашлось время, чтобы вспомнить, что 28 марта Розина Левина давала концерт в пользу Фонда стипендии имени Иосифа Левина в Джульярдской школе. В этот день она получила телеграмму из Москвы: «Моя любовь и мысли с вами. Страшно интересно и весело». В первый же день своего посещения консерватории он пошел посмотреть на мраморные доски золотых медалистов с именами Иосифа Левина и Розины Бесси; их имена, высеченные полвека тому назад, до сих пор сверкали золотыми буквами.

Во вторник 1 апреля, вечером, тем, кому предстояло выступить на следующий день, была предоставлена возможность пойти в Большой зал консерватории, чтобы попробовать рояль: инструмент был фирмы «Стейнвей», но вместе с тем на конкурсе Чайковского была устроена выставка, где гордо красовались рояли с маркой «Made in the USSR».

«Я никогда не забуду этого вечера, — рассказывает Вэн. — В зале сидел участник конкурса, выступавший до меня, и играл «Этюды-картины» Рахманинова. Исполнение было великолепным, и я, слушая, прогуливался взад и вперед по фойе. Невозможно представить себе всю красоту и величие этого просторного помещения с его мраморными колоннами и дивными пышными коврами, спускающимися по большим лестницам, — невероятно! Наконец, здесь превосходная акустика независимо от того, полон зал или пуст. В этот вечер он был особенно величествен.

Я вспоминал знаменитейших людей, чья музыка как будто еще звучала в этих стенах: Рахманинова, Чайковского, Скрябина, Глинку, Мусоргского — тех, кто создал русскую музыку, придав ей национальное

своеобразие. Я сидел и вслушивался в эти звуки, снова чувствуя себя маленьким мальчиком, напуганный тем, что нахожусь там, где учился Рахманинов и преподавал Чайковский. Это заставило меня настолько забыть о себе самом, что я преодолел свой страх и больше не нервничал».

Так чувствовал себя Вэн Клайберн накануне битвы. Он не забыл позвонить своим родителям в Килгор, чтобы сказать им, в какое время будет играть, и испросить их духовной поддержки.

Конкурс в Москве был не только открытым, он явился центральным событием сезона 1958 года. Один из присутствовавших там американцев сказал: «Конкурс захватил москвичей так, как нас захватывают World series*. Публика так переживала, что воздух точно потрескивал от напряжения». Слушатели чутко реагировали на малейшую подробность, относившуюся к участникам и даже к членам жюри. Международное жюри возглавлял Эмиль Гилельс, наиболее прославленный советский пианист, а среди представителей Европы были: от Франции маркиз де Гонто Бирон и от Великобритании сэр Артур Блисс. Для участия в жюри был приглашен и один американец, но он отказался.

В этом первом туре Вэн начал свое выступление с Прелюдии и Фуги Баха си-бемоль минор из первого тома «Хорошо темперированного клавира», а затем исполнил Сонату Моцарта до мажор, К. 330. Когда перестала звучать последняя нота, вся публика в зале как будто глубоко вздохнула, а затем раздались оглушительные аплодисменты. Вэн встал, чтобы поклониться, не отходя от рояля, и сразу сел, ожидая, когда зал стихнет. Однако, прежде чем снова начать играть, ему еще трижды пришлось вставать и отвечать на овации. Следует подчеркнуть, что ему аплодировали за Моцарта, а не за русскую музыку. После этого он сыграл четыре этюда: № 11, соч. 25 Шопена; ре-диез минор, соч. 8

* Международные соревнования по бейсболу.— *Прим. ред.*

Скрябина; «Этюд-картину» ми-бемоль минор, соч. 39 Рахманинова и «Мазепу» Листа. В последнюю очередь он сыграл пьесу, обязательную для всех участников конкурса, — «Тему с вариациями» Чайковского, соч. 19, которую публика, конечно, знала и любила.

Но теперь они уже знали и любили *Вана Клиберна* — так, кажется, его называли? Ваня! Ванюша! Когда он снова играет? В понедельник полуфинал? Скорее в кассу за билетом! К концу недели измученные сотрудники отвечали на все запросы: «Билетов нет. Играет *Клиберн*. Попробуйте позвонить завтра».

Из сорока восьми претендентов, выступавших в первом туре, ко второму был допущен двадцать один.

Свое выступление 7 апреля Вэн начал с Прелюдии и Фуги Сергея Танеева, потом играл произведение Чайковского, входившее в обязательную программу, — первую часть его Сонаты до мажор. Однако пьесой, снова поднявшей на ноги всю публику в восторженном порыве, было опять-таки не произведение русской музыки, а Фантазия фа минор Шопена — блеск и тщательность ее исполнения повергли всех в изумление. И пока все еще были под впечатлением исполнения Шопена, Вэн дал слушателям еще раз с полной силой ощутить тот же восторг — на этот раз с помощью нашего старого испытанного друга — Двенадцатой рапсодии Листа. Вэн закончил свое выступление произведением американского композитора — Фугой из Фортепьянной сонаты Самуэля Барбера, соч. 26. Так окончился второй тур конкурса.

Теперь их осталось девять, девять участников третьего тура: один из Китая, один из Японии, один из Франции, один из Болгарии, трое из России и двое из США. Даниил Поллак все еще участвовал в состязании, наступая Вэну на пятки.

Они все будут победителями, но в каком порядке? Это должно было решить исполнение концертов, назначенное на конец недели, в сопровождении оркестра Московской Государственной филармонии под

управлением Кирилла Кондрашина. Русские пожелали, чтобы в финале каждый участник сыграл один из трех фортепьянных концертов Чайковского. Вероятно, ни один из читателей сейчас не побоится угадать, который из концертов решил сыграть Вэн.

8 апреля в СССР прибыл Марк Шубарт; он был в скандинавских странах по делам Программы международного обмена и приехал на Московский конкурс как зритель. В тот же день он встретился с Вэном на приеме у Ричарда Дэвиса, советника американского посольства. Заметив, как гости относятся к Вэну, и поговорив с музыкантами, присутствовавшими на первых двух турах, Шубарт сразу понял, что «Ваня» становится героем дня. Он предупредил Макса Френкеля из «Нью-Йорк таймс», что может произойти нечто заслуживающее внимания. Френкель присутствовал на третьем туре и впоследствии поведал американцам клайберновскую эпопею. Наше посольство в Москве сначала скептически отнеслось к приезду американских музыкантов на конкурс Чайковского, считая, что «мало радости быть вторыми или третьими после русских». Однако теперь посол Левелин Томпсон и его супруга решили присутствовать на выступлениях третьего тура, которые состоялись в пятницу вечером.

И в добрый час, поскольку «все, кто был кем-нибудь» в столице, в этот вечер присутствовали в зале. В ложе сидела вдовствующая королева Бельгии Елизавета, в креслах расположились многие известные советские деятели со своими прекрасно одетыми супругами — все в возбужденном, повышенном настроении. Три ночи подряд у касс консерватории стояли очереди не терявших надежды студентов; по мере приближения вечера возбуждение росло. Пришлось вызвать наряды милиции, чтобы справиться с наседавшими толпами. Те, у кого были хорошие места, улыбались друг другу с видом превосходства. Немало безбилетных вступило в состязание с милицией: одни старались незаметно прошмыгнуть в здание, другие пытались опрокинуть барьеры. Марк Шубарт рассказывает, что натиск был чудовищный,

«все содрогалось... страшно было смотреть... страшно и вместе с тем так отрадно!»

Ко времени, когда музыканты симфонического оркестра Московской филармонии стали настраивать свои инструменты, в помещение Большого зала консерватории набилось полторы тысячи человек, разместившихся напротив огромного овального портрета Чайковского, смотревшего на них из-за рояля. Вся сцена утопала в цветах. Счастливицами считали себя даже те, кто не получил кресла, а стоял — они густо заполнили боковые проходы и обширный балкон.

Едва вошел Вэн и еще прежде, чем он сыграл ноту, раздались длительные аплодисменты. Все хлопало в ладоши и кричало «Ваня, Ванюша!», словно встречали не только героя, но и горячо любимого друга. Дирижер Кондрашин подал знак, и все уселись на места, радостно приготовившись слушать: что-то сделает этот техасский парень с Первым концертом их Чайковского?

Когда концерт кончился, последовал вулканический взрыв, длившийся нескончаемо. Вызовы Кондрашина, вызовы оркестра, повторные вызовы Вэна.

Вторым номером программы было Рондо Дмитрия Кабалеvского. Эта обязательная для исполнения пьеса, написанная композитором специально к конкурсу и исполненная всеми его участниками, была разослана почтой, как только Кабалеvский ее закончил. Вэн получил свой экземпляр в Нью-Йорке в начале февраля и запомнил пьесу в два-три дня. Но усвоить новую работу можно только со временем. Лишь накануне концерта, в два часа ночи, Вэн затащил Марка Шубарта в свою студию в консерватории и четыре раза проиграл перед ним Рондо, прежде чем оба остались довольны результатами. Технически эта вещь довольно мудреная, и впоследствии композитор изъясил ее для пересмотра. Исполнением Рондо Вэн заслужил оvation стоя.

После антракта наступила очередь концерта Рахманинова. Четыре года тому назад тот же пианист играл тот же концерт в сопровождении Денверского оркестра под управлением Саула Кэстона. Вот что

писал об этом Аллен Юнг в «Денвер пост» от 8 декабря 1954 года:

«Играя Третий концерт Рахманинова ре минор, этот долговязый техасец приступил к нему с почти непринужденной легкостью. Потом он продемонстрировал феноменальную технику — полился водопад чистейших звуков... Сомнений в его необычной способности музыкального проникновения уже не оставалось...»

По окончании выступления Вэн заслужил русское «ура». Все поднялись с мест. От криков и аплодисментов чуть ли не сотрясались стены. В диком урагане звуков можно было различить ритмическое хлопанье в ладоши и скандированные возгласы: «Пер-ву-ю пре-ми-ю! Пер-ву-ю пре-ми-ю!» Они исходили от студентов консерватории и вскоре распространились на весь зал. И, хотя оставалось прослушать еще шесть пианистов, некоторые из членов жюри, забыв о приличествующей судьям беспристрастности, присоединились к бурным овациям. Александр Гольденвейзер, седой патриарх русских пианистов, пробирался по центральному проходу, повторяя налево и направо: «Гений! Гений!» Он говорил потом, что никогда не слышал этого концерта в таком блестящем исполнении, с тех пор как его играл Рахманинов.

Эмиль Гилельс, председатель жюри, за кулисами открыто обнимал Вэна. То же делал и Кондрашин. Члены жюри были в конце концов вынуждены допустить нарушение правил конкурса и разрешили артисту снова появиться на сцене. Оркестранты поднялись и восторженно хлопали в ладоши. Непрерывная, громогласная, восторженная овация стоя длилась восемь с половиной минут, отсчитанных по ручным часам.

Для Вэна этот момент был действительно кульминационным.

В крепких объятиях

12 апреля читатели «Нью-Йорк таймс» увидели на первой полосе газеты крупную фотографию молодого светловолосого музыканта в галстук бабочкой. Над ней стоял заголовок: «Русские приветствуют двадцатитрехлетнего американского пианиста». Таков был первый отклик родной страны на события, происходившие в сердце Москвы.

«Но еще не известно, получит ли мистер Клайберн первую премию», — предупреждал читателей корреспондент Френкель. Ведь предстояло выслушать еще шестерых из девяти лауреатов, и все они были первоклассными музыкантами. Во всяком случае, окончательное решение станет известным не раньше понедельника. Мистер Френкель оказался достаточно гуманным, чтобы сообщить своим читателям об этих радостных событиях, однако та же гуманность помешала ему рассказать, что после вечернего выступления Вэна в пятницу значительная часть публики покинула зал прежде, чем появился следующий пианист: прослушав то, что им хотелось услышать — своего дорогого «Ванюшу», — они попросту встали и отправились домой*.

* На протяжении всего конкурса слушатели всех концертов, особенно концертов третьего тура, относились ко всем участникам с огромным уважением, проявляли к каждому выступлению большой интерес и оставались в зале всегда до полного окончания концерта. — *Прим. ред.*

В эти последние дни недели по Москве уже ходили всевозможные слухи о решении жюри конкурса, хотя участники финального конкурса должны были закончить свои выступления только в воскресенье вечером. В воскресенье около полуночи Вэн покинул зал вместе со своими коллегами. Они прошли мимо доски объявлений, где значилось, что в следующую пятницу состоится сольный концерт победителя. Для фамилии победителя было оставлено пустое место. Однако в этот вечер кто-то решительно заполнил оставленное место фамилией Вэна Клайберна.

Утомленные участники конкурса отправились в столовую гостиницы «Пекин», чтобы перекусить и выпить по стакану чая. Москвичи — ночные птицы, они вообще не ложатся спать. Гости с готовностью переняли местный обычай. Все сидели и болтали, кто закусывал, кто неторопливо пил чай, но главное — все ждали. Внезапно в зал ворвался сияющий Эдик Миансаров.

— Ван, ты выиграл! — закричал он, обнимая своего друга.

Вэн покачал головой.

— Ты не можешь этого знать, Эдик, еще рано. Официально до двенадцати часов завтрашнего дня ничего известно не будет.

Он упрямо возражал до тех пор, пока в зал не вошел представитель консерватории.

— Ванюша, — сказал он с многозначительной улыбкой, — не лучше ли тебе подняться к себе в комнату и надеть фрак и белый галстук?

Затем он предложил всем сейчас же ехать обратно в консерваторию. Теперь Вэн уже не спорил; растерянно улыбаясь, он встал и медленно вышел из комнаты. Очутившись в своем номере, он занялся двумя вещами — стал одеваться и связался по телефону с Килгором.

Когда они вошли в зал, почти половина публики, присутствовавшей на третьем туре, заполнила помещение. Заметив победителя, появившегося в сопровождении своих коллег, толпа ринулась к ним и за-

аплодировала. На сцене защелкали фотоаппараты. Оркестр снова настраивал инструменты, и Кондрашин уже стоял за пультом. Предстояло заснять цветной фильм для миллионов русских, которым не пришлось ни видеть, ни слышать победителя. Вэн занял свое место у рояля. Съемка затянулась до пяти часов утра.

А в это время в номере гостиницы, где жил Марк Шубарт, настойчиво звонил телефон. «Вэн выиграл!» — прокричал в трубку Френкель. Сразу проснувшийся Шубарт тотчас послал телеграмму президенту Джульярдской школы Шуману: «Мы вышли на орбиту». Газета «Нью-Йорк таймс» второй раз за последние три дня поместила на первой полосе портрет пианиста с галстуком бабочкой, и известие о победе Клайберна на этот раз отодвинуло на задний план все остальные новости. Для большинства читателей это было величайшим мировым событием. Об этом говорили все — водитель автобуса со своими пассажирами, швейцар со своими жильцами... все поголовно.

Но были и такие, кого победа Вэна касалась еще ближе.

В квартире Спайсеров на Клермонт авеню сказали, взглянув на газетные заголовки: «Здорово. Наконец-то он сможет расплатиться за рояль, который купил для церкви».

Джилль Галлахер с недоумением качал головой. «Меня удивляет,— заметил он,— почему для того, чтобы перейти улицу, такой талантливый человек должен был совершить далекое путешествие в Москву».

Официанты в ресторане Карнеги-холл тотчас узнали своего клиента. «Значит, он добился,— сказал один из них.— Ну, теперь он сможет заказывать полную порцию ростбифа».

В доме Скайлера Чэпина в это утро подошел к двери за газетой десятилетний Генри, учившийся игре на виолончели. «Мама, мама, смотри! Мой аккомпаниатор!» — закричал он, бегом возвращаясь в комнату.

Днем в понедельник мадам Леви́ну и Би́ллия Шу-мана вызвали по телефону из Москвы. Теперь оба они с улыбкой вспоминают свой первый разговор с Вэном. Возвратившись из Москвы, он должен будет как следует отдохнуть, твердо заявили они ему. «Вы здорово поработали. Теперь вам нужен покой, по крайней мере в течение лета, и время, чтобы поработать над своим репертуаром». В тот момент Вэн был так же наивен, как и они, и охотно с ними соглашался.

Тем временем в Москве на вечер того же дня был назначен прием. У Вэна едва нашлось время, чтобы немного поспать: к пяти часам надо было быть в Кремле на приеме, устроенном в честь вдовствующей королевы Бельгии Елизаветы. Королева — учредительница Международного музыкального конкурса в Брюсселе, неутомимая покровительница и любительница музыки — сделалась на девятом десятке своей жизни горячей поклонницей Вэна.

На приеме присутствовали высшие государственные деятели Советского Союза: глава государства — маршал Ворошилов; первый заместитель Председателя Совета Министров Микоян и, что особенно знаменательно, Председатель Совета Министров Хрущев, только что возвратившийся из поездки. В то время как Вэн разговаривал с королевой и Ворошиловым, к нему подошли с несколько необычным приглашением. Хотя на следующий день в Кремле был назначен специальный дневной прием для победителей конкурса, ему предложили, как одному из наиболее уважаемых гостей, быть представленным мистеру Хрущеву.

«Итак, меня подвели к нему,— рассказывает Вэн,— и он сердечно и предупредительно принял меня». По правде говоря, этих слов недостаточно для характеристики приема, оказанного Хрущевым Вэну. Коренастый вождь Советского Союза крепко его обнял и расцеловал в обе щеки. Затем, весело оглядев двухметровую фигуру Вэна, спросил у него через переводчика:

— Вы почему такой высокий?

— Потому что я техасец,— ответил Вэн, никогда не упускающий случая хвастнуть своим родным штатом.

— Должно быть, вы богаты дрожжами в Техасе,— заметил Хрущев.

— Да нет, только витаминными таблетками.

Потом Вэн очень досадовал, что упустил возможность скаламбурить. Он жалел, что не ответил: «Еще бы, я как раз из Восточного Техаса» *.

— Вам сколько лет?

— Двадцать три.

— Моему сыну тоже двадцать три.

В свое время газеты широко публиковали этот разговор. Однако менее известно, что в продолжение разговора Хрущев обнаружил знакомство с выступлениями Вэна.

— Я много слышал о вашей изумительной трактовке и замечательном исполнении Фантазии Шопена фа минор,— сказал он Вэну.— Я очень люблю эту вещь и огорчен, что не мог слышать ее во время второго тура конкурса. Но я с нетерпением жду, что услышу вас сегодня вечером.

«Я никогда не забуду, что он знал о Фантазии Шопена,— сказал мне впоследствии Вэн в Нью-Йорке.— И всегда буду это ценить».

После приема все направились в консерваторию на церемонию присуждения премий. На торжестве должны были выступить три пианиста и три скрипача, получившие первые три премии. Эмиль Гилельс, председатель жюри, объявил имена победителей-пианистов:

1. Вэн Клайберн, США
2. Лю Ши-кунь, Китай, и Лев Власенко, СССР
3. Наум Штаркман, СССР
4. Эдуард Миансаров, СССР
5. Милена Моллова, Болгария

* Непереводаемая игра слов: в произношении техасцев слова yeast «дрожжи» и east «восток» звучат одинаково.—
Прим. ред.

6. Надя Гедда-Нова, Франция

7. Тоюоаки Мацуура, Япония

8. Даниил Поллак, США

Позднее, когда Гилельса спросили, трудно ли было жюри определить кандидата на первую премию среди стольких одаренных исполнителей, он ответил, что место Вэна было определено сразу же и единогласно.

Шостакович, председатель организационного комитета конкурса, вручил Вэну Клайберну и Валерию Климову — победителю конкурса скрипачей лауреатские свидетельства, денежные премии и сверкающие золотые медали с барельефом Чайковского. Вэн выразил благодарность по-русски в нескольких словах, выученных им заранее; они потонули в аплодисментах всего зала. Затем они с Кондрашиным исполнили, как предусматривалось программой торжества, первую часть Концерта Чайковского. Публика снова бурно приветствовала исполнение, раздавались настойчивые возгласы: «More, more!» — «Еще, еще!» Вэну пришлось сыграть три сольные вещи на бис. Но крики не стихали. Однако Вэн, выстулавший в течение двух суток подряд днем и ночью с перевязанным пальцем (от непрерывной игры у него образовался волдырь), на этот раз решил, что пора кончить. Он поднял обе руки, требуя внимания, и произнес по-русски: «Большое спасибо».

Чтобы полностью оценить значение триумфа Вэна, следует указать, что для определения участников конкурса у русских принято устраивать отборочные конкурсы. Из двухсот соискателей были отобраны девять лучших, которые и участвовали в конкурсе. Таким образом, Вэн выиграл соревнование со всеми лучшими пианистами России*.

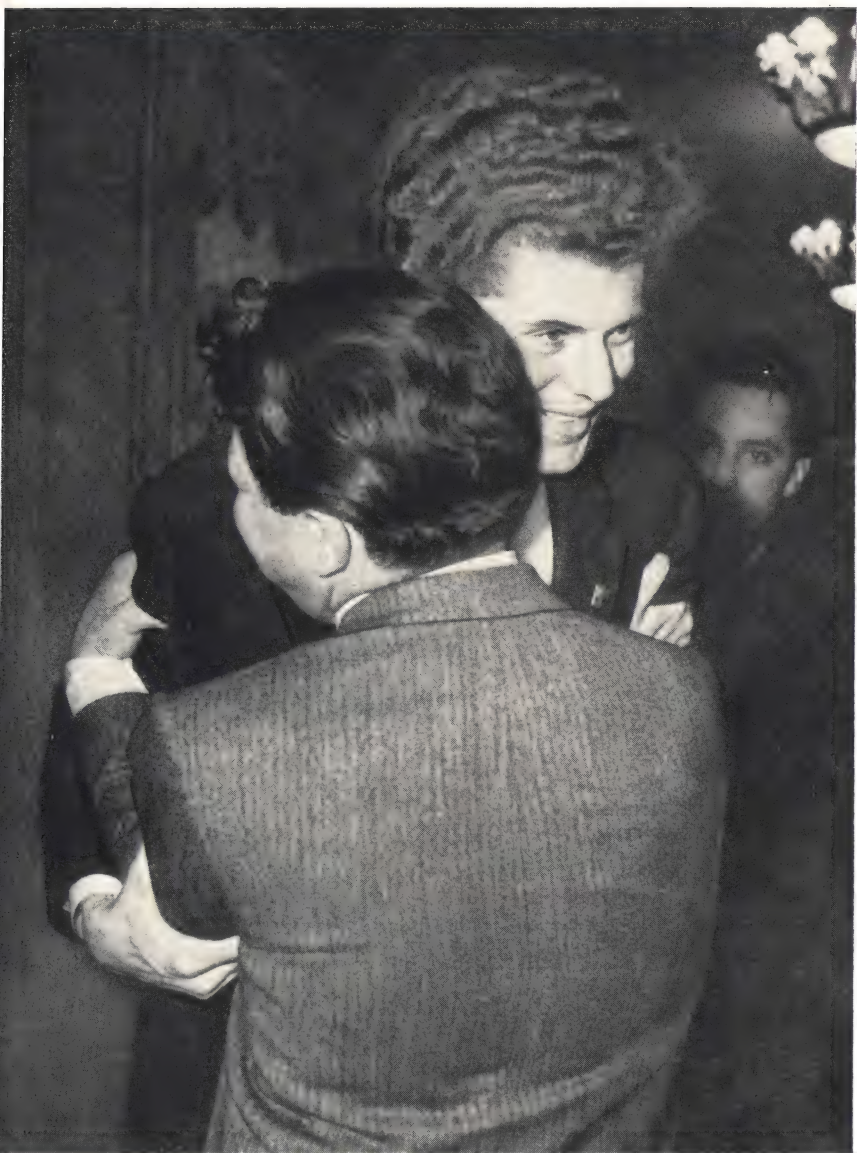
* В Международном конкурсе им. П. И. Чайковского не принимали участия многие выдающиеся молодые советские пианисты, пользующиеся заслуженным признанием в СССР и за рубежом. Поэтому утверждение, что Клайберн выиграл соревнование «со всеми лучшими пианистами России», является ошибочным. — *Прим. ред.*

Лю Ши-кунь, Вэн Клайберн и Эдуард Миансаров

Присуждение премии

Эмиль Гилельс поздравляет Клайберна с победой

Валерий Климов и Вэн Клайбери после получения золотых медалей

По окончании церемонии публика покинула Большой зал, но Вэн и Кондрашин уже через час вновь были на эстраде и опять до глубокой ночи играли для киносъемки.

Победа придавала Вэну силу и бодрость. Но он то и дело выражал беспокойство за музыкантов оркестра Московской филармонии, которые на всем протяжении конкурса репетировали с лауреатами каждое утро по три часа, а затем еще играли вечером по четыре — четыре с половиной часа.

В эту ночь снова почти не пришлось спать. А на следующий день в Кремлевском дворце был назначен прием Министерства культуры для победителей конкурса. На этот раз Хрущев подошел к Вэну с протянутыми руками и весело представил ему своего сына, дочь и внучку. Когда гостям разносили шампанское для тоста, Вэн попытался уклониться, но затем с улыбкой взял бокал и пригубил. Умри, но сделай для Техаса!

В разгар праздника Микоян сказал Вэну: «Вы оказались хорошим политиком и сделали для своей страны больше, чем все политики, вместе взятые». Хрущев, всего восемнадцать дней назад ставший Председателем Совета Министров, одобрительно кивал при этих словах. «Все мы, сидящие здесь за круглым столом, — он указал на лауреата из Китая и гостей из других стран, — подаем идеальный пример мирного сосуществования». Тут кто-то заметил, что музыканты могли бы, возможно, отлично справляться со своими делами и без участия правительств, с чем премьер добродушно согласился.

Того, кто хоть сколько-нибудь походил на американца, москвичи в эти дни останавливали на улицах и поздравляли с «вашей победой». Одному американскому дипломату сказали: «Теперь и у вас есть свой спутник!» Московское радио сообщало об американском спутнике, «подготовленном втайне». Авторитетные советские музыканты помещали в газетах пространные статьи, в которых давались профессиональные оценки американской музыкальной школы и игры.

«Он гениальный пианист!» — восклицал Святослав Рихтер, один из самых выдающихся русских пианистов, добавляя, что слово «гениальный» он редко употребляет при оценке исполнителей.

«Такие виртуозы рождаются один или два раза в столетие», — заявил Арам Хачатурян.

Шостакович писал в «Правде», что Вэн — «феноменально искусный музыкант с блестящей, неповторимой индивидуальностью».

Стоило Вэну появиться на улице, как его тотчас же окружала толпа поклонников. Время от времени заботливые друзья запирали его в комнате, чтобы спасти от поклонников и дать отдохнуть. Но это не всегда удавалось. Неутомимые почитатели Вэна появлялись неизвестно откуда, проникали в комнату среди ночи. Русские девочки-подростки шныряли у выходов из консерватории, ожидая, пока закончатся его занятия. Когда его поклонницы услышали, что он худеет и потерял, несмотря на все витамины, около двенадцати фунтов, они натаскали ему горы апельсинов. Незнакомцы — мужчины и женщины — останавливали Вэна на улице, чтобы обнять его и расцеловаться с ним. Мадам Хрущева прислала ему цветы.

Казалось, эта фантастическая, невероятная неделя никогда не кончится. Наконец измученный и счастливый герой выступил с сольным концертом в пятницу и принял участие в двух концертах вместе с другими лауреатами. К великой радости студентов консерватории, которые приходили заранее, Вэн наигрывал для «разминки» «Голубую луну» и «Твой поцелуй».

Независимо от того, что он делал, публика была всегда на его стороне. Однажды Вэн внезапно сбил-ся в середине бурного пассажа и оборвал струну. Его слушатели, исполненные неизменной к нему симпатией, восприняли это как дополнительное доказательство необычайной эмоциональности «Вани». «Русские любят своих виртуозов, как итальянцы своих оперных певцов», — писал Марк Шубарт в «Нью-

Йорк таймс». — Случалось, что при исполнении крупных произведений русской музыкальной литературы некоторые места он играл слабо; это воспринималось с заметным удивлением, всегда с сожалением и никогда с презрением».

Когда московское телевидение объявило, что оно будет передавать второе отделение третьего тура, со всех сторон посыпались негодующие протесты. Почему только второе? Они хотели слышать все и добились этого путем «плебисцита»; передан был весь концерт до конца, вплоть до последней ноты последнего произведения на бис.

К телефону вызвали с другого полушария мадам Левину.

— Хотелось бы вам услышать Вэна? — спросил ее один из друзей. — Тогда держите трубку...

Был включен коротковолновый приемник, и мадам услышала знакомые звуки Третьего концерта Рахманинова в исполнении Вэна. Затем заговорила русская дикторша. Слово ища некоторого утешения для самолюбия советских людей, она сказала, что действительно первую премию на конкурсе завоевал американец, но разве не была русской его учительница?

Тем не менее американцам было бы приятно узнать, что, точно так же как мы критикуем собственные методы воспитания, сравнивая их с русскими («в чем мы ошибаемся, преподавая науки?»), русские стали теперь писать и выступать по поводу того, «что неправильно в нашем преподавании музыки».

В течение длительного периода Соединенные Штаты самодовольно полагали, как нечто само собой разумеющееся, что они опередили всех в области науки и техники, а Советский Союз благодушно полагал, что его народные артисты — лучшие в мире. В течение двух последних лет они познакомили мир с двумя самыми выдающимися из своих артистов — пианистом Гилельсом и скрипачом Ойстрахом, представив наглядное свидетельство таланта советских исполнителей. Они и в самом деле боль-

шие артисты. И все же за границей создалось впечатление, что «за этим занавесом нет ничего, кроме золотых чудовищ с двадцатью четырьмя пальцами».

Когда пианист Рихтер заявил недавно, несколько не преувеличивая, что «все привыкли бояться нас, русских», он имел в виду то недавнее время, когда один французский музыкальный деятель дал понять русскому артисту, что комитет конкурса предпочел бы, чтобы на нем не было советских соискателей: они отпугивали соискателей из других стран. Теперь все изменилось в корне *.

«Массовым недостатком наших музыкантов является посредственность их уровня,— писал критик Вартанян в «Советской культуре»,— многим недостает ярких черт характера. Одна из главных причин этого заключается в том, что при обучении советских пианистов главное внимание уделяется развитию техники, тогда как *проблема развития творческой индивидуальности выпадает из поля зрения*. Я подчеркнул некоторые слова в этом признании, считая их чрезвычайно показательными для понимания наметившейся сейчас в Советском Союзе переоценки прежних положений **. Достоин внимания и тот факт, что Вэн, чьи успехи вызвали эту

* Рассуждения автора, будто результаты Международного конкурса им. П. И. Чайковского коренным образом изменили положение дел и отрицательно сказались на международном авторитете советских музыкантов, носят надуманный характер, их невозможно согласовать с действительностью. И, разумеется, совершенно нелепы чьи-то слова о «золотых чудовищах с двадцатью четырьмя пальцами», находящихся за мифическим занавесом. Всеми миру известно, с каким триумфом проходили в последнее время в США гастрольные выступления советских артистов и ансамблей.— *Прим. ред.*

** Цитата из статьи З. Вартаняна, опубликованной в газете «Советская культура», приведена здесь в искаженном виде. В этой статье нет каких-либо упоминаний о «посредственном уровне» наших музыкантов, являющемся якобы их «массовым недостатком». Вот что в действительности писал З. Вартанян: «Прежде всего прошедший конкурс показал общий *чрезвычайно высокий* уровень совет-

самокритику, продолжал пользоваться у русских большим уважением и любовью.

Он заставил полюбить себя еще больше, когда совершил паломничество в Клин и посетил национальную святыню — дом Чайковского, превращенный сейчас в музей. С замирающим сердцем стоял Вэн перед драгоценным роялем Учителя. Играть на нем разрешают только самым выдающимся пианистам, да и то только в день рождения Чайковского — 7 мая, а пока шел апрель. Но по молчаливому соглашению рождение Чайковского было «перевдвинуто» на несколько недель и «Ванюша» сыграл на его рояле.

Он встретился и говорил с внучатым племянником композитора; он взял горсть земли с могилы Чайковского, выполняя этим первую половину одного задуманного им сентиментального предприятия. Однажды к Вэну пришла группа людей, которые бережно несли небольшой кустик. Они слышали, сказали они ему, что он хотел захватить с собой в Америку куст русской белой сирени, чтобы посадить его на могиле Рахманинова. Все они долго стояли в очереди за билетами на его концерты, но не смогли их достать. Поэтому они сложили свои деньги и купили ему эту сирень. Не согласится ли он любезно принять ее вместе с их признательностью?

Вэн отнес этот куст в свою комнату в гостинице и поливал его каждый день если не буквально своими слезами, то, во всяком случае, с чувством, очень близким к благоговению. Да и кто бы мог остаться равнодушным к такому бесхитростному выражению любящих сердец? Не удивительно, что по-

ской пианистической школы, *большую исполнительскую культуру* и наличие *значительного числа высокоодаренных молодых музыкантов*» (курсив редакции). Далее он отмечал, как серьезный недостаток, схожесть творческого облика наших молодых музыкантов, выступавших на конкурсе, отсутствие у многих из них яркого самобытного почерка. Но и это соображение не дает каких-либо оснований для вывода, к которому приходит автор, говоря о наметившейся у нас переоценке прежних положений, касающихся перодовой роли советских музыкантов. — *Прим. ред.*

любившийся русским гость иногда, горячо реагируя на такие проявления любви и тепла, делал с самыми хорошими, но плохо обдуманнами намерениями поспешные заявления, которые, попав в американскую печать, не вызывали на его родине особенного энтузиазма.

Во всех городах, где Вэн играл после Москвы — в Ленинграде, Риге, Киеве и Минске, — его концерты передавались по радио и телевидению. Тем не менее, когда по приезде в Ленинград он узнал, что студенты консерватории безрезультатно осаждали билетную кассу и не смогли получить билетов, Вэн настоял на том, чтобы их допустили на дневную репетицию, где опять-таки по его же настоянию была исполнена вся программа. Публика откликнулась на это так горячо, что в дальнейшем Вэн, вернувшись в США, сделал это непременным условием своих концертов. Но не одни студенты бились за право присутствия в зале. В течение трех дней и ночей здание Филармонии окружала сплошная толпа, а однажды во время вечернего концерта Вэна одна женщина от слабости и утомления потеряла сознание.

Во всех городах спрос на его пластинки был настолько велик, что завод не успевал их выпускать. Один из наших друзей, побывавший в России спустя две недели после отъезда Вэна, писал нам с Констанции:

«В ГУМе, самом большом универмаге Москвы, а может быть, и всей России, есть отдел граммофонных пластинок, помещающийся в отделении магазина через улицу. Там в секции симфонической музыки есть ящик, полный почтовых открыток. Вы пишете на открытке свое имя и адрес, а также название пластинки, которую хотите заказать. Вы оплачиваете почтовые расходы, а когда магазин получает нужную пластинку, он пересылает вам открытку. Вы приходите и покупаете ее.

Открыток с именем Вэна Клайберна огромное количество. Даже на пластинки Гилельса и Ойстраха количество заказов значительно меньше. Нам сказали, что еще никогда не было такого спроса, как на пластинки с записями Вэна. Пока я там стоял, свои заказы на Вэна Клайберна при мне сдали: жена американского корреспондента, русский генерал, молодые супруги монголы, наш гид и по крайней мере дюжина подростков. Большинство заказывало обе пластинки.

Девушки без ума от Клайберна и спрашивают, женат ли он. Они восхищаются не только его великолепной игрой, но и пышной шевелюрой. Отныне взъерошенные или волнистые волосы вошли в моду и у мужчин и у женщин! Между прочим, запишите себе где-нибудь: мы слышали, что во многих семьях возникала сложная проблема — кто из членов семьи должен пойти на единственный билет, полученный на концерты Вэна? В большинстве случаев он доставался женам».

Куда бы он ни пошел, к нему всегда подходил кто-нибудь, улыбался и протягивал подарки. И что за подарки!

От студентов Ленинградской государственной консерватории — пейзаж, нарисованный одним из их профессоров.

От одной русской семьи — огромное фарфоровое блюдо с нарисованной тройкой, блюдо, сохранявшееся в семье семьдесят лет. «Поглядывайте на него, когда вам грустно, и вспоминайте, что есть люди, которые вас любят и никогда не забудут», — значилось в приложенной записке.

От дочери Василия Сафонова, некогда директора Московской консерватории и преподавателя Иосифа Левина, — бесценная фотография Сафонова, снятого вместе с Чайковским почти три четверти века назад.

От работника Госконцерта СССР Владимирова — огромная кукла, похожая на Пиноккио, с юмористи-

ческой запиской, указывающей, что и кукла и даритель одинаково лысы.

От московских поклонников — чудесный томик сонетов Шекспира в кожаном переплете.

От Центрального музея музыкальной культуры — биография Рахманинова.

От студента из Минска — карикатура его героя «Ванюшки», нарисованная с фотографии. «Извините за несовершенство наброска — он сделан не художником, а будущим пианистом», — значилось в надписи по-английски.

От студентов Латвийской государственной консерватории — пластинка Первой симфонии Шостаковича в исполнении оркестра Большого театра под управлением Кондрашина.

От одной из театральных студий — русская балалайка.

От одного из поклонников — медальон Чайковского и карточка с надписью «Рафаэлю рояля — Вэну Клайберну, Москва, 1958».

Не забыли они и «матушки *Клиберн*», о которой все читали. Ей послали сумку из белого шелка с золотом, белые лайковые перчатки, вещицы из янтаря и серебра, флаконы духов в красивой упаковке, современный русский фарфор и старинную русскую эмаль, портсигары из малахита.

Кроме всего этого, — нотные партитуры, альбомы, деревянные резные изделия, серебряные ложки, чайные сервизы, самовары. Многие из этих подарков, по-видимому, долгие годы хранились где-нибудь на дне сундука или в глубине буфета, прошли через войны и революции. Теперь их вытащили, начистили и подарили тому, кого наконец сочли достойным столь драгоценного дара.

Вероятно, ни один американец не встречал в своей жизни столько русских, не обнимался и не целовался с ними. Вэн жал им руки, хлопал по плечу, болтал с ними через улыбающихся переводчиков. Окружавшее его кольцо людей было таким плотным, что он мало видел саму Россию. В первые дни конкурса ему еще удавалось ускользнуть иногда

из машины или автобуса и проехаться в сказочном метро. Как мог он, дитя «ВМТ» и «Индепендент» *, предполагать, что увидит систему подземного транспорта, украшенную не рекламами жевательной резинки, а скульптурами и мозаикой? Не мог он также подавить своего восхищения и при виде электрических кнопок, показывающих путь: нажмите соответствующую кнопку — и перед вами вспыхнет нужная вам трасса.

А вот что составляло его отдых: несколько украденных часов восхитительного фланирования по картинным галереям и Эрмитажу; посещение Большого театра, где он видел новый красочный балет Хачатуряна «Спартак», слушал рахманиновские оперы «Франческа да Римини» и «Алеко», которые, кроме России, не ставятся нигде в мире, побывал в студии, где с него сняли маску для коллекции консерватории; нанес визит Кондрашину, чтобы посмотреть его новорожденного. Все же остальное время было заполнено работой.

Свое турне Вэн закончил концертом 9 мая в Минске. В два часа ночи он сел в поезд на Москву. «Я ехал в чудесном русском вагоне и проспал до обеда. Чувствовал себя прекрасно».

На вокзале его встретили сотрудники американского посольства. «Поскольку за все время моего пребывания в Москве мне ни одного дня не удавалось побыть с ними, я сказал им, что посвящаю этот день американскому посольству, и мы провели его вместе.

В два часа утра под воскресенье я наконец добрался до постели и попытался хоть немного поспать, зная, что вечером должен играть для грамзаписи. В тот вечер в Большом зале консерватории пел Леонард Уоррен из Метрополитен-опера, и я пошел за кулисы позвать ему руку. После того как Уоррен кончил, на сцене разместился оркестр, построили рояль, и мы начали. Запись длилась до половины пятого утра понедельника.

* Метро в Нью-Йорке. — *Прим. ред.*

Когда делаешь что-нибудь с таким нервным напряжением, после никак не заснешь. Зато хочется есть. Так что мы закусили, поговорили, и я пошел на пару часиков поспать. Потом мы играли для кино в музыкальной школе для детей, после чего на тот же вечер была намечена еще четырехчасовая запись моего сольного репертуара. Но от этого мне пришлось уже отказаться».

В тот же понедельник Вэн узнал, что Колумбийское концертное бюро назначило его первый концерт в Карнеги-холл на 19 мая. Бюро пожелало, чтобы дирижировал Кондрашин. Вэну также хотелось этого. Да и Кондрашин мечтал о поездке. Но удастся ли это?

«Теперь нам надо было добиваться визы для Кирилла. Я четыре или пять раз связывался с Соединенными Штатами, но никто не мог мне сказать ничего определенного. Наконец нам передали спешное сообщение о том, что все устроено и Кондрашин может ехать. Чудесно! Я тотчас позвонил в Нью-Йорк и сказал им, что Кондрашин у них будет. Наконец около часа ночи я добрался до своей постели. Во вторник днем была назначена запись концерта Чайковского в Большом зале. Она продлилась с трех часов дня до семи тридцати вечера. После такого сеанса мне было просто необходимо пойти послушать «Франческу» Рахманинова».

Времени оставалось мало. «Я уже собирался прощаться, когда мне сказали, что оркестр хочет, чтобы я прослушал повторно записанную часть *prestissimo* концерта Чайковского. Прослушав, я сказал, что было бы желательно записать это место снова. Кирилл не согласился: «Хорошо и так. Но все равно — оркестр хочет с вами попрощаться».

Музыканты сидели на своих местах. Мне стало очень грустно: ведь за время моего пребывания в Москве мы провели вместе на эстраде сорок пять часов.

«У нас есть кое-что для вас», — сказали они мне и преподнесли чудесный альбом с полным описанием моего пребывания в России и фотографиями всех

мест, где я побывал. Вместе с альбомом мне подарили русскую лакированную шкатулку, украшенную миниатюрами на сюжеты пушкинских сказок. Она была наполнена превосходными русскими шоколадными конфетами. И, кроме того, — портсигар, покрытый эмалью, и афишу нашего последнего совместного концерта с автографами всех его участников».

Прощальный концерт транслировался по телевизионной сети для семнадцати миллионов зрителей.

Неумолимые рамки финансовых законов не позволили Вэну вывезти более половины полученных им денег за пределы советских границ. «Если Министерство культуры одобрит мой план, — продолжал Вэн, — я хотел бы употребить часть своих гонораров на учреждение двух премий Московской консерватории имени двух великих пианистов — Иосифа Левина и Рахманинова, которые оба закончили Московскую консерваторию и получили золотые медали».

Он добавил также, что хотел бы, чтобы русские пианисты — лауреаты конкурса — приехали в США и выступили перед американцами.

Утром 14 мая на Московский аэродром привезли телевизионные камеры, чтобы все могли увидеть Вэна Клайберна в эти последние минуты его пребывания на советской земле. Огромная толпа собралась вокруг него, чтобы слышать его прощальные слова, которые он произнес по-русски. Переводчица Генриетта сияла от гордости за его выдающиеся успехи в языке. Дирекция консерватории, студенты и поклонники долго махали платками, пока большой самолет не поднялся в воздух, взяв курс на Копенгаген. Вэн, прижав лицо к стеклу иллюминатора, смотрел сквозь слезы, как фигуры провожавших становились все меньше и меньше...

Он долго сидел, откинувшись в кресле, прежде чем посмотрел на открытку, сунутую кем-то ему в руку в последний момент. На ней был знакомый фасад консерватории с портиком и колоннами. Он

посмотрел на обратную сторону. Она вся была исписана мелким почерком по-английски.

«Дорогой Вэн!

Это наспех написанное письмо от ваших почитателей должно вам сказать, как мы вам благодарны за те минуты незабываемого душевного подъема, которыми вы так щедро нас наделяли. Мы будем всегда вспоминать с некоторой грустью, смешанной с глубоким удовлетворением, чудесные дни апреля и мая 1958 года. Для нас это было дивным переживанием, и мы, студенты Московской консерватории, счастливы, что нам довелось его испытать...»

Он обещал вернуться... может быть, через год. Кто знает? Но Кирилл последует за ним по воздуху на следующий же день.

88 ключей к городу

Водитель нью-йоркского такси резко затормозил машину, заметив знак, запрещающий движение.

— Что тут происходит? — окликнул он полицейского... — Парад? В честь пианиста?!

Его недоумение было вполне понятным, хотя факт был налицо: крупнейший город мира чествовал музыканта, воздавая ему такие почести, какие до сих пор доставались разве что на долю раззолоченных генералов, глав государств, прибывших с визитом, чемпионов плавания, переплывших Ла-Манш, и национальных героев. На всем протяжении улицы тротуары были заполнены жестикулирующей, возбужденной любопытной толпой, выкрикивающей приветствия пышноволосому техасцу, который «показал этим русским». А в это время сверху, с балконов высоченных домов, лился дождь из вьющихся лент серпантина и бушевала снежная буря конфетти.

Почему это произошло? Потому ли, что Вэн Клайберн был первым американским музыкантом, победившим в международном турнире? Едва ли. За предшествующие шесть лет произошли события не менее знаменательные: Леон Флайшер выиграл премию королевы Бельгии для пианистов на конкурсе по меньшей мере таком же серьезном, как московский; Джон Броунинг едва не завоевал первое место на том же Брюссельском конкурсе четыре

года спустя, проиграв лишь пол-очка русскому Ашкенази; Берль Сеновский получил первую премию на конкурсе скрипачей; Лесли Парнас увез первую премию с первого Международного конкурса имени Казальса для виолончелистов в Париже; скрипач Сидней Харс получил вторую премию на Международном конкурсе Венявского в Познани (Польша), не дотянув лишь три очка из девятисот, необходимых для получения первого места. И как раз в тот же месяц, когда Вэн Клайберн победил в Москве, Айвэн Дэвис, тоже техасец, получил первую премию пианистов в Неаполе.

Этот список далеко не полон. Мы даже не упомянули такие победы артистов на родине, как завоевание Сеймуром Липкиным Рахманиновской премии и получение Гарри Графманом специального приза на конкурсе, который был самым взыскательным и трудным соревнованием из когда-либо имевших место в нашей стране.

Но многие ли знали об этом и многие ли этим интересовались? Многие ли из тех, кто продает и покупает музыкальные услуги, многие ли любители музыки откликнулись на эти признания заслуг? Разве лишь немногие чуткие представители музыкальной печати, вроде Говарда Таубмэна из «Нью-Йорк таймс». Однако суть рассуждений Таубмэна ясно передают заглавие и подзаголовок одной из его наиболее убедительных воскресных статей:

«КАКАЯ ПОЛЬЗА?

для американца выиграть крупную премию в Европе?

...На родине почти никакой».

Поэтому не удивительно, что Вэн, как и все мы, был ошеломлен приемом и беспрестанно повторял: «Это сон! И, если мне это снится, я хотел бы никогда не просыпаться». Многим его жизнь казалась головокружительным кошмаром, а не сном, но Вэн наслаждался всеми сторонами своих фантастических переживаний.

Чествование в Нью-Йорке было задумано на собрании наспех назначенного комитета, состоявшегося в Бюро по вопросам торговли и общественных мероприятий. Уполномоченный Р. Патерсон младший, заместитель уполномоченного Эмма Ротблат и Джон Эфрат из американского актерского фонда наметили практические шаги для осуществления пожелания мэра устроить герою-победителю по его возвращении достойную встречу. Был выработан план грандиозного парада 20 мая в честь «Дня Вэна Клайберна», за которым должен был последовать завтрак в гостинице Вальдорф-Астория, на который мэр города Р. Вагнер предполагал пригласить около пятисот человек.

Школам и институтам было предложено объявить свободный день. Музыкальные школы должны были выйти на улицу в сопровождении оркестров и с плакатами. Очень скоро идея этого торжества вылилась в идею установления Дня американской музыки для чествования не одного только Вэна Клайберна, «но и студентов и преподавателей музыки, а также всех любителей музыки». Предполагалось, что каждый, кто хоть отдаленно причастен к музыке, с радостью будет приветствовать это начинание. Но значительная группа музыкантов и преподавателей встретила эту внезапную попытку добиться их участия с недоверием. Они с иронической усмешкой отнеслись к тому, что «папаша Никербокер» * неожиданно признал существование музыкантов. За шесть дней до парада газета «Нью-Йорк геральд трибюн» вылила по этому поводу целый поток колких намеков на трех столбцах статьи под заголовком «Парад для каторжников рояля».

Целый ряд ведущих музыкальных школ города и музыкальных факультетов университетов даже не

* Под псевдонимом Дидриха Никербокера Вашингтон Ирвинг опубликовал свою сатирическую хронику «История Нью-Йорка». С тех пор образ Никербокера стал собирательным образом жителя Нью-Йорка — любителя местных традиций, яркого приверженца старых патриархальных обычаев.— *Прим. ред.*

позаботился ответить на телеграммы Патерсона. Другие отклонили предложение, ссылаясь на приближение экзаменационного периода и объясняя, что музыкальные факультеты не приспособлены для демонстраций и посылки оркестров, как их об этом просили. Первая армия отказалась предоставить свой оркестр, потому что кто-то решил, что затевалось предприятие «коммерческого характера». Но ей тут же ответили, что никакой особой заинтересованности в военном представительстве никто не испытывает.

Приводились и другие причины отказа от участия в городском параде. Указывали, что город хочет нажить капитал на русской овации Клайберну, что это — политическая демонстрация. Самые знаменитые победители в стране еще никогда не удостоивались таких почестей, так чем же вызван этот неожиданный поворот? До сих пор только частные благотворительные организации помогали американским соискателям премий ездить за границу, почему же теперь общественные деятели, не оказавшие здесь никакой помощи, хотят переметнуться на сторону победителя? Наконец, были получены просто забавные объяснения, свидетельствующие о задетом самолюбии. Некоторые просто не хотели участвовать в «триумфе Цезаря».

И, несмотря на все это, встреча Вэна Клайберна была, наверное, самой взволнованной и бурной со времен триумфа Линдберга. Стенографистки, рассыльные, служащие и радисты — все радовались и рукоплескали, выбегая на середину улицы, чтобы поближе рассмотреть долговязую, тощую фигуру Вэна, неловко уцепившегося за сиденье открытого «императора», медленно продвигавшегося по нижнему Бродвею.

Посреди улицы шли всего две машины — одна для Вэна, другая с официальными лицами. Их сопровождали толпы марширующей молодежи, оркестры, хоры, акробаты, клоуны, костюмированные лица — целое карнавальное шествие. Подростки протягивали к нему руки и бежали вслед за автомоби-

лем. Хорошенькая голубоглазая девушка поднялась на цыпочки и попросила ее поцеловать. Выполняя ее просьбу, Вэн едва не вывалился из машины.

«Дай пять, Вэн!» — закричал какой-то студент, подскочив к машине и протягивая руку. Вэн пожал ее своим железным пожатием. Люди, стоявшие по пути его следования, с подозрением поглядывали на его взъерошенную копну волос, более лохматую, чем когда-либо, после манипуляций московских парикмахеров. Кто-то довольно бесцеремонно крикнул: «Эй, куда девал свою свистульку?» Вэн только рассмеялся в ответ и помахал рукой. Послышалось и такое замечание: «Ему нужна стрижка? С какой стати? Такая же грива была у Падеревского!»

Когда обсуждалась организация парада, кто-то в комитете высказал беспокойство по поводу погоды. А что, если пойдет дождь? Билль Джад, увидевший, как его «мальчик» тараном прошел через два испытания, в которых он не советовал ему принимать участия, теперь окончательно поверил в клайберновскую звезду.

— Не беспокойтесь, — сказал он с пророческой улыбкой, — в «День Вэна Клайберна» погода будет отличной.

Так оно и было.

Тем временем гости, приглашенные на завтрак мэра, еще с половины первого сидели за своими столиками, терпеливо ожидая окончания парада. «Некоторые гости, более голодные, чем остальные, стали потихоньку есть разложенные по приборам гренки, — писала газета «Нью-Йоркер». — Гарри Харшфильд нетерпеливо поглядывал на часы. Должно быть, кто-то обмазал клеем парадный путь Вэна Клайберна и последующую церемонию в ратуше...»

Но никто и ничего не обмазывал клеем. Дело в том, что церемония представления и приема за исключительные и выдающиеся заслуги, с ее речами и всем прочим, заняла гораздо больше времени, чем это можно было предположить. Преподобный Ричард Гамильтон из Кэльвери Бэптист Черч выступил с обращением; мэр прочел свое воззвание; упол-

номоченный Патерсон обратился с приветствием от имени города; Роберт Даулинг зачитал адрес. И всем им Вэн отвечал.

Мои ручные часы показывали ровно тринадцать двадцать, когда мэр, держа Вэна под руку, ввел его в Эмпайр Рум. Пока они шли к своему столику, оркестр заиграл национальный гимн, и все встали. Едва смолкла музыка, как люди толпой бросились от своих столиков к Вэну, чтобы обняться с ним, получить автограф или просто на него взглянуть.

Пока все мы расправлялись с закуской, наш почетный гость едва ли положил в рот один кусок. Он только что узнал, что Роберт Даулинг летит в тот же день в Москву, и стал составлять письмо своим русским друзьям. Не просто записку, а чудесно составленное длинное послание, которое он громко прочел собранию, прежде чем передать Даулингу.

Мать Клайберна выглядела королевой. Ее муж сидел рядом, оглядываясь вокруг с неприкрытым недоверием. Вышие деятели и видные граждане города Нью-Йорка находились в этой комнате, отдавая дань уважения тому самому подростку, чье будущее он когда-то хотел обеспечить страховкой, а теперь, как говорили ему кругом, его мальчик собирается заработать за год больше денег, чем компания «Дженерал моторс»!

Билль Шуман встал, чтобы выступить от имени Джульярдской школы: «Ваша alma mater гордится вами, Вэн!» Ричард Роджерс поднял тост за «этого юношу, этого очень старого дипломата». Город преподнес Розине Левиной вазу с надписью — первую награду имени Вэна Клайберна, которую постановили выдавать с этих пор ежегодно. Все мы выступили с речами.

Но была среди нас молодая женщина, которая не выступила с речью и которой никто не предложил выразить признательность. То была Джойс Флисслер, скрипачка, которая прошла через те же огонь и воду Московского конкурса, но вышла на седьмое место. Она сидела здесь же и видела, как сотни людей сходили с ума по Вэну. Она любила его

и потому радовалась его успеху. Но могла ли она подавить в себе чувство горечи, видя, что для своей собственной страны она осталась безвестной? Особенно когда она вспоминала об искреннем признании ее таланта в России?

Хотя на первом же собрании Учредительного комитета было постановлено, что остальные победители конкурса имени Чайковского должны принять участие в празднестве, это намерение каким-то образом забылось. Даниил Поллак, тоже совершивший обширное турне по России и тоже игравший для грамзаписи, был в то время за границей. Но уроженка Нью-Йорка Джойс Флисслер вернулась домой и вполне могла участвовать в празднествах. Тем не менее присутствие ее в ратуше было чисто случайным: один из представителей города позвонил ее антрепризе — Национальной музыкальной лиге, чтобы посоветоваться в отношении списка гостей. «Прекрасно, — ответили ему, — но ради бога, непременно и в первую очередь запишите Джойс Флисслер, которая также получила премию!» «Чудесно. Как пишется ее имя? Ее адрес?»

Вот как она сюда попала. Она вошла, не зная почти никого, как и ее здесь никто не знал, и села рядом со своим другом, который также пришел один. Никому из выступавших с речами не сказали о том, что она здесь. Я узнал об этом лишь неделю спустя совершенно случайно, когда какой-то посетитель в моей конторе спросил, знал ли я о том, что на завтраке присутствовала мисс Флисслер? Я был ошеломлен. Даже не ответив посетителю, я бросился звонить ей по телефону, чтобы извиниться, пытался что-то ей объяснить.

— О, ничего, все в порядке, — ответила мне мисс Флисслер. — Я восхищаюсь Вэном, и, разумеется, он заслужил эту встречу. Что касается меня, то со времени моего возвращения я не заметила и намека на мое признание. То, о чем вы говорите, — всего лишь еще одна пилюля среди множества других.

Затем она рассказала мне, что в России ей было предложено точно такое же турне, как Вэну, но

она не смогла принять приглашение, так как ее мужу, музыканту Нью-Йоркской филармонии, нужно было в то время отправиться в турне по Южной Америке; ей пришлось возвратиться домой, чтобы смотреть за детьми.

Давид Ойстрах, особенно горячо хваливший ее работу, сожалел о том, что она не могла остаться в России и принять сделанные ей предложения. «Дорогая моя,— сказал он ей,— я вас уверяю, что, когда бы вы к нам ни вернулись, вы всегда найдете у нас прекрасный прием. Возвращайтесь поскорее».

— Эти слова мне дороже всего,— сказала она.— Я услышала его мнение, почувствовала его теплоту, получила приглашение вернуться.

Пробуждение наступило, когда она возвратилась домой. Ее дирекция не устроила для нее ни одного ангажемента в Америке, никто не поинтересовался ее достижениями. Ею интересовались ничуть не больше, чем «домосковской» Флислер. Ее антрепренеры продолжали посылать в газеты отчеты о ее приеме в России, но практически это не давало никаких результатов.

Нам, американцам, не нравится, если сравнение нас с русскими в какой-либо области культуры оказывается не в нашу пользу. Однако надо наконец сказать, что нам давно пора отказаться от нашей философии «победителей».

Вэн приземлился в Айдльуадльском аэропорте за четыре дня до парада. Он привез с собой семнадцать чемоданов (уехав с тремя) и куст белой сирени, которому предстояло пребыть положенное время в карантине. Его встречали на аэродроме родители с целой кучей друзей, совершивших длинное путешествие из Техаса, чтобы его приветствовать. На традиционный вопрос тучи репортеров: «Что он думает о своем успехе?» — он ответил с улыбкой, что «это не успех, а только сенсация». Тем же, кто выражал удивление, как это он сумел так хорошо поладить с русскими, он сказал, что это, вероятно, потому, что «в русских есть немного техасского, и я им об этом сказал!»

— Вы не боялись проиграть коммунистическому пианисту? — спросили его.

— Я желал бы знать, опасались ли коммунистические пианисты проиграть республиканскому, демократическому или деголлевскому пианисту? — пожал он плечами.

После завершения формальностей его усадили в лимузин и отвезли в отель «Пьер» на Пятой авеню; здесь Вэна немало поразило то, что в его люксе оказалась не одна, а две комнаты. Соседний номер заняли его родители. Увидев в своем салоне концертный «Стейнвей», он быстро пробежал обеими руками по клавиатуре, полный радостных предвкушений. Стали вносить багаж. Вэн распаковывал чемоданы, чтобы показать привезенные подарки и сувениры, и очень скоро рояль и вся комната оказались заставленными вещами. Но это было лишь начало.

В первый раз я встретил «послемосковского» Вэна на следующий день после его возвращения. В ту субботу мы с женой посетили днем выставку Утрилло в Хаммеровской галерее. День был солнечный и веселый, мы возвращались пешком по Пятой авеню. Против отеля «Пьер» Констанция вдруг остановилась и предложила:

— Зайдем на минутку и оставим у портье карточку для Вэна.

В холле мы столкнулись с Биллем Джадом.

— Хотите посмотреть на Вэна? — спросил он нас тем приглушенным голосом, каким спрашивают: «Не хотите ли взглянуть на останки?»

В молчании мы поднялись на двадцать второй этаж. У двери в номер Джад вынул из кармана ключ и украдкой отпер дверь. Он ввел нас в просторную прихожую, за которой открывалась обширная величественная гостиная с приспущенными портьерами и шторами. В полутьме вырисовывалась группа лиц, торжественно восседавшая вокруг стола, накрытого для холостяцкого завтрака: Аллен Кайс из RCA Victor; концертный импресарио Фредерик Кристофер Шанг III, лучший знаток русского языка в компа-

нии; дирижер Гарри Джон Браун; папаша Клайберн; сам Вэн и Кирилл Кондрашин, которого Вэн утром встретил на аэродроме.

Разговаривали тихо, вполголоса. При нашем появлении все перестали шептаться, медленно и одновременно поднялись, точно кто затанул: «А теперь восстанем!» Эта спокойная сцена совсем не была похожа на ту бурю радости, которой, как мы думали, нас встретит Вэн. И, когда мы молча обнялись, я вспомнил его слова, сказанные после получения премии Левентритта: «Какая страшная ответственность!»

После обмена приветствиями Вэн вышел из-за стола, чтобы провести нас по комнатам. Перейдя в соседнюю, он, несколько смущаясь, но явно с гордостью стал показывать нам картины, книги, статуэтки, фарфор, хрусталь, серебро и всевозможные сувениры, подаренные его русскими поклонниками. И, когда он трогал и разглядывал их, у него все время был какой-то неуверенный вид, а с лица не сходила вопросительная улыбка. Его улыбка. «Не чудесно ли все это?» — твердил он, а между тем голос его звучал так, словно за дверью уже стоял судебный пристав, чтобы все это забрать.

Три представительных официанта вкатили в комнату тележки, уставленные блюдами с шипящими бифштексами, котлетами, шницелями и всякими приправами. Стол был обильный. Когда завтрак кончился, Джад, как импресарио Вэна, проставил имя Вэна на счете, прибавив к нему надлежащие чаевые. Вэн быстро встал, взглянул через плечо Джада и побледнел.

— Можем ли мы себе это позволить? — пробормотал он.

На этой ранней стадии своей карьеры Вэн слабо представлял себе, какие огромные заработки ждут его отныне.

За этим завтраком обнаружилась вся эффективность языка жестов. Поскольку Вэн фактически не мог разговаривать с Кондрашиным — тот владел английским не лучше, чем Вэн русским, — они выра-

ботали для себя «алфавит десяти пальцев», удовлетворявший как будто обе стороны. Что же касается музыкальной солидарности, то ее они выражали способом, проверенным веками.

— Как они между собой разговаривают? — спросил на следующий день на завтраке в «Таймс» Артур Хайс Сульцбергер у Эллиота Сангера.

У Сангера, уже задававшего мне этот вопрос, был наготове ответ:

— Они не разговаривают. Они обнимаются.

Сульцбергер едва не подавился ложкой супа.

Из аэропорта Кирилл и Вэн в тот день поехали прямо в Карнеги-холл на репетицию с оркестром «Симфонии в эфире» для первого концерта, назначенного на понедельник. Естественно, что в день, когда мы нанесли ему визит, ему нужно было позаботиться о тысяче мелочей. Но в первую очередь «этот хороший и сердечный человек», как Кондрашин называет Вэна, хотел удостовериться в том, что его друг ни в чем не нуждается. Между тем я обнаружил, что Кондрашин очень прилично говорит по-немецки, и тогда мы с Констанцией предложили опекать его, призвав на помощь мое поверхностное знание русского и наше деловое знакомство с немцем. Это немало позабавило нас и, надеюсь, его также.

Мы вместе вышли от Вэна, и Кондрашин пригласил нас в свой номер, где он преподнес нам русские папиросы — сам он курил американские сигареты, которые Вэн только что ему купил. Кроме того, он подарил нам несколько своих пластинок. Когда мы прощались, он сказал нам, что интересуется живописью, поэтому мы прежде всего повезли его к своим друзьям Спрингхольдам, где он смог увидеть одну из лучших частных коллекций французских импрессионистов в нашей стране. Он обнаружил чуткое понимание их и поразительную осведомленность. После этого мы привезли его к себе. Он проявил значительный интерес к мелочам нашего обихода. С серьезностью исследователя он рассматривал все подряд — холодильник, электрическую

плиту, установку для кондиционирования воздуха. Моя электрическая бритва произвела сенсацию, и точно так же его восхитили моющиеся обои в ванной комнате.

Затем мы расположились пить чай в моем кабинете, и он внимательно слушал, как звучат на нашей радиоле его собственные пластинки, а также записи наших американских оркестров и солистов. Его ласковые карие глаза и выразительное лицо сияли от удовольствия, когда какие-нибудь пассажи звучали непривычно чисто, а его красноречивые руки драматически подчеркивали его переживания: он то сжимал кулаки, то молитвенно складывал руки, поднимал указательный палец или опускал большой.

Его замечания свидетельствовали о его разностороннем музыкальном вкусе: он говорил об опере, классической симфонии, о творческом духе нашего времени. Он человек простого происхождения и считает, что высокое искусство должно быть доступно народу и целиком ему принадлежать. Артист должен черпать свою силу в народе и возвращать ему ее плоды посредством общения. «Как это делает Ваня», — добавил он.

После обеда мы повели его на крышу здания Радио Сити, чтобы посмотреть оттуда на ночной город. Пока мы поднимались на головокружительную высоту в быстро мчащемся лифте, он как будто затаил дыхание. Когда мы вышли на площадку, он осторожно заглянул через парапет и недоверчиво покачал головой. Позднее, когда мы уже были на Бродвее, я указал ему на неоновую рекламу «Тайм» с огромными буквами имени Вэна Клайберна. Увидев в витрине книжного магазина Дубльдэй сильно увеличенную фотографию Вэна, взятую с обложки журнала, он был ошеломлен. Но не потому, что американцы создали такую шумиху вокруг Вэна — по правде сказать, русскую шумиху ничто уже не могло превзойти, — его поразили методы нашей рекламы.

Мы вернулись в его гостиницу около полуночи, и он настоял, чтобы мы «на минутку» зашли к нему. Он достал из портфеля какую-то рыбу, потом появилась большая коробка свежей икры. (Пробовали ли вы когда-нибудь свежую икру, только что доставленную по воздуху из России?)

Затем мы распрощались и ушли.

Предварительная запись на первый концерт Вэна превзошла все, что когда-либо видел Карнеги-холл, перевидавший столько звезд. Когда в кассах билеты были распроданы, барышники запрашивали по сто пятьдесят долларов за два — и получали их. В понедельник вечером началась продажа стоячих мест. Какие-то счастливцы сумели купить их за полчаса до концерта по два доллара восемьдесят центов. Но сотни людей ушли ни с чем. Зал был наполнен до отказа.

Выступление Вэна в Карнеги-холл после его русских триумфов было одним из самых мучительных переживаний, какие когда-либо выпадали на долю артиста. Перед лицом битком набитого зала, исполненного лихорадочного ожидания и любопытства, он держался прекрасно и с самого начала произвел впечатление человека скромного, привлекательного и незаурядного. Под оглушительный гром встретивших его аплодисментов он сел за инструмент и, не мешкая, принялся за исполнение своей программы. Он сыграл ее всю от начала до конца с невероятными самоуглубленностью и хладнокровием, мужественно, спокойно и с восхитительной сдержанностью. Возбужденная публика реагировала нескончаемыми овациями.

Выражая чувство облегчения, которое охватило публику, Луис Бианколли сказал: «Теперь мы можем вздохнуть свободно. Русские не переоценили Вэна».

Еще прежде, чем Вэн поклонился в последний раз, за кулисы устремился целый поток людей. Тот, кто не позаботился надеть наколенники и налокот-

ники, не смог пробиться в актерскую комнату. Розина Левина, которой предстояла на следующий день утренняя репетиция, была вынуждена написать свои поздравления на обороте программы и доверить ее вручение человеку с более сильной мускулатурой.

В этот вечер произошло еще одно беспрецедентное событие: впервые в истории Карнеги-холл артистические уборные за кулисами не вместили нахлынувшей публики — пришлось распахнуть двери огромного помещения для хранения оркестровых инструментов. Фотографы стояли на столах. А ожидавшиеся Вэна люди, глядя, как он демонстрирует всем свое умение обращаться с толпой, в отчаянии рвали на себе волосы. В коридорах теснилась чуть ли не тысяча человек: одни ждали автографа, другие пробивались, чтобы пожать руку, а он тем временем вступал с кем угодно в неторопливую беседу. Особенно внимателен он был к подросткам, проявлявшим серьезный интерес к музыке. «Что вы играете? Кто ваш преподаватель? Что вы сейчас разучиваете?» Он выслушивал все ответы и делал свои замечания. Вэн живо помнил, как еще совсем недавно он сам с жадностью вшивался в каждое слово, которое приходилось услышать за кулисами из уст артиста.

По ту сторону двери за кулисы давка была еще сильнее. Вслед за мэром города Р. Вагнером на концерт приехала целая свита избранных. Сам мэр покинул здание благополучно, но затем пришлось срочно вмешаться полиции: едва у двери показалась знакомая шевелюра, началась массовая атака. Какой-то новобранец, взяв под руки своих дружков, образовал с ними живую цепь; с лицом, мокрым от испарины, он вопил в изумлении: «Братцы, да я и своей теще такого не пожелаю!»

Во время этой суматохи Скитч Гендерсон через море голов встретился взглядом с Вэном. «Встретимся после войны!» — крикнул он ему издали. И действительно, они встретились в следующее воскресенье на телевизионной программе Стива Аллена. Как был заключен контракт и как был установлен

гонорар, стоит рассказать хотя бы потому, что это показывает, насколько размер газетных заголовков влияет на сумму вознаграждения артиста.

Когда Вэн впервые играл для программы «Сегодня вечером» после получения Левентриттовской премии, предполагалось, что он получит профсоюзный минимум — пятьдесят пять долларов. Гендерсон требовал дать ему семьдесят пять, и гонорар был повышен.

За свое второе выступление в программе Вэн получил сто долларов: «Он здорово играл прошлый раз, надо его поощрить». По странному совпадению это выступление произошло как раз 13 апреля 1955 года. Ровно через три года положение резко изменилось — он не был нужен никому и ни за какой гонорар.

Теперь продюсеры программы Стива Аллена явились прямо на квартиру к Скитчу Гендерсону:

— Можем мы получить того парня?

Скитч отлично понял, о каком «парне» шла речь. Он позвал Билля Джада. Пока Вэн был в Москве, тот не мог дать твердого обещания, но Скитч удовлетворился джентльменским соглашением: «Достаточно вашего слова».

Скитч позаботился вовремя. Уже в двенадцать часов позвонили из конторы Эда Сюливана с просьбой предоставить им то же время и в тот же самый день. К сожалению, уже есть предложение...

В понедельник, к тому часу, когда начинается деловая жизнь, Джад успел уже переговорить по межконтинентному телефону с Вэном, который сказал, что пока он наметил только два выступления после возвращения: одно по телевидению у Скитча и второе по радио у меня в память старой дружбы.

Скитч и Джад договорились с Вэном об исполнении последней части концерта Чайковского и показе фрагментов фильма о Московском конкурсе. «Ну, все в порядке, — заключил разговор Скитч, — мы договорились обо всем, осталось лишь договориться с коммерческим агентом».

Коммерческий агент зашел.

— Сколько?

— Три тысячи.

— Что?

— Три тысячи. Долларов.

(Очень длинная пауза.)

— Ладно, плите чек.

Но никто и ахнуть не успел, как в скором времени этот гонорар стал «семечками», пустяком!

Подвиги пианиста

Филадельфия и Вашингтон тоже жаждали услышать исполнение программы, выигравшей премию, чтобы самим решить, «правы ли были русские». Не менее того им хотелось увидеть Вэна и оказать ему почетный прием. В последнюю минуту Национальная ассоциация концертных антрепренеров перенесла свое ежегодное собрание в столицу, чтобы присутствовать на вашингтонском концерте.

Ненасытное любопытство публики заставило задуматься о способах передвижения. Где бы Вэн ни показался, его бросающаяся в глаза внешность (Розали Бернер называет его «мой друг с Марса») собирала толпы народа. Посадить его в поезд было равносильно убийству, и на это можно было пойти только при отсутствии других возможностей. Однако на этот раз они были. Были арендованы два «кадиллака» с кондиционирующей установкой, и через два дня после парада клайберновский караван тронулся в путь в Филадельфию.

На переднем сиденье первой машины сидели шофер, Ф. С. Шанг и Кондрашин, который любит сидеть там, где хорошо видно. Сзади разместились родители Вэна, музыкальный редактор «Тайм» Ричард Мэрфи и его помощник Розмари Таурис. Плюс горы багажа. В первом ряду второй машины сидели шофер, Элизабет Уинстон — представительница Вэна

для печати и его импресарио Джад. Сзади разместились Вэн и С. Франк, журналист, захвативший с собой дорожный магнитофон. Они работали всю дорогу до Филадельфии — это была единственная возможность получить интервью.

Больше всего времени заняла езда по улицам обоих городов; остальной путь летели стрелой. Было ровно пять часов, когда оба «кадиллака» достигли Бразерли Лоу. Пресс-конференция в гостинице «Отель Варвик» была созвана на 1 час 30 минут. Несмотря на это, когда вторая машина проезжала мимо магазина Говард Джонсон, Вэн потребовал остановиться и пошел купить себе тройную порцию клубничного мороженого.

Очень скоро после этого стало очевидным, что шофер перепутал улицы, и гостиница оказалась на противоположной стороне сквера.

— Пойдемте пешком, — предложил Вэн.

По дороге он заметил церковь.

— Давайте зайдем.

К великой радости Лиз Уинстон, и так кусавшей ногти от нетерпения, двери церкви оказались запертыми. Ну, тогда наискосок к отелю; на минутку остановимся покончить с мороженым; а теперь в вестибюль отеля, по старой мальчишеской привычке — вприпрыжку!

Мать и отец Клайберны прибыли в «Отель Варвик» на полчаса раньше, голодные и усталые, и направились к себе в номер. Но что за встреча ожидала их, едва они переступили порог! Они попали в самую гущу фотографов и операторов с телевизионной аппаратурой; целая группа представителей печати ждала их в полной боевой готовности, некоторые даже стоя, по меньшей мере столько времени, сколько длятся две серии полнометражного фильма. Внизу в вестибюле ожидал Сидней Фильдс, которого немало забавляло, что для получения материала о жителе *Нью-Йорка*, необходимого *нью-йоркской газете* «Дейли Миррор», заказавшей серию статей о Клайберне, ему пришлось совершить путешествие в другой город!

Было решено сначала свести Вэна в уголке ресторана, внизу, с Фильдсом, а остальных пока что отставить. И они ждали. Официантки тоже ждали... подстерегая Вэна — той словечко, этой автограф.

На следующий день Вэн решил, что ему надо купить себе что-нибудь из одежды — по крайней мере плащ и пиджак из твида. Его появление в универмаге Ванамэкер едва не вызвало беспорядков. Люди засуетились вокруг него, как обитатели разворошенного муравейника. «Здесь Вэн Клайберн! — кричал один другому. — Вы знаете?» Один пожилой джентльмен едва не свалился с эскалатора, выкрикивая тоненьким голосом: «Да хранит тебя бог, сынок! Да хранит тебя бог за все, что ты сделал для Америки!»

Попытки пополнить свой тощий гардероб, да и вообще сделать какие-нибудь покупки становились настоящей проблемой. Костюмы Вэна были изношены до дыр. Я видел в «Тайм» описание его костюма в России, сделанное Полем Муром: «Единственная крахмальная рубашка, пластмассовый воротничок, одолженный приятелем, жалкий серый свитер, часто показывающийся из-под его фрака, когда он кланялся». Я всегда надеялся, что здесь есть доля преувеличения, но это оказалось сущей правдой. Мне пришлось в этом убедиться перед вторым выступлением в Нью-Йорке, когда он, смеясь, обратил мое внимание на то, что подметка правого башмака отстает. Когда я спросил его, почему он носит эти ботинки, он ответил мне, что это — единственная пара и у него нет времени купить новые или отослать эти в починку. В этой обуви он едва не свернул себе шею в Карнеги-холл и на завтраке у мэра.

— В Карнеги-холл! — воскликнул я. — Но как могли вы так рисковать на концерте? Как вы пользовались педалью?

— Пустяки, — подмигнул он мне, — я попросту надел резинку поверх башмака. Держалось чудесно!

На следующий день после концерта в Филадельфии, вылившегося в такой триумф, что поклонники

сорвали ручку дверцы одного из «кадиллаков», в котором он покидал здание концертного зала, «цыганский табор», как Вэн стал называть наш поезд, разделился. Первый «кадиллак» отправился обратно с сотрудниками «Тайм». Второй направился в Вашингтон. Шофер и Кондрашин сидели впереди с частью багажа; мать, мисс Уинстон и Вэн разместились сзади. Вэн вдвое сложил свои длинные ноги, чтобы дать место папаше Клайберну и Биллю Джэду, которые примостились на откидных сиденьях. Несмотря на кондиционированный воздух, жара вскоре сделалась нестерпимой; чтобы легче сносить неудобства, пассажиры много смеялись и шутили. В два часа утра они въехали в Вашингтон с судорогами в ногах и волчьим аппетитом в желудках. Ресторан в гостинице оказался закрыт: никакого обслуживания в номере до утра! Вот она, романтическая жизнь странствующих трубадуров! Все отправились спать, но Вэн потащил Лиз Уинстон и шофера на разведку и обнаружил ночной бар, где подавали сосиски и кофе. Здесь к ним подошел тапер из ночного клуба, который стал рассказывать о своей жизни. Вэн жадно слушал. Разговаривая с людьми, Вэн всегда думает, будто в его распоряжении вечность. Теперь он тоже поминутно перебивал и расспрашивал о пропущенных подробностях. Наконец все решили, что хватит, и пошли назад в гостиницу. Предстояло несколько часов сна, а затем посещение Белого дома.

Вэн настоял на том, чтобы ехать к президенту Эйзенхауэру с Кондрашиным и своими родителями. За свою бытность почетным гостем в России он неплохо научился обращаться с главами государств. Гостей приветствовали Шерман Адамс и Джемс Хегерти, они провели их к главе государства, который как раз собирался лететь на вертолете к себе на ферму в Гетисбург. Он сердечно принял гостей, с гордостью показывал им семейные фотографии: еще бы — ведь встретились два техасца!

К сожалению, президент не мог присутствовать вечером на концерте Вэна, равно как и г-жа Эйзен-

Триумфальная встреча в Нью-Йорке

Драгоценный куст белой сирени

хауэр, которая уже покинула город для воскресного отдыха. Не было на концерте и вице-президента Никсона, только что возвратившегося из памятной «поездки доброй воли» по Южной Америке. Президент выразил уверенность, что все концертные выступления Вэна в родной стране пройдут без всяких трудностей, «после того как он с таким успехом прошел столь серьезные испытания».

Представители печати любопытствовали: «Поздравил ли вас президент с победой на конкурсе?» — спрашивали они потом Вэна.

— Мне кажется, да, — ответил он, растягивая слова. — Во всяком случае, он сделал это косвенно.

Из Дома правительства они отправились на завтрак, устроенный в их честь техасской делегацией. На нем присутствовало много старых друзей Клайбернов. Признательность штата своему «лучшему сыну» должна была найти выражение в золотых запонках, сделанных по специальному заказу: на них была воспроизведена первая фраза концерта Чайковского. К полному восторгу Вэна, точно такая же пара запонок была преподнесена Кондрашину.

Конститиушн-холл представлял в этот вечер ослепительно-волшебное зрелище. В зале находились сливки вашингтонского общества. Родители Вэна сидели в ложе советского посла Меньшикова. За кулисами все восхищались гигантской корзиной цветов, присланной Меньшиковым; в письме, приложенном к ней, он выражал свое пожелание успехов артисту и дирижеру.

Ужин после концерта в честь артистов все еще остается одной из самых чудесных европейских традиций. В этот вечер в Советском посольстве был устроен ужин на пятьдесят персон. Вэн и Кондрашин сидели во главе стола рядом с послом и г-жой Меньшиковой. В числе почетных гостей были первые скрипки оркестра. Через каждые несколько минут произносились тосты, возле каждого прибора стояло по пять рюмок для шампанского, коньяка, первоклассных виноградных вин и натуральной водки. Г-жа Меньшикова заметила, что миссис Клайберн

не пьет спиртных напитков, и с милой непосредственностью учила ее, как делать вид, что пьешь, во время тостов. Все было великолепно, всюду царил дух откровенности и доброго соседства. В конце ужина Вэн вдруг подошел к роялю и стал играть одну вещь за другой.

Музыка снова проявила свою магическую способность стирать все грани. Атмосфера становилась все веселее и сердечнее. Элизабет Уинстон подметила новый штрих в воздействии телевидения на язык. Знакомясь с одним русским гостем, она говорила очень медленно и внятно, чтобы он мог лучше понимать:

— Меня зовут Э-ли-за-бет У-и-н-с-т-о-н.

Его лицо тотчас осветила улыбка.

— О, да,— сказал он лукаво,— так же как сигареты.

На следующий день Вэн исчез в направлении Вермонта со свитой техасцев и, возвратившись, присутствовал на ежегодном обеде корреспондентов Белого дома. Здесь, среди многих именитых участников, ему было предоставлено первое место в программе выступлений, поскольку он должен был как можно скорее возвращаться в Манхэттен.

Никто как будто никогда не видел Вэна набрасывающим заметки для своих выступлений, но надо сказать, что он редко теряется, когда приходится ответить или подать реплику.

— Брат Сэм,— позвал он через заставленный столами зал,— есть ли ты там где-нибудь? Поднимись, пожалуйста, со своего места!

И спикер палаты поднялся под гром аплодисментов, вызванных юнцом, который еще не родился, когда его дед служил вместе с мистером Рэйберном в судебном ведомстве Техаса. Скитч Гендерсон как-то заметил: «Вэниэль, несомненно, добился бы успеха где угодно, даже если бы он остался в Техасе и работал в нефтяной промышленности».

В субботу вечером все полетели обратно в Нью-Йорк, даже Билль Джад, который терпеть не может подниматься выше небоскребов. В Нью-Йорке их

встретил Скайлер Чэпин. Никто из них ничего не ел, кроме плохонького дорожного завтрака на борту самолета, так что все ринулись в ресторан Сарди. Уже у входа их заметил Леонард Лайонс. Понемногу вокруг них собрались ночные птицы, словно бабочки, прилетевшие на огонь. Вэн занимал общество в продолжение двух часов.

Когда все вернулись в гостиницу, Вэн был очень возбужден и понимал, что не уснет; поэтому он попросил своих спутников зайти к нему поболтать. Время от времени из своей спальни появлялся папаша Клайберн и, протирая глаза, упрасивал всех:

— Нет, вы должны дать бедному мальчику немного поспать!

Лиз Уинстон и Билль Джад, которых он журил, соглашались с ним от всего сердца, у них у самих глаза слипались, но едва они делали попытку уйти, как Вэн взывал к ним: «Пожалуйста, не уходите, прошу вас. Еще по одной папиросе». Так они проговорили до рассвета.

«За этот ужасный изнурительный период первых дней возвращения Вэна из России,— рассказывала Лиз Уинстон,— я потеряла тринадцать фунтов, Билль Джад — восемь, Кондрашин сделался худым как спичка, а Вэн превратился в жердь». И это несмотря на то, что Вэн располагал целым арсеналом витаминов, был молод и полон той духовной энергии, которая поддерживает трижды благословенных.

Второй концерт, состоявшийся в тот же понедельник вечером, транслировался из Карнеги-холл по сети радиостанции газеты «Нью-Йорк таймс». Мы встретились с Вэном днем перед магнитофоном, для записи непринужденной беседы, которая должна была передаваться в антрактах. В этой беседе мы коснулись самых различных вопросов. Затем я спросил его об основном:

— Как вы думаете обеспечить себе время для размышлений в необходимом уединении и отдаться той работе, которую каждый настоящий артист никогда не прекращает?

— Надо сказать, Абрам,— ответил он медленно,— что до сих пор у меня и вправду было мало времени на то, чтобы сесть и подумать. Своему импресарио я уже несколько раз говорил: «Посмотрим, сколько времени Вэн Клайберн сможет играть, не упражняясь!»

Вэн не ответил прямо на мой вопрос, но его ответ показал, что уже тогда он полностью отдавал себе отчет в том, какие задачи стоят перед ним.

Позднее, вечером того же дня, мы сидели кружком в гостиной его номера. В ушах у нас все еще гремели отголоски оаций; мы опять вернулись к теме утреннего разговора и пришли к заключению, что «первостепенные дела должны быть сделаны сначала». Но что именно нужно было считать первостепенным делом среди стольких равноценных, осталось невыясненным.

Из ресторана непрерывно присылали наверх вина и закуски, и Вэн милостиво расчеркивался на чеках. В три часа ночи гости стали расходиться. Я заметил, что Клайберны были так заняты угощением своих гостей, что вряд ли успели проглотить по сэндвичу и стакану содовой. Поэтому я предложил:

— Вы, очевидно, все голодны; не пойти ли нам закусить в ресторан Рьюбена?

Вэн и его мать с энтузиазмом поддержали эту идею, но папаша Клайберн улыбнулся мне усталой, обреченной улыбкой.

— Идите без меня, я выдохся,— сказал он с неподражаемым техасским акцентом.

Несмотря на поздний час, наша короткая прогулка походила на королевское шествие. Шоферы такси салютовали нам своими сигналами и махали руками. Полицейские хлопали Вэна по плечу, швейцары трясли его за руку и благодарили словами, ставшими традиционными: «За то, что вы сделали там для нас». Когда мы вошли в ресторан, несомненно один из наиболее привыкших к знаменитостям, его шестьдесят слишком ошеломленных нашим появлением клиентов с громкими и радостными выкриками повскакали с мест.

Пересекая зал ресторана, мы прошли мимо стола, за которым пировали три джентльмена несколько сомнительного вида. Один из них нетвердыми шагами подошел к Вэну с протянутой рукой. Вэн тепло ее потряс, и подвыпивший поклонник, не выдержав, растянулся на полу. Вэн с нежностью матери, берущей ребенка из колыбели, помог ему встать и посадил его обратно на место. Бедняга, сгоравший от стыда и раскаяния, стал бормотать поздравления и выражать свой восторг. Вэн пододвинул стул от соседнего столика, обнял пристыженного человека и спросил его: «Искренне ли вы все это говорите? Неужели вы считаете, что я действительно сделал так много?»

Я оглянулся, чтобы посмотреть, заметил ли кто-нибудь эту сцену. Ее видели все. И никогда мне не приходилось видеть на лицах полунощных гуляк в Манхэттене такого выражения умиления и теплоты.

Многим ли людям на этом суровом свете судьба предоставила столько возможностей? Не было сомнения, что Вэн очень просто отнесся к своей новой роли в жизни. Она не только давала ему глубокое удовлетворение, но позволяла извлекать огромное наслаждение из каждого, даже самого невероятного случая. Как-то раз он пошел в магазин Тифани купить серебряный столовый прибор для ребенка Кондрашина; на обратном пути он зашел к Шварцу и купил там еще и огромного русского медведя, стоившего семьдесят пять долларов. Угощая друзей в роскошных ресторанах, он никому не позволял оплачивать грандиозные счета, шумно и просто-душно радуясь тому, что не кто иной, как он, Вэн Клайберн, в мгновение ока и за один кутеж тратит столько, сколько прежде расходовал за целый месяц.

Случалось иногда, что он вдруг замечал обман, в таких случаях он с возмущением возвращал счет для переписки. Однажды, направляясь к нашему общему другу, мы зашли в цветочный магазин, где Вэн выбрал два небольших букета весенних цветов. Продавец, по-видимому, сразу узнал своего клиента и, завернув тоненькие букеты, заявил, что они

стоят десять долларов. «Десять долларов!» — воскликнул с негодованием Вэн и в нерешительности огляделся вокруг, не зная, что предпринять. Я вмешался и посоветовал ему не брать цветов. Вэн стоял, нахмурившись, обдумывая, как поступить, и наконец заявил, что возьмет только один букет. Трудно сказать, кто из двух был более разозлен — Вэн или продавец, которому пришлось распаковать цветы и затем вновь завернуть покупку.

В день памяти погибших в гражданской войне Вэна посетил руководитель телевизионной программы «Человек — человеку» Эд Мэрроу. Мать Вэна получила приглашение принять участие в воскресной телевизионной передаче «Что я думаю делать?»

Накануне днем Вэн в открытой машине поехал в Валхаллу на могилу Рахманинова и посадил там куст сирени, привезенный из России. Сидя за рулем, худой, долговязый пианист торчал из кузова по крайней мере футов на шесть. На всем пути его следования шоссе оглашалось звуками сигналов и радостными криками: «Ура, Вэн!» Взрослые расплывались в улыбке, а дети высовывались из машин, чтобы приветствовать своего нового героя. Он отвечал своей постоянной смущенной улыбкой, поднимая кверху свою руку с пальцами, которые Уинтроп Сарджент называл «пучком спаржи».

В этот день он стал обладателем золотого талисмана, лишь немного уступавшего по своей ценности московской медали (по крайней мере для Вэна), — маленькой царской золотой монеты николаевских времен, которую Рахманинов всегда носил с собой на счастье. Ее подарила Вэну во время приема дочь композитора, княгиня Ирена Волконская.

Вскоре номер Вэна оказался заполненным уймой вещей — они были разбросаны повсюду, грудями лежали на столах и комодах, в ящиках и коробках, — стопами телеграмм и писем. Возвращаясь к себе, Вэн всегда теперь ворчал. Надо было подумать, что делать со всеми сувенирами и подарками из России, многие из которых обладали большой ценностью.

Вэн обратился к Фредерику Стейнвейю с просьбой предоставить ему в здании фирмы помещение для хранения подарков. Стейнвей с готовностью согласился, попросив разрешения предварительно устроить выставку подарков. Вэн охотно его дал. Фредерик Стейнвей и Скайлер Чэпин в течение нескольких дней наблюдали за упаковкой бесчисленного количества ящиков и перевозкой их из гостиницы в выставочные залы фирмы. Почти две с половиной тысячи предметов заполнили стенды. Это была одна из самых интересных выставок города. Посетив выставку, Вэн первым делом вспомнил об Александре Грейнере, который умер, пока он был в России. «Одно из моих самых горьких переживаний — это то, что я после своего возвращения из Москвы уже не застал его в живых».

Клайберновская коллекция будет выставлена еще долго. Ее стоит посмотреть. Это не только ценность — она представляет собой как бы воплощение любви русского народа к американскому юноше.

Вэн не мог держать при себе эти богатства, потому что постоянно переезжал из гостиницы в гостиницу, а его старая квартира на 57-й улице, которой он все еще пользовался, когда надо было спрятаться от всех, теперь оказалась недостаточно просторной. Вэн не раз просил своих друзей найти ему более просторное помещение, но пока поиски не увенчались успехом. Хотя он и был Вэном Клайберном, он был все же пианистом, то есть пугалом всех манхэттенских квартирохозяев. Вэна это мало беспокоило — он почти не сидел дома. Через месяц после своего возвращения из Москвы он снова отправился в Англию и на континент. Лондон, Амстердам, Брюссель, Париж — все заманивали к себе Вэна с его «премированной программой». На этот раз путешествие имело особую прелесть — Вэн увозил с собой в Европу родителей! После долгих лет тяжкого труда и постоянных забот о завтрашнем дне это было для них высшей наградой. В первые дни своей славы Вэн говорил мне: «Слава богу, теперь я могу обеспечить маму настолько, что она,

если только пожелает, сможет оставить работу. Да и папа тоже». Думал он тогда и о необходимости обеспечить свое будущее. Но теперь Вэн метил еще выше: осуществить мечту всех американцев — мечту повидать свет.

Мистер Клайберн, со свойственными ему скромностью и приветливостью, быстро вошел в свою роль. В Англии он разыскал генеалогическое древо семьи и установил, что его фамилия происходит от Клэйборна. Его американским предком был Уильям Клэйборн, который отправился в Вирджинию в качестве топографа в 1621 году, остался там и возглавил две экспедиции против индейцев; позднее он был назначен пожизненным казначеем колонии.

В Амстердаме папаша Клайберн попал в родную стихию и нашел собратьев по обществу «Ротари». Его очень заботило то, что у него сломалась застёжка значка общества и ему никак не удавалось как следует его закрепить. Принц Бернгардт, супруг Нидерландской королевы Джульяны, заметил это, отколол свою собственную эмблему «Ротари» и братски прикрепил ее к лацкану пиджака своего гостя.

Россия не входила в маршрут Вэна ни в этот раз, ни в следующий (через два месяца он снова вернулся в Европу). Впоследствии он объявил, что весной 1959 года совершит турне по Советскому Союзу, но нарыв на пальце в феврале заставил его на время отказаться от всякой работы.

Пророк и слава своей страны

Как мы уже видели, деньги сами по себе никогда не были главным в жизни Вэна. Но испытанные им трудности в домосковский период и безграничные возможности после него заставили его трезво взглянуть в лицо окружающим обстоятельствам — обстоятельствам материального мира, где люди оцениваются по тому, что они из него извлекают, а не по тому, что они ему дают.

Прошло много времени с тех пор, как Вэн получил свой самый большой гонорар в 1000 долларов. Известия о его победе в России едва еще успели дойти до нас, Вэн все еще был за границей, а его поконцертный гонорар уже подскочил до двух с половиной тысяч долларов. Исключение составляли лишь немногие контракты, заключенные до отъезда. Но никогда не забывая тех, кто его раньше поддерживал, Вэн с радостью выполнял свои обязательства.

В августовском номере чикагского журнала «Мюзикал лидер» можно было прочесть следующие строки: «Поздравляем импресарио Уолтера Ларсена с его проницательностью». То была действительно проницательность! На первом из двух концертов в Гранд-парке под открытым небом «сидела в благоговейном молчании» толпа в семьдесят тысяч

человек. То же самое произошло и на втором. Уолтер Ларсен заплатил Вэну за оба выступления восемьсот долларов. Вход был свободный. Вэн не только не подумал пожаловаться, но даже сказал, что воздух был «точно заряжен электричеством» и его контакт здесь с публикой напомнил ему его выступления в России больше, чем все другие концерты, данные после возвращения. Огромная аудитория из всех сил старалась оказать ему наилучший прием. Несколько сот полисменов оберегали его от толпы, едва не задавившей своего кумира.

В вестибюле гостиницы его ждали подростки, не утратившие своего пыла, несмотря на то, что им пришлось немалое время ждать. Вэну сообщили перед его отъездом из города, что Чикагский клуб болельщиков Элвиса Пресли * решил переименоваться в «Клуб болельщиков Вэна Клайберна». Получить такой подарок от американской молодежи значило не меньше, чем вторично выиграть золотую медаль Чайковского.

Огромный наплыв зрителей вызвало объявление концерта в Голливуде; двадцать тысяч мест на оба концерта были разобраны заранее. На этот раз вход не был бесплатным, как в Гранд-парке. Вэн, вообще склонный к сомнениям, уже почти уверился в своей неслыханной притягательной силе. Раз кто-то собирался крупно на нем заработать, он считал справедливым получить свою часть. На этот раз он захотел получить за два вечера восемнадцать тысяч долларов и получил их. Начиная с этих пор, гонорары стали устанавливаться все реже и реже — теперь практиковались процентные отчисления от сборов.

О своих переживаниях на вершине славы Вэн продолжал рассказывать с юношеской искренностью. Он трепетал от радости, ужиная с Дени Кэй, знакомясь с Джеком Бенни, упражняясь в доме по-

* Элвис Пресли — американский эстрадный певец, «король» рок-н-ролла. — *Прим. ред.*

койного Сессилия де Миль; теперь он покровительствовал кинозвездам, которые до сих пор всегда покровительствовали ему. Но он никогда не говорил с ними о своем необычайном успехе на концертах.

Из-за дождей и перемен в программе Льюисон Стэйдимум нес убытки, превышавшие обычный дефицит. Тогда-то и появился на выручку «человек с Марса» на своем боевом коне. Было решено объявить концерт Вэна Клайберна внесезонным. Едва только были расклеены афиши, как весь стадион был продан, да еще как! Столики на восемь человек превратились в столики на двенадцать. Обычная входная плата от 30 центов до трех долларов поднялась соответственно от одного до пяти долларов. Гонорар Вэна был удвоен и достиг пяти тысяч, но Мини Гугенхаймер — владелица стадиона была довольна: «Это звучит музыкой в моих ушах». Концерт должен был состояться на следующий день.

Мы с женой пошли на репетицию. Во время антракта мы встретили за кулисами преданного «Бенни» — Бернарда Мульрайяна, который более тридцати лет был другом всех артистов Карнеги-холл и стадиона в их самые мрачные дни. Он хлопотал вокруг Вэна.

— Тепло ли вы одеты? Не простудитесь, — предупреждал он его, — есть ли у вас запасная сорочка? Помните, прошлый раз вы были весь мокрый. После концерта нам предстоит поехать ужинать.

Во время разговора Вэн вдруг обратился ко мне:

— Друг мой, на прошлой неделе я наконец сделал то, о чем мечтал всю жизнь.

— Но что же, Вэн?

— Я арендовал роскошный «линкольн-континенталь», белоснежный с нежно-голубым верхом. Всю неделю я катался на нем с опущенным верхом. Но это стоило девяносто долларов! Как ты думаешь, плохо я поступил, что потратил столько денег?

Все мы рассмеялись.

— Право, это — первое, что я себе позволил. Теперь, когда мечта осуществилась, она не будет меня больше искушать. Но что это было за наслаждение!

Так говорил молодой человек, который, ни минуты не колеблясь, отказывался от предложений выступить в кино или по телевидению, хотя эти выступления сулили ему по крайней мере полмиллиона долларов. Он последовательно отказывался использовать свой успех иначе, чем самым достойным и узаконенным образом. Однако он признался с несколько лукавой улыбкой, что «старое влечение к сцене вспыхнуло во мне, и я несколько колебался, прежде чем отказался от возможности сниматься в фильме. Теперь с этим покончено, но, чтобы укрепить силу воли, полезно иногда жертвовать второстепенным, для того чтобы взять на себя первостепенную ответственность».

До настоящего времени Вэн наиграл всего одну пластинку — Концерт Чайковского. По сообщению одной из газет, «тираж пластинки техасского пианиста достигнет к концу года одного миллиона... это — первый случай, когда тираж индивидуальной пластинки музыканта достигает миллиона». Все это очень лестно для Вэна, но, по его мнению, не может служить основанием для выпуска пластинок, не удовлетворяющих его требованиям.

Как-то, когда золото уже текло к нему отовсюду, я спросил Вэна:

— Кто ты теперь — богач, бедняк или индейский вождь?

— Абрам, — ответил он мне, — у меня на текущем счету сто долларов.

Он имел в виду свой личный счет. С тех пор как Вэн стал «крупным бизнесом», вокруг него образовалась целая свита из адвокатов, финансистов, личных представителей, коммерческих агентов, которые быстро показали ему, «что почем».

— Мои советчики говорят мне, что множество народу зарабатывает на мне, — сказал он, покачивая головой.

Однако он знал лишь половину того, что происходило на самом деле. Даже девочка соседей, живущих рядом с Клайбернами в Килгоре, постаралась не отстать от всех. Ей нужно было раздо-

быть немного денег для своего отряда, и однажды мать увидела, как она пускает соседних ребят посидеть на «ограде Вэна Клайберна», разделяющей их дворы. Восемилетний антрепренер взимал за это плату в размере 25 центов.

А тем временем бедный маленький богач едва имел время потратить на себя 25 центов. Он приобрел чудесный шератонновский письменный стол и богато отделанное кресло «бержер» для своей уютной квартиры. Но приличного гардероба у него все еще не было. Однажды он пришел к нам на обед с некоторым опозданием.

— Я бегал по городу, — извинился он, — и пытался найти какой-нибудь обувной магазин открытым. Ведь у меня до сих пор всего одна пара ботинок — те, которые я купил вместо разорванных. Правда, подошва еще не отстала, но мне хотелось бы, пока есть время, купить себе еще.

Несколько дней спустя он одевался в своей квартире к парадному завтраку.

Увидев, как он потянулся за черным галстуком, более всего походившим на шнурок от ботинок, я рискнул вмешаться:

— Вэн, — попросил я как можно деликатнее, — разреши мне подыскать для тебя другой галстук.

— Но это мой старый друг, Абрам, — запротестовал он. — Я люблю его.

И я почувствовал себя так, словно покушался на семейную реликвию.

В Нью-Йорке было страшно жарко, и Констанция сговорилась с тремя друзьями, у которых были бассейны, о нескольких скромных пикниках, чтобы поплавать, пригласив также и Вэна. Он охотно согласился, но на следующее утро после концерта на стадионе вихрем ворвался в контору Элизабет Уинстон.

— Срочно лечу в Вашингтон, — сообщил он ей, — сейчас же отправляюсь в аэропорт.

Ему предстояло в скором времени ехать в Брюссель на Международную выставку, чтобы играть в Советском павильоне. И, хотя это было уже

решено, он хотел поговорить о своей поездке в Государственном департаменте.

Через несколько дней он вернулся из Вашингтона, и я заметил перемену в его настроении: он уже не был так беспечен; казалось, он утратил частичку своего безоблачного доверия к людям. Свой визит он окутал тайной. Выводы мне пришлось сделать самому, когда я прочел в газете сообщение, составленное в обычных сухих дипломатических выражениях:

«Вашингтон, 9 авг. Вэн Клайберн получил разрешение Государственного департамента на выступления в конце будущей недели с русским симфоническим оркестром в Брюсселе и Остенде в Бельгии.

Официальные лица здесь сказали, что не в их компетенции судить, выступать артисту или нет... Они только указали, что Соединенные Штаты не возражают против того, чтобы он выступал в платных концертах».

Я подозреваю, что Вэн ездил в Вашингтон за каким-то видом официального благословения; он хотел услышать напутственное слово, а вместо этого встретил холодное, лаконичное «не возражают». Очевидно, наши официальные лица очень медленно постигают, насколько велики популярность наших артистов за границей и их ценность, хотя, казалось бы, примеров тому достаточно: вспомним хотя бы о совсем недавних событиях, когда Леонард Бернстайн и Дмитрий Митропулос были с энтузиазмом встречены в городах Латинской Америки, где они совершали турне по следам печальной памяти поездки Никсона.

Но Вэн и без официального благословения выполнил свои русско-бельгийские обязательства; а затем без помпы и фанфар дал концерт для наших солдат в Гейдельберге. Армия переправила его обратно в Вашингтон по воздуху, флот доставил в Нью-Йорк, такси привезло его домой к тысячам

новых писем, длинному списку приглашений и ожидающему его «Стейнвею».

По дороге домой Вэн серьезно обдумал одну идею. Однажды он сказал мне, что лучше всего может размышлять о своем будущем, когда находится в поезде или самолете. Теперь он задумал совершить дело, направленное на общественное благо, и еще до конца месяца приступил к осуществлению своих планов.

На пресс-конференции в зале Стейнвей-холл он объявил, что передает чек в 1250 долларов Бюро по вопросам торговли и общественных мероприятий Нью-Йорка для использования их по его усмотрению на культурные нужды города. Как объяснил Вэн, этот дар, составлявший половину того денежного вознаграждения, которое ему удалось вывезти из России, был сначала предложен отделению «В помощь музыкальным программам» Фонда Рокфеллера в знак признательности за ту тысячу долларов, которую Фонд предоставил для его поездки. Однако г-жа Рокфеллер с благодарностью отклонила дар. Поэтому он с тем же чувством глубокой признательности передает деньги городу. Дар был с благодарностью принят от имени мэра Вагнера Робертом Даулингом и уполномоченным Ротблатом.

Второе заявление касалось его решения допустить подростков бесплатно на свои репетиции. В Ленинграде он потребовал, чтобы студенты были допущены на его подготовительные выступления с оркестром. В Нью-Йорке он пригласил группу студентов, которым не удалось ни разу присутствовать на его концертах, на свои сеансы записи Концерта Чайковского. Вэну очень нравилось, когда его окружала молодежь. Он не раз повторял: «В конце концов все они мои сверстники, разница в нескольких годах». И этому подчас трудно поверить: в некоторых отношениях Вэн настолько «зрелый человек», что легко забываешь, как он молод.

Вэн давно мечтал добиться разрешения для подростков присутствовать на его репетициях. Теперь это решение вызвало мгновенную реакцию: фельето-

нист «Миннеаполис стар» Седрик Адамс получил письмо от ученицы Лолиты Эль; это было незадолго до предстоящего концерта Вэна в городах-близнецках. Она писала: «Не считаете ли вы возможным организовать концерт (вероятно, утренний) для молодежи нашего Среднего Запада, с тем чтобы цены были по средствам подростков?.. В ее адрес слышится немало обвинений за увлечение рок-н-роллом, концерт мог бы послужить демонстрацией ее культурных запросов. Я совершенно уверена, что Вэн Клайберн, поскольку это зависит от него, охотно пойдет навстречу нашей просьбе».

Мистер Адамс позаботился о том, чтобы просьба была выполнена. Первый концерт для молодежи был организован 29 сентября в Нью-Хэвене, когда Вэн исполнил Концерт Шумана и Третий концерт Рахманинова с оркестром под управлением Фрэнка Брифа. Зал был набит до отказа зрителями, заплатившими за билеты по 50 центов, и все же для сотен подростков, желавших попасть на концерт, не хватило мест. Письмо Вэну от двух болельщиков говорит само за себя:

«Дорогой мистер Клайберн,

Моя подруга и я хотим вас поблагодарить за ваше внимание к нам.

Мы с ней были как раз среди тех двух тысяч подростков, которые заполнили Улсей-холл, чтобы видеть вас и слышать вашу игру. Прежние цены были для нас недоступны, и до сих пор мы были лишены возможности вас увидеть, чего нам очень хотелось.

Я не знаю, известно вам или нет, но ваше начинание имело такой огромный успех, что его решили узаконить навсегда... Снова благодарим вас, мистер Клайберн, от глубины души.

Ваши преданные болельщики и пр.»

Второй концерт в Скарсделе, в Нью-Йорке, собрал, несмотря на осенний дождь со снегом, тысячу

восемьсот подростков и семерых удивленных полисменов, назначенных следить за порядком.

— Если бы речь шла об Элвисе, — сказал один из них репортеру, — я бы еще понял. Но чтобы эта публика тихо сидела и слушала, как играет Вэн Клайберн, — это для меня открытие.

Начинание распространилось по всей стране. Юнцы, знавшие только песенку «Tonight we love» и никогда не слышавшие о Чайковском, сидели и с уважением слушали, познавали... и оценили! Некоторые хитрецы хвастливо демонстрировали печатные партитуры. Условия допуска на концерты устанавливались в соответствии с возможностями отдельных оркестров и школьных советов, но Вэн всегда требовал, чтобы билеты были если уж не бесплатными, то по крайней мере возможно более дешевыми.

Все это, конечно, заставляло Вэна работать еще напряженнее. Публичные репетиции — это почти концерты. А тут еще охотники за автографами...

Самый трудный день и самый большой концертный заработок выпали на долю Вэна в Аустине, куда он был приглашен на утренний концерт, являющийся гвоздем программы фестиваля изящных искусств Техасского университета. Однако запись на билеты настолько превзошла ожидания, что число выступлений пришлось увеличить. Вэн въехал в город в воскресное утро 23 ноября, промчавшись через Арканзас и сделав короткую остановку в Килгоре. После часового отдыха он устроил репетицию в гимнастическом зале, переполненном школьниками и студентами университета, заплатившими по полдоллара за вход; после обеда сыграл один программный концерт перед аудиторией в семь тысяч человек, а в пять часов — другой, для четырех тысяч слушателей. Все отчеты говорят, что он играл превосходно. За этот один фестивальный день он получил десять тысяч пятьсот долларов. Неплохой заработок даже для рабочего дня, длящегося от зари до зари!

Но за две недели до этого дня, в Вако (Техас), он, не успев получить деньги, тут же их раздал. Бейлорский университет пригласил Вэна на конференцию, посвященную лучшим людям Америки; его выступление должно было завершить сессию. Было также предложено присудить ему почетную степень. Об этом он говорил нам заранее.

— Что вы об этом думаете? — восклицал он, когда мы как-то ехали с ним вечером в такси. — Бейлорский университет хочет дать мне докторскую степень! Представляете себе? И все же это не так странно, как кажется. Ведь степень присуждается за гуманитарные науки, а не музыкальные достижения, и это делается не из-за меня. Знаете ли вы, что мой прадед был основателем Бейлорского университета и его первым президентом?

Тогда же он рассказал мне, что считает большой для себя честью получить это отличие, но скрыл от меня, что собирался сделать. Мы узнали об этом из газет.

После концерта доктор Уайт, президент университета, объявил, что Вэн Клайберн пожелал сделать университету несколько пожертвований: в память своего прадеда Соломона Грин О'Брайена — тысячу долларов богословскому факультету; в память своего деда Уильяма Кэри О'Брайена — тысячу юридической школе; в память бабушки Сирильды Мак Клейн О'Брайен — тысячу драматическому факультету; в честь здравствующей матери Рильдии О'Брайен Клайберн — тысячу долларов музыкальной школе.

Чудесный сюрприз! Близкие Вэна знали, что он собирался возратить Бейлору те четыре тысячи долларов, которые он получил, когда выступал солистом в сопровождении симфонического оркестра Бейлорского университета под управлением декана Данила Стернберга. Однако самое удивительное было впереди; доктор Уайт дополнительно объявил, что, кроме всего, Вэн и его отец жертвуют совместно десять тысяч долларов в фонд университетского оркестра. Четырнадцать тысяч долларов, пре-

поднесенных одним махом, и любезно отклоненный четырехтысячный гонорар!

Еще день работы — и еще один вид пожертвования. И, кроме того, огромная польза от участия в бенефисных концертах, сбор от которых поступает в пенсионный фонд оркестров. Погоня за билетами по самым высоким ценам, когда-либо назначавшимся за такие концерты, доказала способность Клайберна оказывать своим собратьям музыкантам более существенную помощь, чем кто-либо другой. В Бостоне потребность в билетах настолько превысила вместимость Симфони-холл, что в первый раз за всю почтенную историю этого оркестра был назначен повторный концерт, билеты на который были распроданы меньше чем за сутки. А за четыре месяца до этого на такой же концерт в пользу оркестра Нью-Йоркской филармонии билетов нельзя было достать ни за какую цену. В Филадельфии, где на концерт была приглашена в качестве «со-звезды» Вэна Мария Менегини Калас, стоимость билета доходила до двухсот долларов, а кассовый сбор на праздновании сто второй годовщины Музыкальной академии составил около двухсот тысяч долларов.

Приятно сознавать, что пророк, который приносит столько пользы другим, не забыт своей страной и окружен всеобщим вниманием.

Лев в клетке

Если на свет начинают вытаскивать старые, заплесневелые истории и, подновив их, пристегивают к имени нового героя, значит, оно начало обрывать легендой. Самая распространенная сказка из «клайберновской» серии (вы услышите ее на каждом перекрестке — она облетела всю страну со сверхъестественной быстротой) — это история о техасце, который вскочил в собственный самолет и примчался в Нью-Йорк, чтобы попасть в Карнеги-холл на первое выступление вернувшегося из Москвы Клайберна. Новичок в Нью-Йорке, он приземлился на аэродроме «Ла Гардиа эйрпорт» и поспешил обратиться к первой попавшейся ему на глаза даме. «Мэм, — обратился он к ней, приподняв шляпу с объемистой тульей, — не могли бы вы сказать, как мне попасть в Карнеги-холл?» Леди холодно смерила его взглядом и ответила: «О, да. Вы должны упражняться, упражняться и еще раз упражняться».

Другой верный признак рождения легенды — это остроты и шутки, которые телевидение начинает отпускать по адресу нашего героя, пока еще не называя его имени. Много смеялись, например, шутке Виктора Борджа: «Композитор Чайковский родился в 1840 году и прозябал в неизвестности, пока в 1958 году его не открыл музыкант из Техаса». Затем имя этого человека становится объектом газетных кроссвордов, и, наконец, последнее: по-

является на свет грязный пасквиль; его получают по почте тысячи музыкантов, и в нем намекают, что конкурс в Москве был жульническим.

Шутки и выпады, попрошайничество, интриги — все эти неизбежные спутники знаменитостей Вэн воспринимает совершенно спокойно. Что бы он ни делал и куда бы он ни направлялся, его осаждают со всех сторон.

Его дни — калейдоскоп событий. Рябит в глазах от непрерывного чередования упражнений, репетиций, концертных выступлений, интервью для печати, деловых совещаний, встреч с товарищами по профессии и светских приемов, раздач автографов на фотографиях, программах, альбомах с пластинками — на чем угодно. Обедать и ужинать приходится когда придется, спать — по возможности, но порой ее нет. Иногда Вэн упражняется до пяти или семи часов утра и в тот же день с присущим ему вдохновением выступает на концерте, причем к каждой программе обычно добавляется концерт из произведений, сыгранных на бис. Как-то он мимоходом сказал мне: «Знаете, мне уже два месяца не удастся поспать две ночи кряду». Никому другому я бы не поверил, но тут я не усомнился ни на минуту: я не встречал никого, кто был бы способен вынести нагрузку, какую Клайберн добровольно взвалил на себя сам или на него взвалили другие. По этому поводу Иосиф Гофман сказал однажды: «Пока ты никому не известен, общество способно уморить тебя голодом. Как только ты прославишься, оно готово заездить тебя до смерти».

Пытаться встретиться с Вэном или дозвониться до него по телефону — дело почти безнадежное. Бывает, что Вэн на несколько дней подряд и даже на неделю скрывается от своих импресарио и представителей печати, и тогда они в отчаянии обзванивают его друзей, пытаясь напасть на его след. Вэн выключил свой телефон. Письма для него можно оставить у портье, но и самые неотложные из них доходят до адресата не сразу, а то и не доходят вообще — их слишком много.

Ворчали и обижались все — друзья, коллеги, газетные репортеры, неспособные понять стоящей перед Вэном неразрешимой дилеммы. Одна из газет жаловалась:

«Музыкальный Нью-Йорк говорит о перемене, происшедшей с молодым человеком с тех пор, как слава вскружила ему голову. Он обзавелся личным представителем и всеми прочими атрибутами знаменитостей, перестал отвечать на телефонные звонки и отдавать визиты тем, кто был верен ему еще задолго до его успеха в Москве».

Дело тут не в верности или неверности. Даже родители этого любящего сына начали вскоре жаловаться на то, что редко получают от него письма. Здесь пришел на помощь Фредерик Стейнвей. Он заказал в писчебумажном магазине почтовый набор с надписью «Самообслуживающий почтовый набор Вэна Клайберна». В коробке были почтовые открытки, штемпельная подушка и два резиновых штампа: один с килгорским адресом его родителей, другой — со следующим посланием:

«Дорогие мамочка и папочка! Все в порядке. Очень люблю вас.

Вэн».

Разумеется, это — забавный способ выйти из положения. Что касается остальных проблем, то, пока Вэн держится на вершине славы, они останутся нерешенными. Как-то днем Вэн вышел на улицу пройтись и подышать воздухом. Его прогулка превратилась в многолюдный прием. Его обступила толпа поклонников и собирателей автографов; хозяева магазинов и покупатели стремительно выбегали на улицу, чтобы пожать ему руку. «Вот он, наш паренек!» — завопил водитель проезжавшего мимо автобуса и так резко остановил машину, что раздался визг тормозов; пассажиры едва не попадали друг на друга; впрочем, это не помешало им

воспользоваться случаем и бурно приветствовать всеобщего кумира.

Желая хоть на миг укрыться, Вэн свернул в переулок. Через несколько кварталов ему удалось отделаться от большинства своих преследователей, и он зашел в маленький, захолустный ресторанчик. Здесь он неожиданно очутился в толпе гостей, пирующих на свадьбе. Дальнейшие события стали разворачиваться, как в фильме с участием братьев Маркс: заметив Вэна, раввин бросил изумленных новобрачных у алтаря, ринулся с восторженными возгласами к неожиданному гостю и стал подсовывать ему брачный контракт, побуждая его подписаться в качестве свидетеля.

Вэн был очарован и очаровал всех. По-видимому, он обладает исключительной способностью легко и непринужденно отдавать людям всего себя целиком. Как-то раз мы обедали вместе с ним в ресторане «Форум Двенадцати Цезарей». К нашему столику подошел мужчина и рассказал Вэну, что сам он из Вирджинии, что его дочка обладает музыкальными способностями, но ненавидит упражнения. Не подпишет ли Вэн свое имя на меню, его автограф, несомненно, вдохновит девочку. Резко сдвинув брови, Вэн начал писать и в конце концов исписал сплошь все роскошные страницы меню. Прежде чем он передал написанное отцу ребенка, я попросил разрешения взглянуть на это послание. Вместо банальных фраз и пожеланий Вэн раскрыл перед ребенком свое сердце, рассказал девочке, как упорно он упражнялся, как много значит для него музыка теперь и как много она будет значить для девочки впоследствии. Он умолял ее серьезно отнестись к таланту, которым ее наградил бог, и добавил, что надеется услышать, как она играет, когда будет в их городе. Мы просидели в ресторане несколько часов и, когда вышли, увидели отца девочки: он стоял на углу и провожал Вэна глазами.

Это — еще один пример отзывчивости Вэна. Он не только получает, но и отдает, не только слушает, но и говорит. Люди, которые обычно рассчи-

тывают остаться зрителями на кипучем жизненном пути Вэна, бывают просто ошеломлены, когда вдруг обнаруживают, насколько их увлекла за собой и расположила к этому человеку его как бы обволакивающая теплота.

Притягательная сила Клайберна имеет глубокие корни и, хотя и косвенно, связана многими нитями с происходящими вокруг него серьезными событиями. В наше время самым насущным, требующим немедленного разрешения вопросом является вопрос о мирном разрешении проблем на нашей быстро развивающейся и находящейся под угрозой планете. Если мы этого не добьемся, никто из нас не сможет жить в безопасности и мире, если, разумеется, мы вообще выживем.

Люди видят, как повсюду по-прежнему проводится политика силы, теперь к тому же поддерживаемая силой ядерного оружия, и они хотят положить конец этой глупой, бессмысленной игре. Их страшит разлад в человеческих взаимоотношениях, вызванный ядерной дипломатией. Люди отчаянно стремятся к встречам, хотят понять друг друга, высказать свои надежды и интересы, избавиться от опасений и уверить друг друга в подлинности своих дружеских чувств.

Сейчас артист — самый красноречивый выразитель чаяний этих людей. Русские артисты встретили в Америке самый восторженный и искренний прием. В России и дружественных ей странах горячо приветствовали американских артистов — в этом неоспоримое доказательство дани, отдаваемой художественному мастерству. В то же время взволнованность и полнота проявленных чувств выражали глубокую надежду людей на согласие между народами. Русские своим откликом на выступления американских артистов говорят то, что и мы в свою очередь говорили им: «Давайте будем друзьями. Пусть наша общая любовь к искусству поможет нам понять друг друга и жить вместе».

Эти проявления чувств достигли своего апогея в триумфе Вэна Клайберна. Было очевидно, что

в России и Америке, в Бельгии и Голландии, во Франции и Англии люди не только воздавали должное пианисту, но хотели передать Вэну нечто такое, что он смог бы в свою очередь передать тем, кто готов его выслушать, кто пользуется влиянием в этом непостоянном мире. Все это помогло созданию легенды о Вэне Клайберне.

Повсюду Клайберн привлекает к себе внимание людей, самых разных по возрасту и положению. Художники хотят писать его портрет, скульпторы — лепить его бюст. Однажды мне позвонила женщина-скульптор, видевшая Вэна накануне в ресторане. Огромные, изумительные руки Вэна просто ошеломили ее: нельзя ли устроить, чтобы он позировал ей?.. «О,— важно ответил я,— нет ничего проще. Пустяки. Вам стоит лишь разыскать и уговорить его, и все будет в порядке».

Он будет с ней куда любезнее меня, если только ей удастся когда-либо до него добраться, в этом я не сомневаюсь. С кем бы Вэн лично ни встретился, он всегда внимателен, готов дать совет, похвалить, выразить участие — и все это с обворожительным дружелюбием. Одну девушку, всего только перекинувшуюся с ним несколькими словами, он буквально вдохновил. «Вэн удвоил мои силы!» — восклицала она. И хотя все это многого стоит Вэну, нельзя сказать, что он зря растрчивает свою энергию, так как, воодушевляя других, он сам тоже удваивает свои силы.

Люди, заслужившие известность, президенты колледжей и правительственные чиновники — все прислушиваются к нему с исключительным вниманием и ловят каждое слово этого человека, который, по-видимому, обладает секретом внушения людям веры и любви. Вэн по складу своего характера более дорожит тем, чтобы его любили как человека, чем восхищались как музыкантом; способность любить открывает перед ним прямой путь не только к богу и искусству, но и к человеческому сердцу.

Свою силу и любовь он выносит на эстраду и щедро их раздает. Особенно ясно я увидел это во

время его четырех октябрьских выступлений с Нью-Йоркским филармоническим оркестром. Рассказ об этом покажет читателю облик Вэна на фоне его кипучей концертной жизни.

Публика, посещающая дневные концерты Филармонии по пятницам, составляет наиболее сдержанную и замкнутую концертную аудиторию. Дамы — а они составляют большую ее часть — обычно выражают свое одобрение, вежливо похлопывая кончиками пальцев, однако чаще всего они просто держат руки на коленях. Большинство из них покидает зал до окончания последнего номера программы, чтобы избежать суеты у вешалок. Любой исполнитель и дирижер с негодованием ждет этого момента, но прекрасно знает, что даже самое лучшее исполнение не в силах задержать публику; на местах остаются лишь немногие истинные любители музыки.

Вэну предстояло выступить после антракта. Я знал, что накануне ему устроили неслыханную овацию, но это не давало никакой гарантии, что на «пятнице» его примут иначе, чем других; я отправился посмотреть. Что-то будет?! Но, присутствуя в зале, я отказывался верить своим глазам и ушам. Никто не покинул зала до самого конца. Едва смолк последний аккорд, все как один повскакали с мест и стали кричать и хлопать, приветствуя Вэна, Леонарда Бернстайна и оркестр, с которыми Клайберн непременно хотел разделить свой триумф. После того как артистов заставили выйти на сцену восемь раз, зрители, вытирая влажные глаза и, несомненно, потрясенные, с неохотой покинули зал. Я слышал, как одна женщина сказала сдавленным голосом: «Я не могу этого объяснить, но это было нечто неизмеримо большее, чем обычные чувства, вызываемые музыкой».

За кулисами выстроилась, змеясь по коридору, очередь, которую регулировал Бенни — верный страж всех знаменитостей. Более часа Вэн подписывал программы, грампластинки, фотографии, спичечные коробки, кусочки бумаги — все, на

чем можно было написать имя. И, как обычно, находил слово или несколько слов для каждого. Одна женщина сказала: «Мистер Клайберн, я приехала из штата Юта, проделав 2500 миль, чтобы услышать и увидеть вас. У меня два сына, и оба учатся игре на фортепьяно. Это они заставили меня поехать, чтобы я могла рассказать им про вас». Вэн растерянно оглянулся, но тут же спросил: «Как их зовут?» Взяв у кого-то лист бумаги, он сел и начал писать им длинное письмо, в то время как многие десятки людей терпеливо ожидали своей очереди.

В субботу вечером после концерта за кулисами собралась такая же толпа. Затем Вэн отправился в ресторан «Рейнбоу Рум» на бал, устроенный Давидом Рокфеллером. Вэн ел, потягивал содовую и танцевал до часу ночи, а затем уехал. На завтра он должен был опять дать концерт, и все думали, что он отправился прямо в постель.

Ничего подобного! С Кондрашиным, несколькими друзьями и миссис Левентритт он отправился к себе. Войдя в дом, он тут же подошел к одному из двух роялей, стоявших в гостиной, и сыграл Третий концерт Прокофьева; Кондрашин размахивал руками, дирижируя воображаемым оркестром. После этого они сыграли Второй концерт Брамса для двух фортепьяно. Разошлись после трех часов ночи.

На следующее утро, к 11 часам, Вэн уже был в церкви Риверсайд Черч, чтобы послушать «Гимн» собственного сочинения на слова 123-го псалма. После службы Вэна окружила толпа, следовавшая с ним из церкви на улицу; прохожие старались протиснуться к Вэну, чтобы пожать ему руку.

Вэну едва хватило времени, чтобы наспех поесть и переодеться, прежде чем появиться на эстраде Карнеги-холл в дневном концерте. А в пять часов того же дня был назначен прием в честь Вэна Клайберна. Бенни забаррикадировал двери, ведущие на сцену, и пианисту удалось сразу же после концерта улизнуть и поспеть к приему. Он был утомлен и бледен. Было совершенно очевидно, что он израсходовал всю свою энергию, но опередивший

его на несколько минут Леонард Бернстайн тут же засвидетельствовал, что результат оправдывает все: «Дирижировать с нашим мальчиком — наслаждение. Он делает чудеса, просто чудеса».

Однако едва Вэн почувствовал себя среди близких друзей, увидел столы, уставленные любимыми блюдами, свой излюбленный лимонад, как мгновенно ожил, стал развлекаться и развлекать. А в восемь часов он уже сел в самолет, спеша в другой город навстречу новой буре аплодисментов.

С вами он или нет — вы не можете от него спастись. Однажды после приема мы отправились в ресторан в центре города. Не успели мы усесться, как метрдотель рассказал мне, что с того времени, как Вэн пообедал однажды в этом ресторане (несколько месяцев назад), у них расширилась клиентура. Каждый день в ресторан заходят девочки-подростки и спрашивают: «За каким столиком сидел Вэн Клайберна?» Если столик занят, они терпеливо ждут, пока он освободится, даже если вокруг сколько угодно свободных мест. Бывают заказы по телефону: «Оставьте за мной столик Вэна Клайберна».

Нет магазина грампластинок, где бы мне не сообщили в сотый раз, что ни одна запись классической музыки не имела такого спроса среди подростков, юношей и девушек, какой имеет пластинка с записью Концерта Чайковского в исполнении Вэна Клайберна. Одни наши друзья недавно узнали, почему их дети так подолгу занимают телефон: оказывается, они проигрывают друг другу пластинку Вэна.

Но его преданную свиту составляет не одна молодежь, и его популярность не ограничивается Соединенными Штатами. Спустя несколько месяцев после возвращения Вэна из Брюсселя Уильям Шуман совершил турне по Бельгии, Франции и Голландии. Витрины всех магазинов грампластинок были уставлены пластинками Вэна, а между ними стояли его фотографии. Это не были обычные фотографии, которые для рекламы рассылает фирма

грампластинок; на этих снимках Вэн снят с хозяином магазина или в обнимку с кем-нибудь из членов его семьи.

Шуман рассказал это на обеде, устроенном клубом «Лотос клуб» в честь Вэна. Директор Джуль-ярдской школы произнес остроумную речь, в которой хвалил Вэна, говоря, что он один преодолел «спад» 1958 года. Триумф Клайберна и его парадное шествие увеличили тираж газет, в пустовавших прежде залах вновь зажглись огни, капельдинеры вновь получили работу, такси не успевали обслуживать публику, разъезжавшую по концертам, рестораны были переполнены и до и после его концертов. «Всего лишь сегодня днем, — продолжал он, — я был в Вестчестерском магазине на распродаже. Громкоговоритель объявлял самые ходовые товары: «Первый этаж, боковой отдел, распродажа садовой мебели; первый этаж, отдел по фасаду, три доллара двадцать центов — пластинки Концерта Чайковского в исполнении Вэна Клайберна!» — заключил он, неподражаемо копируя акцент нью-йоркских торговцев.

Мы все захохотали. Клайберн корчился от смеха.

Чарлз и Лайда Девалл, издатели газеты «Килгор ньюс геральд», также присутствовали на обеде, устроенном «Лотос клуб», представляя на нем родителей Клайберна.

— Ну, что вы теперь скажете о «продукции» нашего города? — спросил я, оглядываясь на ряд присутствовавших здесь американских знаменитостей.

— Это — величайшее событие в жизни Техаса, — ответила миссис Девалл. — Мы славились нефтяными скважинами, а теперь — Вэном Клайберном.

Они рассказали мне, что весь штат готовится к 2 декабря — Дню Вэна Клайберна в Техасе; Килгор наводнен проектами и планами его проведения. Они вылепили огромное подобие Вэна, а губернатор Прайс Дейнниел прилетел в город, чтобы задать тон приветственным речам. До этого штат всего один раз провозглашал специальный день в честь живущего техасца — это было по случаю девяностолетия

Джона Нэнс Гарнера. Вэну тоже вручили ключ от города, на этот раз позолоченный, почти такой же длинный, как он сам. А местная Торговая палата преподнесла ему памятную медаль. Мистер Клайберн был очень горд, когда ему поручили приколоть на пиджак своему сыну эмблему «Ротари», и Вэн был избран пожизненным почетным членом этой организации.

Пожалуй, больше всех в городе ликовала Френсис Герц, в течение многих лет возглавлявшая музыкальные комитеты Килгора. «Я всегда была председателем комитета, устраивавшего выступления и концерты Вэна,— заявила она радостно,— но этот концерт был самым великолепным!»

Не менее «великолепным», хотя менее людным и более чопорным, был обед, данный незадолго до этого в честь Вэна и его друзей баптистской церковью Кэльвери Бэптист Черч. Каким-то чудом им удалось предотвратить вторжение толпы в церковь и ограничить список приглашенных двумястами человек. На этот раз Вэн мог вновь побыть среди своих старых друзей, играть для них, говорить с ними. Ему преподнесли библию в прекрасном кожаном переплете, купленную специально для него.

Вэн уже пять месяцев искренне наслаждался всей этой популярностью, признанием, возвеличиванием, когда однажды сказал мне по телефону:

— Знаешь, Абрам, я так благодарен и так взволнован! Но должен признаться, подчас все это начинает меня тяготить.

Я посочувствовал ему, сказав, что видел, как ему тяжело, и понимаю, что шумиха вокруг него, вмешательство и вторжение в его жизнь, несомненно, портят ее и заставляют его страдать душой. Он медленно мне ответил: — Я очень ценю эту... ну, как бы сказать... небольшую удачу судьбы. Но я знаю, насколько судьба обманчива, и поверь, если все это завтра вдруг исчезнет и мне придется вернуться обратно в Техас преподавать музыку и упражняться, скажу тебе честно, Абрам, меня это ничуть не огорчит.

Я не сомневался в его искренности, хотя и понимал, что в тот момент он был крайне переутомлен. И, хотя он не смог полностью отказаться от всех своих утомительных обязательств, он все же отменил несколько выступлений по состоянию здоровья. Вскоре, однако, когда заболела его мать (у нее был сильный приступ лицевой невралгии, потребовавший госпитализации), он, не колеблясь, отменил еще несколько концертов. Когда выяснилось, что матери может потребоваться операция, Вэн бросил все свои дела и поспешил в госпиталь, чтобы быть с нею. Как только наступило облегчение и миссис Клайберн разрешили перевозить, Вэн привез ее на лечение в Нью-Йорк.

Как раз в этот его приезд мы отправились в отдел звукозаписи радиостудии газеты «Нью-Йорк таймс», чтобы послушать записанный на магнитофонную ленту по трансляции из Карнеги-холл Третий концерт Рахманинова в исполнении Вэна. Я надеялся, что он примет эту запись как возможный вариант для изготовления пластинок, так как, по моему мнению, она воспроизводила наиболее удачное из его исполнений этого произведения.

На наше свидание, назначенное на 9 часов, он явился с небольшим бумажным кулком в руках. Извинившись за незначительное опоздание, он пояснил, что возил мать к врачу. В комнате записи он раскрыл кулек и вынул оттуда две сосиски и сосуд с черным кофе. Когда дело касается сосисок, Вэн, по его же собственным словам, способен творить чудеса. После прослушивания он обратился ко мне:

— Знаешь, Абрам, в Бостоне это звучало лучше. С тех пор как я исполнял этот концерт в мае, я так много узнал о нем нового!

В середине нашего разговора вошла миссис Клайберн в сопровождении Ройэла Маркса, личного представителя Вэна. По ней было видно, как она страдает, и это настолько расстроило Вэна, что он вскочил с места и опрокинул сосуд с кофе — музыка так поглотила его, что он и не притронулся к своему «ужину».

Мы усадили мать Клайберна в кресло. Пока играла музыка, она сидела молча, глаза ее были закрыты, а лицо отражало одновременно и физическую боль и душевное наслаждение.

Время от времени, когда какое-нибудь место не нравилось Вэну, он произносил: «О, нет!» И, наоборот, если что-либо ему особенно нравилось, восклицал: «О, чудесно... именно то, что я хотел», — и тут же объяснял полуизвиняющимся тоном Мартину Букспэну, директору отдела музыкальных записей, лично следившему за аппаратурой: «Вы знаете, обычно я не в восторге от собственной игры».

После сеанса я спросил о мистере Клайберне. Вэн ответил:

— Я говорил с ним относительно состояния мамы по телефону прошлой ночью и успокоил его. Отец как раз собирался по служебным делам в Нью-Орлеан. Я просил его побереечь себя. Эту «пластинку» мы постоянно проигрываем друг другу. Знаете: «Делай, как я говорю, но не делай, как я сам делаю».

Была почти полночь. Я отвез мать Клайберна на его квартиру, а сам Вэн отправился вместе с Марксом на свидание с директорами компании RCA Victor по производству грампластинок. Мне так и не удалось узнать, когда кончилось это совещание.

Если говорить о жизненном опыте, то Вэн Клайберн прожил целую жизнь за один год. Этот опыт несколько отрезвил его. Он стал говорить и действовать не как вундеркинд, перед которым открыт весь мир, но с лихорадочной поспешностью человека, у которого времени в обрез. Теперь в его мозгу возникают те же вопросы, что и у нас: «Достигнута вершина; куда же дальше? Куда же дальше двинется Вэн Клайберн?»

Совершенно очевидно, что он уже не сможет играть или зарабатывать много больше, чем сейчас. Он должен развиваться дальше и как музыкант и как человек — задача необычайно трудная в атмосфере окружающей его славы. У него почти не остается времени для работы и размышлений,

На приеме в Белом доме

В студии грамзаписи. Нью-Йорк

а сопутствующая славе лесть гонит прочь самокритику.

Сейчас Клайберн в незавидном положении; ему нужно предоставить полную возможность обдумать свое будущее. Тот, кто противится этому, достоин не меньшего осуждения, чем слепые почитатели, которые не замечают никаких недостатков ни в нем самом, ни в том, что он делает.

«Должно же наступить время,— сказал мне как-то Клайберн,— когда я смогу сделать все, что захочу». Подобная фраза, сказанная музыкантом музыканту, говорит о желании выразить все самое глубокое в искусстве и в жизни. Чтобы достичь этой цели, Вэну придется делать то, что делали другие известные артисты,— периодически уходить со сцены, чтобы иметь время обогатить свой ум и дух, осознать и прочувствовать пережитое. Вместе с тем ему надо (правда, еще не слишком долго) воспользоваться выпавшей ему удачей, с тем чтобы создать себе прочную профессиональную известность и материальную независимость, которая обеспечила бы ему в будущем возможность беспрепятственно совершенствовать свое творчество.

Никогда не следует забывать того, что в день, когда Клайберн отправлялся на конкурс в Москву, он был двадцатитрехлетним пианистом-гением, завоевавшим самые высшие из наших наград, признанным артистом, что он получал почетные ангажементы и награждался восторгами критиков. И все же, если бы он решил вместо поездки в Москву подняться в тот день на эстраду Карнеги-холл, его появление не вызвало бы никакого волнения. И если бы Клайберн не победил, то, вполне возможно, встречал бы подобное отношение и по сей день.

Никто не знает всего этого лучше, чем сам Клайберн; это развило в нем острое чувство ответственности за свои действия и решения, способные либо помочь, либо повредить делу его собратьев — американских музыкантов.

Несмотря на свою молодость, Вэн понимает интересы других и сочувствует им. Когда он говорит:

«Это — дело хорошее», — это совсем не означает, что оно «хорошее» для самого Вэна. Он постоянно выражает надежду: «Может быть, доля моего счастья достанется и моим коллегам?»

Некоторые признаки позволяют думать, что в какой-то степени его надежда сбудется. Рос Пармен-тер, музыкальный редактор газеты «Нью-Йорк таймс», лично осветил в печати последний тур Левентриттовского конкурса музыкантов на струнных инструментах. Он посвятил его подробному описанию обширную статью. В ней рассказано обо всех выступлениях и приведены сведения не только о победителе, Арнольде Штейнгарте из Лос-Анжелоса, но и о всех шести исполнителях, допущенных к финальному туру.

В течение последних шести месяцев пресса уделяет заметно больше внимания успехам наших артистов как в Америке, так и за границей. И крупные, и мелкие фонды смогли убедиться, что разумная помощь отдельному человеку способна принести более значительные результаты, чем дотации целой организации.

В момент, когда пишутся эти строки, спустя восемь месяцев после Московского конкурса, Национальная ассоциация концертных импресарио Соединенных Штатов и Канады предложила на своем ежегодном собрании рассмотреть возможность учреждения одной или нескольких музыкальных премий, которые давали бы молодым артистам право не только на выступление с оркестром, как это практикуется сейчас, но также на турне, состоящее примерно из тридцати сольных концертов по стране.

Уильям Джад и другие известные импресарио отмечают возросший интерес к музыке и особенно ревнивое отношение к исполнителям — уроженцам Америки. Скайлер Чэпин заявил: «В будущем американские артисты будут иметь больше ангажементов, лучшие ангажементы, большие гонорары, их будут больше уважать как артистов. И все это из-за Вэна Клайберна». Немало и других хороших признаков и прогнозов.

Теперь мистер Клайберн может принять благодарность. Он действительно заставил на родине больше уважать своих товарищей артистов, а повсюду — вообще американцев. Но в конце концов все это — лишь счастливый случай, и в будущем нам следовало бы обходиться без случайностей.

В тот же самый день, когда мадам Левина предложила мне подумать, где добыть денег, чтобы послать Вэна за океан, я присутствовал на званом обеде, где сидел рядом с официальным лицом из Белого дома.

«Когда вы сможете найти удобный момент, — шептал я, — подскажите президенту одну мою мысль. Мне кажется, она помогла бы ему внести большой вклад в историю нашей культуры». Брови этого джентльмена выразили интерес. Фактически предложений у меня было несколько. Они и сейчас у меня есть, хотя с одним я несколько опоздал: я просил бы президента выкроить некоторое количество долларов из денег налогоплательщиков на то, чтобы дать возможность пяти или шести молодым солистам (включая Вэна Клайберна) представлять Америку на конкурсах за границей. Мне казалось, что никто из них не преминул бы завоевать по меньшей мере хорошее отношение и уважение к себе и к нам. Время казалось благоприятным для того, чтобы ответить на выступления, рисующие нас как неграмотных хапуг, не говоря уже о значении признания правительством моральных достоинств этих молодых людей. Случая изложить свои мысли мне так и не представилось. Однако мне удалось собрать целую коллекцию любезных писем на красивой бумаге Белого дома, придавших мне вес в глазах моего секретаря. Содержание этих писем — вариации примерно на такую тему: «Я с надеждой ожидаю встречи с вами. Мы должны увидеться, как только представится возможность».

Хотя на долю Советов и их Министерства культуры выпало преподать нам урок — показать нам, что художественное достижение является высочайшим достижением страны, последующая реакция

наших самых авторитетных кругов, как местных, так и федерального правительства, на успех Клайберна явилась обнадеживающим признаком, свидетельством того, что Америке есть чему поучиться. Возможно, в конечном итоге это приведет официальных представителей американской демократии к пониманию необходимости признания нашей культуры и предоставления культуре места в самом правительстве.

У нас есть Министерство сельского хозяйства. А почему бы нам не иметь Министерства культуры? У нас есть министр торговли. А кто занимается вопросом обмена мыслями? Вряд ли нам повредит, если документы Конгресса и президентские награды прославят наших артистов, мыслителей, творцов и исполнителей, поэтов и историков. «Совет искусств», или «Федеральный совещательный комитет», или что-нибудь в этом роде помогло бы показать, что те, кому сейчас живется несладко в поисках истинного и прекрасного, являются важным национальным достоянием, что они достойны самого серьезного внимания.

В конце концов все дело сводится к людям. Отношения и поступки людей определяются тем, что люди признают и ценят. Теперь нашему народу, нашим правителям, нашим законодателям остается только заразиться друг от друга энтузиазмом и узаконить искусство как основное направление в жизни нашей нации.

Если мы ищем хороший, здравый американский смысл и практичность, давайте оглянемся назад. Наши ученые и люди искусства всегда были нашими лучшими послами даже в самых крепких твердых политических предрассудках. Они подавали примеры, которым могли следовать остальные.

Вэн Клайберн — это камень, на котором наша нация отточила свое художественное чутье. Он показал миллионам то, над чем они раньше даже не задумывались. Он сам по себе — огромное достижение. Ни один драматург-классик не мог бы так своевременно вывести на сцену своего героя, как это сде-

лала судьба с Клайберном; столь же величественным, как его появление, был и путь, которым он шел.

История Вэна Клайберна должна пробудить нашу гордость, укрепить нашу культуру, усилить нашу веру в собственное мнение и, во всяком случае, заставить уже не смотреть на наше искусство как на какое-то обособленное явление, не связанное с повседневной жизнью Америки.

Пианист и музыкант

Критическая оценка

Клайберн — прирожденный пианист, это было всегда очевидно. Уже в раннем детстве игра на фортепьяно была для него не только целью, но и смыслом жизни, а это и есть неоспоримое свидетельство прирожденного таланта.

Самое замечательное в успехе Клайберна то, что этот успех заслуженный. Клайберн — исполнитель, обладающий великолепными техническими данными, тонким музыкальным чутьем и поэтическим вдохновением. Он играет просто и непринужденно, его исполнение пленяет простых слушателей и профессиональных музыкантов.

Короче говоря, когда Клайберн вышел на эстраду Большого зала Московской консерватории, он был во всеоружии. Вопреки распространенному мнению, будто он прославился исполнением концертов Чайковского и Рахманинова, следует сказать, что признание пришло к Клайберну уже после первых его выступлений, когда он исполнил самые серьезные фортепьянные произведения Баха, Моцарта, Шопена и американского композитора Самюэля Барбера. Я совершенно ясно представляю себе, что услышала московская публика, и мне понятно, почему она реагировала столь восторженно: я не раз мысленно представлял себе, как Вэн исполнил на конкурсе эти произведения и две бетховенские сонаты. Хотя он очень молод и игра его вовсе не является

образцом зрелого мастерства и проникновения в стиль композитора, его исполнение отличается удивительным драматизмом и ясностью. Эти произведения Вэн прочувствовал и осмыслил в процессе напряженного творческого труда; исполнив их, он на конкурсе в Москве покориł и музыкантов и широкую публику *еще до того*, как они слышали его в концертах Чайковского и Рахманинова.

Вполне понятно, что, когда дело дошло до этих ярких, блестящих произведений, исполняемых в сопровождении оркестра, заключительные выступления Вэна на конкурсе превратились в триумф и вызвали широкий отклик в печати. Естественно и то, что успех исполнения этих концертов вызвал массу предложений и просьб выступить именно с этой программой. Куда бы он ни приезжал, публика фактически сама определяла его программу, требуя, чтобы он играл концерты, «за которые была присуждена премия». Вэн выступал с концертами Чайковского и Рахманинова все первые шесть месяцев после Московского конкурса. Но, кроме них, он на каждом концерте исполнял на бис произведения Шопена, Брамса, Листа, Рахманинова и Равеля.

Из всех достоинств Клайберна самое большое впечатление на меня производит его умение донести до слушателя смысл, содержание музыки. Это качество Вэна еще более замечательно потому, что оно свидетельствует о зрелости исполнительского мастерства, а он так молод. Хотя Вэн обладает блестящей техникой исполнения, он никогда не подчеркивает этого. Ни один пианист не обладает большей непринужденностью исполнения и большей искренностью и лиричностью. Играя яркие, эффектные произведения, он избегает безвкусной мелодраматичности в бравурных виртуозных пассажах и придает тонкие нюансы лирическим частям произведений.

Такое впечатление у меня оставалось после концертов Вэна Клайберна, данных им в Америке по возвращении из Москвы (первый концерт состоялся 19 мая 1958 года в Карнеги-холл). В своем мнении я далеко не одинок: на следующий день после пер-

вого концерта в нью-йоркской прессе появилось множество самых восторженных отзывов.

Луис Бианколли, первый безоговорочно признавший талант Клайберна после его дебюта в Филармонии, писал в газете «Нью-Йорк уорлд телеграмм энд сан»:

«Выступление это было поистине замечательным. Необычайно одаренный юноша, которого я слышал еще четыре года назад, вернулся с конкурса зрелым и ярким художником... Нет никакого сомнения, что слушателей покорила человек, музыкально необыкновенно одаренный... Он превзошел наши самые смелые ожидания...»

Росс Парментер, редактор отдела музыки газеты «Нью-Йорк таймс», отзывался в том же духе:

«Вчера вечером в Карнеги-холл Вэн Клайберн успешно выдержал серьезное испытание... в стиле, музыкальном мастерстве, технике исполнения, темпераменте и глубоком понимании музыкального текста... Овация, которой его наградила переполненный зал, — свидетельство успешно выдержанного экзамена... Пианист оправдал все ожидания публики и даже превзошел их...»

Гарриет Джонсон писала в «Нью-Йорк пост»:

«Вчера вечером двадцатитрехлетний техасец продемонстрировал богатейшую технику исполнения и необычайное благородство стиля... Свой успех Вэн Клайберн разделил с сорокатрехлетним гостем — дирижером Кириллом Кондрашиным, первым советским музыкантом, дирижировавшим нашим оркестром... Клайберн играл с замечательной искренностью, и его исполнение вызвало небывалый энтузиазм трехтысячной аудитории».

Оценка Майлса Костендика в «Нью-Йорк джорнэл америкэн» была не менее восторженной:

«Вэн Клайберн играет в великолепном стиле и с захватывающей дух виртуозностью... Не удивительно, что русские пришли в такой восторг от его исполнения Концерта Чайковского».

Но в жизни не бывает полного единства мнений. С оценкой Клайберна как пианиста были согласны все, однако в оценке его интерпретации и репертуара мнения расходились. Даже в России, где, как нам казалось, Клайберна признали безоговорочно, газета «Советская культура» на следующий день после отъезда Клайберна из Москвы писала:

«Вообще говоря, Вэн Клайберн, как и многие музыканты ярко эмоционального склада, играет неровно. На третьем туре конкурса молодой американский инструменталист буквально потряс и жюри и слушателей своим феноменальным дарованием, в других случаях он играл менее ярко. Но все же всегда творческий почерк Клайберна поражал тем, что этот юноша обладает удивительной способностью воспринимать все музыкальные образы значительно острее и ярче обычного исполнителя».

Даже Поль Генри Лэнг из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», который относится к музыке Чайковского и Рахманинова так же, как вегетарианец Бернард Шоу относился к мясным блюдам, счел возможным похвалить исполнителя:

«Мистер Клайберн привел в восторг слушателей виртуозностью, которую можно сравнивать лишь с виртуозностью великих пианистов прошлого... Несомненно, это — пианист исключительного таланта, необычайно любящий свое искусство».

Однако, перейдя к оценке репертуара Клайберна, мистер Лэнг совершенно меняет тон. Приводимый ниже отрывок — это только цветочки по

сравнению с ягодками, которыми изобилует заключительная часть статьи:

«Многие из нас сожалели, что такой талант растрачивается на исполнение подобной музыки... В настоящее время этому одаренному молодому человеку необходимо глубже изучать музыку, а не работать над пианизмом — в этом он не нуждается, — и изучать ее под руководством более близких к современности педагогов. Клайберн должен совершенно ясно понять, что путь, по которому его вынуждают идти, неизбежно приведет его к полному интеллектуальному застою».

Эта точка зрения оспаривалась Уинтропом Сарджентом в журнале «Нью-Йоркер»:

«Оказалось, что русские были совершенно правы. Высоченный, худой как жердь двадцатитрехлетний техасец с шапкой густых курчавых волос и с пальцами, похожими на пучок спаржи, показал себя пианистом большого стиля... Мистер Клайберн включил на этот раз в свой репертуар Первый фортепьянный концерт Чайковского и Третий фортепьянный концерт Рахманинова; последний, между прочим, он исполнял в первоначальном варианте, включавшем пассажи, изъятые позднее самим Рахманиновым из-за их чрезмерной трудности для обычных пианистов. В определенных кругах, особенно среди композиторов, неспособных создать яркую фортепьянную музыку и составляющих в наше время большинство, стало модным критиковать эти прославленные произведения, которые, по их мнению, рассчитаны лишь на внешний эффект. Подобная оценка могла бы до какой-то степени оказаться верной там, где речь шла бы о посредственном исполнении. Бесспорно справедливым является тот факт, что концерты

Чайковского и Рахманинова требуют от исполнителя абсолютно свободного владения инструментом и глубокого понимания психологической стороны артистического пианизма — качеств, почти отсутствующих в современной музыке. Своим исполнением этих концертов мистер Клайберн раскрыл присущие им достоинство, темперамент и романтическую нежность. Слушая его игру, вновь понимаешь, как красноречивы эти произведения и почему в тот период, когда они создавались, фортепьяно считалось самым выразительным музыкальным инструментом. И в наше время, конечно, есть пианисты (к ним прежде всего следует отнести Артура Рубинштейна и Луиса Кентнера), которые играют в стиле и традициях, воплощенных в этих и других подобных им произведениях. Некоторые из этих пианистов в силу своей зрелости исполняют эти концерты более утонченно и вместе с тем более приближаются к тексту, чем это делает мистер Клайберн. Все же я за всю свою жизнь не встречал молодых пианистов, которые так тонко передавали бы стиль этих произведений и обещали бы стать такими блестящими виртуозами».

После исполнения концертов Чайковского и Рахманинова в Филадельфии, Вашингтоне и снова в Нью-Йорке Клайберн вместе с родителями отправился за границу и дебютировал в Лондоне, Париже, Амстердаме и Брюсселе. Европейская печать и публика встретили эти выступления не менее восторженно, чем в России и Америке.

Д-р Эллен Баллон, известная канадская пианистка и педагог, побывавшая на концерте Клайберна в Лондоне, так писала мне об этом выступлении:

«Я, как и многие другие, не знала, чего ожидать от Клайберна. Концерт Чайковского был исполнен хорошо, но я не была потрясена, так как ожидала большего от артиста, который

произвел такой фурор. Однако я отметила его необычайно лирический подход к произведению; мне даже удалось, несмотря на чудовищную акустику огромного переполненного Альберт-холл, уловить тонкие нюансы его исполнения. Затем Клайберн стал играть Концерт Рахманинова. После первой части я сказала своему приятелю: «Если вы привели меня сюда, чтобы подтвердить свои политические подозрения, я должна, к сожалению, сообщить вам, что этот молодой человек — великий пианист и навряд ли нам еще когда-либо придется присутствовать на концерте, где это произведение исполнялось бы так изумительно». Мне хотелось поздравить Клайберна, но попасть за кулисы было невозможно. Я никогда еще не видела такой массы фоторепортеров и охотников за автографами, навалившихся на одного человека, а ведь он пианист, а не чемпион по боксу. Прямо чудо!»

Эллен Баллон вспоминает случай, происшедший с Рахманиновым. Рассказывая его, Рахманинов сам всегда смеялся до слез. Он уезжал из Англии. Поднимаясь на борт парохода, Рахманинов увидел целую толпу корреспондентов и фоторепортеров. Рахманинов, которому всегда претили подобные сцены, уже приготовился выдержать натиск этой компании, но, к его удивлению, вся орава ринулась мимо него. Оглянувшись, он увидел, что на этот раз они охотились за Примо Карнера*.

Так как имя Клайберна постоянно связывается с исполнением им Первого концерта Чайковского, первой пластинкой Клайберна, естественно, была пластинка с записью этого концерта. Грамзапись вызвала самые положительные, даже восторженные отзывы одной части критиков и бурные нападки другой. Гарольд С. Шонберг, один из наиболее чутких

* Примо Карнера — итальянский боксер, завоевавший мировое первенство по боксу в 1933 году.— *Прим. ред.*

и требовательных музыкальных критиков, писал в «Нью-Йорк таймс» 6 июля 1958 года:

«Выступление Клайберна в мае, а также последняя его запись Концерта Чайковского с симфоническим оркестром под управлением Кирилла Кондрашина продемонстрировали необычайную виртуозность и музыкальное мастерство пианиста».

Далее Шонберг сравнивает исполнение этого концерта Клайберном в 1954 году, когда он выступал с Нью-Йоркским филармоническим оркестром, и в 1958 году:

«Какая перемена за эти четыре года! Если раньше звук Клайберна был ударным, теперь он полон и сочен и передает всевозможные нюансы. Это — уже само по себе большое достижение. Ничего подобного мне слышать не приходилось».

Б. Х. Хэггин, известный отступник среди критиков, воспользовался этим случаем не только для того, чтобы похвалить Клайберна, но и разделаться попутно с парой своих коллег. Он сообщает читателям «Нью-рипаблик» (18 августа):

«Предостерегая Вэна Клайберна от вступления на путь показной виртуозности, Поль Генри Лэнг был бы прав, если бы речь шла только о пианисте, очаровавшем своим исполнением концертов Чайковского и Рахманинова московскую публику. Однако эти предостережения становятся бессмысленными, когда они адресованы пианисту, игру которого мы слышим на пластинках RCA Victor и чью игру сам Лэнг мог оценить на концерте в Карнеги-холл. К тому же этого пианиста... вообще незачем предостерегать от показной виртуозности... Не менее ошибочными представляются попытки Уинтропа Сарджента в «Нью-Йоркер» показать Клайберна как современ-

ного представителя великой школы виртуозов XIX и начала XX века (куда входили также такие титаны, как Сергей Рахманинов, Иосиф Левин и Иосиф Гофман).

...Сарджент справедливо отмечает «полное вкуса и уверенности использование рубато» Клайберном, но ниже он добавляет: «...в стиле знаменитых виртуозов прошлого». Это неверно. Именно использование рубато со вкусом отличает Клайберна от мастеров прошлого».

Сдержанная статья Ирвинга Колодина в «Сатердей ревью» (от 26 июля) рассказывает непосвященным о том, как происходила запись:

«За последние недели так много писали о Вэне Клайберне, что, по-видимому, нет человека, у которого не было бы своего мнения по этому вопросу. По моему мнению, исполнение Концерта Чайковского в грамзаписи слабее, чем на концерте в Карнеги-холл после возвращения Клайберна из Москвы. Тем не менее эта запись, несмотря на ее низкое качество... подтверждает исключительную силу пианиста, особенно там, где звучит один рояль.

Учитывая огромное напряжение и колоссальную перегрузку Клайберна во время его концертов в России и Америке, лучше было бы записать само выступление в Карнеги-холл (хотя эта запись могла оказаться технически несовершенной). Вместо этого запись была назначена в «Манхэттен Сентр» на утро следующего дня после возвращения Клайберна из Филадельфии и Вашингтона. Пианист чувствовал себя так плохо, что от записи пришлось отказаться. Время записи было перенесено на 12 часов ночи, и она производилась в специально арендованном для этого Карнеги-холл. И вот вам результат... Мне кажется, что в записи нет того особенного, жизнеутверждающего, что зву-

чало в игре Клайберна 19 мая; возможно, это объясняется некоторым изменением темпа Кондрашиным. В общем темп на пластинке более медлителен, чем тот, к которому мы привыкли, особенно в первых фразах концерта и в двух интерлюдиях первой части. Еще больше я не согласен с интерпретацией Кондрашиным *tranquillo* и *rosso più lento* в двух других местах первой части, так как это в каждом случае серьезно нарушает всю динамику исполнения. Все время кажется, будто Клайберн безуспешно пытается «тянуть» дирижера за собой. Тем не менее исполнение Концерта Чайковского в целом, особенно второй и третьей частей, где ансамбль был более успешным, свидетельствует, насколько справедлива высокая оценка Клайберна-пианиста в отличие от Клайберна-интерпретатора. За исключением тех мест, где из-за слишком резкого вступления рояля начинает плыть звук, Клайберн блестяще справляется со своей задачей и преодолевает все технические трудности».

Люди, интересующиеся музыкой, как всегда, проявляли большой интерес к оценкам музыкальной прессы. Но никакие рецензии не могли сдержать единодушного стремления публики приобрести пластинку. Беспримерный успех пластинки, вполне естественно, заставил фирму RCA Victor подумать о производстве пластинок с другими записями Клайберна. Пока этих пластинок еще нет. Есть лишь несколько магнитофонных записей — концертов Рахманинова и Шумана и отдельных фортепьянных пьес, сделанных во время концертов и в доме звукозаписи. Отсутствие пластинок объясняется отношением самого Клайберна к записям его игры: «Мне не хотелось бы, чтобы существовали такие «односторонние» записи, — заявил он. — Они неверны, так как доводят до слушателя лишь какой-то один момент исполнения».

Клайберну гораздо более по душе тот успех, которого он добился во время своего турне при исполнении на открытой эстраде уже после того, как появилась его первая пластинка. О впечатлении, которое он произвел на Среднем Западе, пишет в газете «Чикаго трибюн» от 17 июля Клавдия Кассиди; ее язвительное перо удерживало многих исполнителей на почтительном расстоянии от «ветреного» города, чья репутация таит в себе для них особенно злоеущий смысл:

«Испытание у нас выдерживают только самые сильные. И Вэн Клайберн его выдержал. Своим дебютом в Чикаго в среду вечером, когда он выступал в сопровождении симфонического оркестра Гранд-парка, мистер Клайберн вырвался в первые ряды. Я вовсе не хочу этим сказать, что его успех зиждется на исполнении лишь этих двух концертов. Но и в исполнительском искусстве бывают рысаки и водовозные клячи. Клайберн, несомненно, относится к кровавым рысакам.

Иначе играть Третий концерт Рахманинова ре минор — это великое и эффектное произведение — невозможно: оно звучит великолепно, когда его играют правильно, и вяло при посредственном исполнении.

Я слышала трех пианистов, которые играли Третий концерт так, что в дрожь бросало. Это были сам Рахманинов, Горовиц и Каппел. Если Клайберн и не всегда поднимается до их уровня исполнения, то все же он играет великолепно. Его игра была величественна, блестяща, прекрасна, она выдержана в стиле великих мастеров... А иногда его игра — это нечто большее. В исполнении им этого концерта мы находим что-то свое, характерное лишь для него одного. Есть что-то такое, о чем мы можем с уверенностью сказать: «Это — клайберновское». Талант Клайберна огромен. Среди всей сенсационной шумихи,

поднятой вокруг его имени, пожелаем и мы ему успеха».

Спустя три дня Роджер Деттмер в «Чикаго америкэн» писал, что есть люди, отношение которых к Вэну далеко от доброжелательного:

«Не стоит завидовать Клайберну и его только что завоеванной славе... где бы он ни играл, его недоброжелатели всегда наготове. Иных знатоков музыки (впрочем, знатоками лишь они сами себя считают) настолько задевает его успех, что они только и ждут, чтобы Клайберн поскользнулся.

Победив на конкурсе в Москве (там, где труднее, чем где-либо, добиться признания), мистер Клайберн победил лучших молодых пианистов мира... Многие недоброжелатели намекали на то, что успех Клайберна был «заранее подстроен» русскими в целях пропаганды...

Ну, допустим даже, что здесь и в самом деле имел место политический маневр. Но ведь важно лишь то, что талант Клайберна настолько велик, что он действительно заслуживает премии, а до остального нам нет дела.

Теперь, после своего огромного успеха, Вэн Клайберн уже не может позволить себе исполнить что-либо, например бетховенскую сонату, просто хорошо: он должен либо исполнить ее мастерски, либо отложить исполнение до тех пор, пока оно не станет совершенным. Такова цена успеха Вэна Клайберна, живущего в нашем неустойчивом обществе».

Альберт Гольдберг в статье в газете «Лос-Анжелос таймс» от 31 июля подытожил свои впечатления о двух выступлениях Клайберна на Западном побережье. Гольдберг дает высокую оценку игре Клайберна, но делает это осторожно:

«Если бы (что, впрочем, весьма сомнительно) год тому назад нашелся хотя бы один дальновидный человек, который пригласил бы

Клайберна выступить в Голливуд Боул, то на концерт явились бы лишь немногие знатоки музыки и завсегдатаи.

Вчера же вечером... когда молодой техасский пианист давал концерт перед огромной аудиторией Голливуд Боул, обширная площадь стадиона, несмотря на повышенные цены за билеты, была вся заполнена...

В общем следует признать, что мистер Клайберн заслужил оvation, которыми его наградила аудитория. Концерт Чайковского си-бемоль минор, который он исполнял в сопровождении филармонического оркестра Лос-Анжелоса под управлением Тора Джонсона, не дает возможности пианисту проявить себя настолько, чтобы о его мастерстве можно было составить окончательное мнение, но исполнение Клайберном этого концерта следует отнести к высшему классу.

Во многих отношениях его подход к Концерту Чайковского необычен. В общем темп его исполнения замедлен и несколько более размерен, чем это предписывается современной исполнительской традицией... исполнение его созерцательно и местами прекрасно.

...Не было также цельности в предлагаемой им интерпретации концерта. Отдельные детали не всегда строго соответствовали общему плану исполнения. Но это объясняется юностью исполнителя. По-видимому, время и опыт выработают у него более цельную интерпретацию...»

На следующий день тон мистера Гольдберга изменился:

«Это был первый случай, когда два вечера подряд Голливуд Боул был заполнен до отказа публикой, пришедшей на концерт, даваемый американским пианистом.

Событие было поистине волнующим. И, если в глазах соотечественников Вэн стал

героем, он действительно заслужил такое признание своим исполнением Третьего концерта Рахманинова. Исполнение было блестящим... Только Горовиц способен дать подобное прозрачное звучание начальной темы...

И все же одни только концерты Рахманинова и Чайковского не дают возможности пианисту раскрыть все то, что нам хотелось бы узнать о его искусстве. Следует воздержаться от окончательной оценки Клайберна до тех пор, пока мы не услышим, как он играет Баха, Моцарта, Бетховена или Шопена в концертах, посвященных каждому из этих композиторов...»

4 августа Клайберн вернулся в Нью-Йорк, где его вновь ждал триумф. На этот раз он играл на стадионе Льюисон Стэдиум. Росс Парментер в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», рассеял опасения, что пианисту якобы уже наскучил его репертуар:

«Также замечательно, что, хотя мистер Клайберн во время своего месячного турне везде играл все те же два концерта, его исполнение всегда оставалось неизменно свежим, изумительно тонким, проникновенным и глубоко поэтичным; это может показаться почти невероятным, принимая во внимание количество его выступлений».

Джей Харрисон пишет в «Нью-Йорк геральд трибюн», что никогда еще стадион не был так переполнен — люди с боем занимали места на трибунах и даже рассаживались прямо на траве. Называя этот вечер «вечером Вэна Клайберна» и «вечером великого столпотворения», мистер Харрисон отмечает, что «он стремится исполнять произведения, музыка которых приподнята, оживлена и вместе с тем нежна и поэтична... Исполнение мистера Клайберна было необычайно выразительным и отличалось тончайшей нюансировкой».

14 августа Клайберн снова отправился за границу, выполняя данное им в Москве обещание выступить с советским оркестром на Брюссельской выставке. Поездка эта ничего не прибавила к характеристике Клайберна как артиста, если не считать еще одного великодушного жеста — концерта в Гейдельберге для военнослужащих 7-й армии США.

Возвращаясь на родину за месяц до начала концертного сезона, Клайберн собирался подготовить для своих выступлений некоторые сольные фортепьянные произведения и некоторые концерты, а именно: Второй концерт Брамса, Третий концерт Прокофьева, Концерт Моцарта, К. 503, Концерт ми-бемоль мажор Листа и Концерт Шумана. Большинство из них он исполнял и раньше, но крайне редко и к тому же много лет назад. Он надеялся, что ему удастся поработать над этими произведениями в спокойной обстановке. К сожалению, это не удалось по совершенно не зависящим от него причинам.

Среди окружавших его шума и суеты Вэн никогда не забывал о том, что для того, чтобы удовлетворить собственные запросы и настойчивые требования публики, ему необходимо пересмотреть свой репертуар и создать новый, в первую очередь для тех городов, где ему приходилось выступать по нескольку раз.

Неясно было только, как претворить это в жизнь. Упоенный своим первоначальным успехом, Вэн полагал, что в будущем он сможет полностью использовать все свои способности. Согласно его планам, у него должно было оставаться свободное время для работы над новыми произведениями. Он думал, что сможет заключать ангажементы таким образом, чтобы сначала выступать в небольших провинциальных городах, чтобы, как выразился Владимир Горовиц, принимать «первый холодный душ» перед не слишком большой аудиторией.

Он рассчитывал, что у него будет достаточно времени, чтобы заняться чтением, призадуматься над своей работой, чередовать работу с отдыхом, наконец, чтобы лучше присмотреться к жизни. Все это,

однако, оказалось несбыточными мечтами; неодолимая власть общественных обязанностей, требования и заботы личной жизни опрокинули все планы...

Наступила осень. Нью-Йоркская филармония объявила, что на каждом из своих четырех выступлений в октябре Вэн Клайберн исполнит концерты Моцарта и Прокофьева. Позднее же появилось другое сообщение: Клайберн будет играть не Моцарта, а Третий концерт Рахманинова. Как простые любители музыки, так и профессионалы встретили эту новость с чувством недоумения и разочарования.

Я понял, какова будет реакция со стороны критики, когда говорил по телефону с критиком Колодиным — он является одновременно референтом Филармонии. «Я получил совершенно точные сведения, — брюзгливо заявил он, — что Клайберн будет играть Третий концерт Рахманинова. Неужели *никто* не может посоветовать вашему молодому человеку не делать этого, или он все равно никого не послушает? Если сосчитать все его выступления в Карнеги-холл, на стадионе и в Филармонии, окажется, что он сыграл этот концерт уже семь раз в одном только Нью-Йорке. И, как бы хорошо он ни исполнял его в восьмой раз, это не сулит ему ничего приятного. Я слышал, что он собирается исполнить Прокофьева; я его не люблю: по-моему, это слишком похоже на Рахманинова. Но вот его желание сыграть Моцарта — это другое дело. Это — самый лучший выбор. Почему же Вэн отказался от него?»

Я не видел Вэна уже несколько недель и не знал, почему он изменил программу своих выступлений. Я знал только, что он предлагал Филармонии исполнить концерт Шумана, но там не согласились, так как на следующей же неделе с этим концертом должен был выступить Евгений Истомина. Клайберн был страшно расстроен, так как этот концерт был совершенно готов для исполнения и он мог «прорепетировать» его во время выступлений в Хэйвене и Бостоне. Я решил поговорить с Вэном. Но как это сделать?

Звонить ему по телефону почти совершенно бесполезно. Письма до него не доходят. Я послал ему телеграмму. Вэн позвонил мне через 4 дня, в первом часу. Он пригласил меня пообедать с ним и сказал, что заедет ко мне сейчас же. Я согласился. Через час он снова позвонил и сообщил, что его «немного задержали» и что сейчас он выезжает. Мы сели за стол в 3 часа 15 минут. Вэн выглядел ужасно.

— Я не хотел никому об этом рассказывать, чтобы вас не беспокоить, — сказал он мне, — но я вынужден каждый день проводить целые часы у зубного врача и терапевта. А потом мне с трудом удается вырвать время для занятий.

Мне было жаль его, но все же я сразу задал ему вопрос, который так беспокоил меня: почему опять Концерт Рахманинова?

— Вы же знаете, что мне не удалось включить в программу Концерт Шумана, — ответил он. — Тогда я решил играть Второй концерт Брамса и Третий концерт Прокофьева. Но Бернстайн сказал мне по телефону, что Брамс ему не подходит; тогда я спросил его, не будет ли он возражать против исполнения концертов Моцарта и Прокофьева. Он ответил, что это — прекрасная мысль. А потом у меня разболелись зубы и пошли фурункулы, и мне стало ясно, что я не смогу подготовиться. Мне обещали, что концерт в Филармонии будет транслироваться по всей стране, а ведь мое исполнение концерта Рахманинова слышали только в тех городах, где я выступал, вот я и решил играть Рахманинова. Кроме того, когда я предварительно договаривался с Филармонией, речь шла о Концерте Рахманинова.

Тогда я чистосердечно его предупредил, что он должен подготовиться к нападкам со стороны критики.

— Нельзя требовать от критиков, чтобы они считались с личными затруднениями, — заметил я, — дело критики — судить о достижениях артиста.

Вэн резко подался вперед, оттолкнув от себя тарелку.

— Пусть лучше критики скажут, что мне не следовало опять играть Рахманинова, чем упрекнут в плохом исполнении какого-нибудь другого концерта. Я не стану выступать перед нью-йоркской публикой и критикой с недостаточно подготовленным репертуаром. Нью-Йорк — не место для экспериментов. Кроме того,— продолжал он, тщательно взвешивая каждое свое слово,— я не понимаю, почему меня хотят заставить играть неподготовленные произведения. Разве люди не должны считаться с моим отношением к музыке? Мне нужно много времени для подготовки к выступлению; я хочу, чтобы исполнение было достойным произведения и чтобы оно удовлетворило меня самого. Но времени у меня было мало, и я не смог провести репетиций с оркестром. Я как одержимый работаю над Концертом Шумана и, кроме того, стараюсь находить время для подготовки концертов Моцарта и Брамса. И потом, почему они нападают именно на меня? Ведь у нас есть артисты, которые уже десятки лет выступают перед публикой с одной и той же программой в два-три концерта и никто их за это не осуждает.

Хотя Вэн высказал все это с необычайной горячностью, он все же учел мое замечание и включил Концерт Шумана в программу двух благотворительных выступлений с Бостонским симфоническим оркестром под управлением Чарльза Мюнша. По поводу этих выступлений Клайберна Гарольд Роджерс сделал тонкое замечание в газете «Крисчен сайенс монитор» от 6 октября:

«Можете назвать это по-разному — вдохновением, поэзией, душой, сердечностью, но слово, которое говорит больше всего,— любовь. У этого молодого человека большая способность любить всех — музыку, дирижера, оркестр, слушателей. И в любви его нет ничего сентиментального — она глубока, спокойна и надежна, именно это качество превращает хорошего музыканта в великого.

Кто мог не почувствовать этого во время вчерашнего выступления? Что другое могло вдохновить пианиста на эти простые и одновременно красноречивые фразы в шумановском Концерте ля минор? Что другое могло дать ему такую величественную силу в наиболее напряженные моменты, такую необыкновенную нежность в тончайших пианиссимо?»

Исполнение Клайберна проникнуто любовью и еще многими нежными чувствами, которые она порождает. Но я заметил в нем проявление еще большего чувства — веры: веры в то, что любовь к музыке уже сама по себе дает органическое понимание произведения и власть над его содержанием, что благодаря вере все, что чувствуют сердце и мозг, руки воспроизводят самостоятельно. Слишком уж он полагается на свою веру! Более твердое знание сущности произведения, основной принцип многократного опыта — вот что нужно Клайберну для того, чтобы его работа всегда достигала цели.

Судя по тому, как Клайберн реагировал на запись, которую мы вместе с ним и миссис Клайберн прослушивали позднее, он сам, по-видимому, пришел к тем же выводам. На мой взгляд, он чаще критиковал свое исполнение, чем выражал удовлетворение. В самом начале фортепьянного соло он всплеснул руками, издав досадливое «ах». Несколько раз перед пассажем, не удовлетворившим его во время записи, он оборачивался к матери и предупреждал с сардонической улыбкой: «Подожди, сейчас ты услышишь это».

Я вспомнил время, когда он прослушивал разные записи, стараясь выбрать удачный вариант концерта Чайковского. Кто-то заметил, что какое-то место исполнено «напряжения и смелости». Клайберн обернулся и прошипел: «Хватает и битого кирпича». Таков Клайберн, внушающий уверенность, что он будет и в дальнейшем добиваться подлинно мастерского исполнения. Его выступление в Бостоне подтвердило, что он обладает всеми необходимыми

для этого качествами; Сайрус Даргин писал об этом в «Бостон Глоб»:

«Мистер Клайберн — большой артист. Он играет, отдаваясь всей душой музыке, которую исполняет, не стараясь выставить на первый план себя и свою виртуозность...

Самой главной его особенностью является умение сливать сольную партию с партией оркестра. Вы чувствуете, что он не исполняет сольную партию под аккомпанемент оркестра, но просто как бы играет на самом ярком инструменте оркестра. В этом отчасти заключается суть подлинного музыкального творчества».

Так оно и есть. И все же именно это выступление Клайберна показало мне не только его действительно огромное дарование, но также и тот долгий путь, который ему предстоит проделать, прежде чем он достигнет вершин своего искусства. Нет сомнения, что это выступление лишний раз подкрепило его нежелание пойти на уступки тем, кто настаивает, чтобы он теперь же начал разнообразить свой репертуар.

Другим доказательством его способности судить о себе критически была его неудовлетворенность записью концерта в сопровождении Бостонского симфонического оркестра под управлением Мюнша, сделанной в тот же вечер. Клайберн нашел, что работа еще не готова для записи на пластинку, и не захотел считаться с экономическими соображениями. «Ничто так не выводит артиста из равновесия, — сказал Яша Хейфец, — как хмель постоянных похвал». О том, что Клайберн сохраняет это равновесие, свидетельствует его отказ записывать на пластинку произведения, исполнение которых, по его мнению, не раскрывает его замысла.

Беспрестанные похвалы обычно исходят от льстецов или заинтересованных лиц, но никогда, слава богу, артисту не пришлось их слышать со стороны музыкальной критики.

Когда Клайберн сыграл Концерт Шумана в городе Далласе, Джон Розенфильд писал в газете «Даллас морнинг ньюс»:

«В субботу вечером герой-победитель вновь выступил с оркестром в городе, где его когда-то уже приветствовали. В течение недель нам обещали, что Клайберн впервые исполнит у нас Концерт Брамса си-бемоль минор... Но программа была внезапно изменена, и вместо Брамса в нее включили Концерт Шумана ля минор. Сообщалось, что замена эта произведена «по обоюдному согласию» дирижера (Пауля Клетцки) и пианиста.

Совершенно очевидно, что Клайберну и Клетцки не удалось достичь полного и совместного слияния с произведением, и по сравнению с Концертом Рахманинова исполнение оказалось менее отшлифованным и точным...

Нельзя сказать, чтобы концерт был сыгран плохо, просто он не был достаточно подготовлен для такого торжественного случая. Сами исполнители вряд ли были удовлетворены исполнением Концерта Шумана и приемом, который им оказала публика, но их должен был вознаградить триумф после исполнения Концерта Рахманинова. Вся публика поднялась с мест и бурно приветствовала артистов».

Великое искусство — не случайность, и молодость Клайберна не позволяет предполагать, сколько времени он разучивал, переучивал, играл, и вновь разучивал, и вновь переучивал эти два концерта и те сольные произведения, исполнение которых принесло ему славу. Ему предстоит не меньше поработать и над другими произведениями, тем более что многие из них необычайно трудны. Клайберн сознает это, но одно дело сознавать, а другое — уметь точно анализировать. Вероятно, самой трудной областью исполнительского мастерства является умение изы-

скать средства и время для разрешения собственных сомнений. От того, как он отнесется ко всем этим вопросам, от того, как он сумеет противостоять нажиму со стороны, будет учиться у самого себя и у других, — от всего этого зависят его окончательные творческие достижения. Именно эти соображения определили решение Клайберна играть с Нью-Йоркским симфоническим оркестром Третий концерт Рахманинова. Более того, он одновременно заявил о своем намерении исполнить три «новых» концерта для пенсионного фонда Филармонии в феврале 1959 года (Концерт Моцарта до мажор, К. 503, Концерт Шумана и Третий концерт Прокофьева).

Однажды вечером, незадолго до октябрьских выступлений Клайберна, я встретил Колодина и рассказал ему, что о них говорит сам Клайберн. Колодин некоторое время молчал, а затем задумчиво кивнул головой и сказал: «При сложившихся обстоятельствах он, возможно, принял правильное решение, хотя я под ним и не подписываюсь. Ну что ж, пожизненно — увидим!»

Колодин не только услышал, но и написал — в «Сатердей ревью» от 1 ноября появилась его статья. Это был первый неблагоприятный отзыв о Клайберне как об исполнителе в столичной прессе:

«Вэн Клайберн снова появился в Карнеги-холл в качестве солиста, выступление которого сопровождал нью-йоркский филармонический оркестр под управлением Леонарда Бернштейна. Оставим в стороне вопрос, должен ли он был исполнять концерты Моцарта и Прокофьева, как это было намечено, и почему он их не исполнял. Обратимся к основному вопросу: каким было его исполнение Третьего концерта Рахманинова в 35, 36, 37 и 38 раз после его поездки в Москву?

При всем его размахе и хороших потенциальных возможностях концерт звучал хрупко, необоснованно, расплывчато и в некотором смысле по-женски. Пользуясь характеристикой концерта, данной самим композитором,

или не менее категорическими суждениями о нем Владимира Горовица, можно сказать, что в исполнении Клайберна резкий натиск превращается в еле ощутимую эмфазу, а подчеркнутое выражение глубокого чувства сводится к довольно бесхребетной сентиментальности. Недостаточная сила звучания, неспособная перекрыть оркестр в моментах наивысшего напряжения первой и последней частей, оказалась другим ограничивающим фактором; ко всему этому добавилась склонность затягивания самых слабых мест произведения композитора за счет сильных. Но все это не отнимает у Клайберна убедительности, которая ему объективно присуща и вызывает соответствующую реакцию аудитории».

Заметка от 20 мая Поля Генри Лэнга была для Вэна предупреждающей, но тон его статьи от 18 октября был уже откровенно негодующим. В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» Лэнг писал:

«Во второй половине концерта серьезное и полноценное художественное исполнение перешло в поверхностное и показное, столь характерное для многих наших выступлений.

Вэн Клайберн, молодой музыкант-гладиатор, который победил на конкурсе в Москве, вновь вернулся на арену только для того, чтобы уклониться от боя. Первоначально в программу был включен Концерт Моцарта. Какое еще произведение способно было бы полнее выявить художественный талант! Но это прозрачное моцартовское «консоне» было вычеркнуто из меню, а на его месте восстановлен «борщ» — Третий концерт Рахманинова. Таким образом, мы опять явились свидетелями повторения сражения за Москву.

Так дело не пойдет. Все знают, что он прекрасно может исполнять Концерт Рахманинова, но молодому человеку нужно наконец ре-

шить, хочет ли он быть артистом или стать музыкальным автоматом из плоти и крови, который всегда играет один и тот же мотив».

Это — поистине безжалостные слова. Но всегда приходит время, когда критик, прав он или нет, чувствует, что должен высказать свое мнение, иначе он перестанет выполнять свой долг перед искусством, перед артистом и самим собой. Многим может казаться, что время еще не пришло, что после такого короткого и лихорадочного периода можно еще щадить и мирволить, имея на то оправдание. Но в сарказме Лэнга есть и комплимент: самые хорошие критики прибегают к своим самым суровым оценкам только тогда, когда пишут о самых лучших артистах, о тех, кто больше всех заслуживает их откровенности.

Уинтроп Сарджент, хотя все еще находится под влиянием огромного очарования Вэна Клайберна, тоже начинает разделять недовольство, высказанное Лэнгом. 25 октября он резко выступил на страницах «Нью-Йоркер»:

«Я, как и многие другие, начинаю немного беспокоиться за карьеру мистера Вэна Клайберна, чем-то похожую на карьеру спутника Земли. Карьера эта может закончиться печально, если пианист не будет опираться на репертуар более обширный, чем тот, которым он пользуется в настоящее время. Дело, по-видимому, в том, что он так занят «эксплуатацией» своего исключительного художественного дарования на двух-трех концертах, что у него нет времени, чтобы уйти на некоторый период с эстрады и полностью отдать себя изучению многообразной фортепьянной литературы, которой он должен овладеть, если хочет занять постоянное место среди величайших пианистов нашей эпохи. Если бы я был на его месте, я бы прекратил всякую концертную деятельность на несколько лет и вновь вернулся к усердной учебе. Но это — дело

самого мистера Клайберна, а не мое, и я должен признать, что его исполнение Третьего концерта Рахманинова в Филармонии в сопровождении оркестра под управлением Леонарда Бернстайна было, как и его первое выступление в этом зале, блестящим и совершенным по мастерству».

Уйти на несколько лет? В такой момент? Только для того, чтобы снова очутиться у старта, причем на этот раз перед задачей гораздо более трудной — пробудить у изменчивой публики интерес к зрелому мастеру, который уже произвел однажды сенсацию? Нет. Я думаю, что это требование чрезмерно. Помимо того что Клайберн только еще завоевывает публику, свою уверенность в будущем, свою материальную независимость, которая, как мы надеемся, поможет ему отдаться работе без помех, он еще нуждается в концертном опыте. Нет сомнения, что он должен много работать в одиночестве. Но нет художника, который мог бы работать в постоянном вакууме. Процесс испытаний и ошибок на эстраде существенно необходим для всестороннего развития исполнителя.

На данном этапе карьеры время Клайберна должно быть тщательно рассчитано, его личные обязанности должны быть сведены к минимуму, репертуар должен тщательно разрабатываться, а концертная деятельность строго регламентироваться. Только таким путем, по-моему, он сможет применить свои феноменальные артистические способности, не рискуя вновь впасть в безвестность, в которой он некогда пребывал. Когда он твердо станет на ноги — и только тогда, — он сможет спокойно позволить себе полезные, но не слишком долгие периоды полного ухода со сцены. Сочувственное понимание затруднительного положения Клайберна было умеренным тоном выражено в обзоре, написанном Говардом Таубмэном в «Нью-Йорк таймс» от 18 октября:

«Концерт Рахманинова, несмотря на его сентиментальность, — дело совершенно иное.

Отдайте должное исключительно исполнению мистера Клайберна и оркестра. Хочется пожурить молодого пианиста за отклонение от намеченной программы и за то, что он вновь вернулся к Концерту, который вместе с Концертом Чайковского превратился в его триумфальную колесницу после Москвы. Но перед лицом такого чудесного исполнения не следует жаловаться.

Мистер Клайберн сыграл Концерт с ошеломляющей свежестью. Великая романтическая манера, большое звучание, поэзия — все это было в нем... Мистер Бернштейн и мистер Клайберн тщательно следят за каждой деталью, за каждым нюансом. Следует отметить это памятное слияние трактовки и стиля».

Решающее испытание выпало на его долю в городе Ричмонде, в Вирджинии. Здесь Клайберн оказался один на один с роялем. Первый же его сольный концерт после Москвы окончательно рассеял, если он и был, всякий скептицизм на его счет в этом Бостоне Юга.

Чарльз Скарборо приветствовал Клайберна в газете «Ричмонд ньюс лидер» от 22 октября:

«Несмотря на исключительно неблагоприятную обстановку, сложившуюся сейчас в концертном мире, молодого пианиста встретил переполненный зал.

Посетители концертов в Соединенных Штатах настолько привыкли, что их постоянно угощают русскими, польскими, немецкими, французскими или южноамериканскими виртуозами, что, когда им пришлось услышать, как это было вчера вечером, пианиста Вэна Клайберна из Килгора в Техасе, их сердца переполнились гордостью: он блестяще исполнил «Мефисто-вальс» Листа, Скерцо до-диез минор и Фантазию фа минор Шопена.

Хотя его можно сравнить с самыми лучшими зарубежными виртуозами или виртуозами, которые родились не в Америке, концерт Клайберна был примечателен не только этим. Двадцатичетырехлетний пианист проявил себя музыкантом яркой индивидуальности и высокого мастерства.

Программа была удивительно трудна. Клайберн сыграл в первом отделении три сонаты — «Аппассионату» Бетховена, соч. 57, Сонату Моцарта до мажор, К. 330, и Шестую сонату Прокофьева. Многие пианисты удовлетворились бы такой полной программой... Моцарт в интерпретации Клайберна... не был ни сентиментальным, ни снисходительным, а был исполнен с самым тонким вкусом... здесь тонкость исполнения поражала не меньше, чем его мощь и сила в других произведениях».

Настороженное отношение Джона Уайта к Клайберну придает особенную значимость следующим выдержкам из его обзора, помещенного в газете «Ричмонд тайм диспетч»:

«Феноменальный техасец, совершивший прыжок к мировой славе... показал Ричмонду, как он это сделал...

После необычно щедрой программы из трех сонат, избранных пьес и двух произведений, сыгранных на бис, публика пришла в неопишуемый восторг...

Вначале, несмотря на выдающийся успех, с которым Клайберн выступал в передачах по радио и в записях, мы были настроены сдержанно, критически. Когда артист оказывается на эстраде совершенно один... исполняемая им музыка должна звучать то значительно, то интимно, то нежно, то яростно. Он должен «создавать музыку», которая сама по себе красноречива... а через час или два стать тем, кого уже нельзя забыть. И всего этого Вэн Клайберн добился.

С Юджином Орманди на Брюссельской выставке

25 сентября 1959 г. Н. С. Хрущев принял Клайберна в своей резиденции в Вашингтоне.
Никита Сергеевич пожелал пианисту новых творческих успехов.

Все, что казалось очевидным, а для некоторых и несколько странным в Сонате Прокофьева, проступило особенно ярко в Скерцо до-диез минор и Фантазии фа минор Шопена. Исполнение последней было лучшим из всего, что мы когда-либо слышали...

Вэн Клайберн как-то сразу сделал исключительную, небывалую карьеру, и он настолько ее достоин, что вся музыкальная Америка будет аплодировать ему и надеяться на него. Будем и мы надеяться, что ничто не мешает его естественному движению вперед к еще более выдающимся успехам.

Обзор, напечатанный Марион К. Пинсдорф в газете «Берген ивнинг рекорд» от 24 октября, касается второго выступления Вэна Клайберна в городе Энглууд в Нью-Джерси. Эта статья свидетельствует о том, что пианист не склонен самодовольно почитать на лаврах:

«Совершенно очевиден неимоверно стремительный ритм жизни Клайберна... Он сказал, что начал худеть. Один из его помощников заметил, что накануне концерта он играл восемь часов подряд. Подобные тренировки у него происходят по четыре раза в неделю».

Этой ободряющей заметкой мы заканчиваем подведение итогов выступлений и реакции критики за первые шесть месяцев новой карьеры Вэна Клайберна. Его самоотверженная работа при нынешних обстоятельствах позволяет надеяться, что он не слишком долго будет отвлекаться от своей главной цели. Мы уже можем себе представить, как он подолгу уединяется за роялем, даже во время турне, как работает, а затем вновь и вновь выступает, сохраняя свою блестящую славу, которая всюду опережает его, и оставляя повсюду теплую память о своей солнечной натуре.

Первой передышкой для Вэна Клайберна явились ничем не примечательные недели рождествен-

ских праздников 1958 года. Он сразу же направляется в Калифорнию, чтобы провести несколько дней в приятном и полезном обществе Бруно Вальтера. Желание сблизиться с таким глубоким музыкантом лишний раз подтверждает, что, несмотря на сенсационную карьеру, в Клайберне таится могучая тяга к серьезным свершениям.

Есть и много других признаков, которые вселяют надежду, и один из них особенно важен: Вэн Клайберн пишет музыку. Из всех видов музыкальной деятельности композиторская деятельность требует максимального охвата музыкального материала. Моцарт и Бетховен, Лист и Антон Рубинштейн, Д'Альбер и Бузони, Падеревский, Рахманинов, Шнабель и Гофман, Горовиц — все писали музыку. Гофман однажды сказал: «Назовите мне хотя бы одного великого исполнителя (за исключением Артура Рубинштейна), который бы не обладал значительным талантом композитора, хотя бы даже и слабо развитым».

Иногда Клайберн исполняет на бис свою пьесу под названием «Грустное воспоминание», и, хотя всегда краснеет, когда о ней говорят, я считаю, что это — отличное произведение. Оно столь же искусно, сколь наивно его название, и много лучше целого ряда ранних произведений композиторов, ставших впоследствии знаменитостями. Попросите его, чтобы он как-нибудь исполнил ее для вас, и я не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь.

Он написал несколько других произведений, среди них «Гимн» на текст 123 псалма. Однажды в воскресное утро я слышал превосходное исполнение этого гимна в церкви Риверсайд Черч в Нью-Йорке. Его исполняли певицы Луиза Наталь и Дорис Окерсон, органист Фредерик Л. Свэн и прекрасный хор под управлением В. Ричарда Вигли. Это произведение может оказать честь любой музыкальной или религиозной программе. Ему присущи теплота и величие, которые позволяют судить о Клайберне как о человеке и как о пианисте с незаурядным талантом. Его глаза загораются, когда он думает о поре серъ-

езной, сосредоточенной работы над своими сочинениями и созданием своего собственного стиля. Для музыканта это — благоприятный признак. А в последнее время он заявил, что у него «на мази» фортепьянный концерт собственного сочинения.

Вполне понятно, что двадцатичетырехлетний молодой человек должен приобрести еще многие качества, многое в нем должно выкристаллизоваться, многое нуждается в проверке. Зрелая интерпретация — высшая способность проникать в сущность великой музыки — приходит только после долгих и упорных поисков. Я знаю очень мало молодых артистов, которые бы сами поставили перед собой подобную задачу. Вэн оказался тем, кто ее поставил, и это — еще одно серьезное и хорошее предзнаменование.

Хотел бы я услышать о существовании артиста (любого возраста), который мог бы *все* делать с одинаковым успехом и *всегда* поступать мудро. Титаны всегда знали, что это невозможно, и их окончательным решениям предшествовали годы душевных поисков. Как только Клайберн начнет глубже проникать в суть вещей, как только у него появится больше внутреннего чутья, он найдет в искусстве то, что, как он сам говорит, он нашел в жизни; сомнение прячется в тени, отбрасываемой правдой. В конечном итоге ему придется сделать то же, что делал в свое время каждый великий артист, — углубиться в размышления и спешить, не торопясь.

Ни один из великих артистов никогда не был свободен от необходимости упорно работать над воплощением пробудившегося в нем нового понимания подлинной красоты.

Как-то Рахманинова в пору высшего расцвета его исполнительского мастерства навестил Олин Даунс, музыкальный критик газеты «Нью-Йорк таймс». Поздоровавшись с посетителем, Рахманинов извинился и вышел. Вскоре Даунс услышал из соседней комнаты звуки рояля — усердное повторение пассажа, по-видимому не удовлетворявшего музыканта. То была одна из сонат Бетховена, исполнением

которой Рахманинов давно стяжал себе славу. Через некоторое время композитор возвратился, устало опустился в кресло и несколько минут удрученно молчал, тяжело вздыхая и опустив голову.

— Когда и где начнется ваше турне? — рискнул спросить критик.

— Завтра в Линне, — ответил композитор. — И оно будет никуда не годным!

Этот случай отражает божественную неудовлетворенность, присущую великому артисту. Вэн часто проявляет это чувство, особенно когда слушает себя в записи на пластинках или магнитофонных лентах. Мне доводилось заходить к нему за кулисы во время концертов, в момент, когда он выходил играть на бис и отвечать на аплодисменты. Несмотря на окружающую его свиту поклонников, он никогда не забывал спросить: «Как я играл?» А когда оглушительные овации не позволяли разговаривать и слышать друг друга, как это было на стадионе, когда к эстраде ринулись тысячи людей, Вэн вопросительно поднимал брови, ожидая молчаливого ответа.

Уровень его исполнения был неизменно настолько высок, что я всегда был вправе искренне ответить ему «великолепно» или кивнуть. Но окончание концерта — неподходящее время, чтобы высказывать всю правду и толковать о ней. В эти моменты взволнованный артист хочет убедиться, что мнение профессионала не расходится с мнением публики. Но вопросы задают и посторонние люди, которые ждут прямых и точных ответов. «Если успех Клайберна является действительно его творческим успехом, то почему он не заслужил его прежде?» — спрашивали меня многие. Мне кажется, что людям, которые ничего не знали раньше о Клайберне и не имеют представления о безжалостных условиях концертной жизни в Соединенных Штатах, будет трудно поверить, что Вэн и раньше имел тот значительный успех, который описан на этих страницах.

В нашей стране вы можете быть пианистом из пианистов, музыкантом из музыкантов, вы можете восхищать критику — и все же публика в массе

останется к вам равнодушной. Вы можете даже пользоваться огромным успехом у определенной части публики — и все же оказаться там, где находятся многие из наших лучших артистов и где был Вэн, то есть приблизительно нигде, потому что у него не было публики, которая была бы *его* публикой.

Скептически настроенные любители музыки задают специфические вопросы, стремясь сравнить Клайберна с его американскими коллегами-сверстниками. Сравнения обычно приводят к заблуждениям, потому что артистизм так же неповторим, как люди. Ниже я привожу типичный диалог, который будет бесполезно прочесть:

— Является ли Клайберн лучшим музыкантом, чем Сеймур Липкин или Джекоб Летайнер?

— Нет.

— Является ли его техника более совершенной, чем техника Байрона Джениса или Джона Брунинга?

— Нет.

— Обладает ли он бóльшим интеллектуальным проникновением, чем Евгений Истомин или Клауд Фрэнк?

— Нет.

— Тогда в чем же дело?

Это — превосходный вопрос: ведь должно же быть заложено в музыканте что-то, помимо этих качеств, что позволило бы ему стать живым воплощением удачи и помогло выстоять в жестоких джунглях концертного бизнеса.

Каждый из названных мною артистов, как и другие коллеги Клайберна, является первоклассным исполнителем и интерпретатором. Но в Вэне как музыканте пленяют его эмоциональность, его стиль, которые отвечают стремлению публики к романтической традиции, — искусство, почти утраченное большинством пианистов XX века. Исключительный рапсодический темперамент и сила воздействия выделяют Вэна среди его собратьев по искусству.

Но ведь он обладал этими качествами и до Москвы, и они были должным образом признаны как

устно, так и письменно значительной частью музыкального мира Соединенных Штатов. То, что послужило толчком и сделало их общеизвестными, принадлежит теперь истории.

Тем не менее Вэн — это нечто большее, чем надлежащий человек на надлежащем месте и в надлежащее время. Он — живой символ самого насущного и животрепещущего дела современности, он обладает наибольшим личным обаянием, чтобы успешно играть эту роль. Говоря так, я вовсе не хочу умалить артистические достоинства Клайберна или тех его многочисленных коллег, которые каждый в своей манере одинаково хорошо вооружены как пианисты и музыканты.

Я всего-навсего пытаюсь определить ту неопределимую силу, которая дается немногим и составляет одну из характернейших черт артиста, да и вообще любой выдающейся личности. Чтобы нарушить наше душевное равновесие и разбудить в нас что-то очень глубоко таящееся, одного профессионального совершенства недостаточно. Здесь нужно какое-то совершенно особое качество. Падеревский обладал им в значительно большей степени, чем Гофман, хотя последний превосходил его как мастер. Нет сомнения, что Вэн обладает этим качеством. Назовите это гуманным сердцем. Назовите как хотите. Но это качество — сила такая же непреодолимая, как сила закона периодической системы элементов, которая предопределяет или запрещает появление новых элементов.

Если артист добьется взаимопонимания с публикой, она будет в сладком замирании ждать наступления полного с ним слияния. Печать может дать этому первый толчок. Реклама — поддержать. Но ненадолго. Иногда это принимает совершенно нелепые формы. Как-то раз я пришел на концерт Вэна в Карнеги-холл раньше обычного и подслушал разговор двух сидевших позади меня зрителей:

— Что-нибудь чувствуешь?

— Нет еще, пока ничего не чувствую.

— Ничего, это придет. Как электрический ток. Этот паренек, братец мой,— как динамит!

Оркестр приготовился, люстры погасли, в зале слышалось возбужденное перешептывание.

— Теперь чувствуешь?

— Пока нет.

Прошла еще минута. Глаза всех напряженно обращены к эстраде.

— Теперь чувствуешь?

— Гм... что-то как будто есть. Я, пожалуй, понял, о чем ты говоришь.

Едва Вэн вышел из-за кулис, как оба собеседника вскочили, вопя, неистово хлопая, причем «сомневающийся» старался перекричать и переаплодировать своего приятеля. Не раздалось еще ни одной ноты. Да Вэну и не нужно было играть. И без игры он уже был в трансе и нес в себе свою колдовскую силу.

Опасность массового низкопоклонства заключается не только в его непостоянстве, способности изменить при первом неблагоприятном отзыве; оно может соблазнить того, кому льстят, побудить его довольствоваться исполнением, обусловленным требованиями публики, погасить стремления к более высоким достижениям — словом, остановиться на том, что всем нравится, вместо того чтобы направить всех к тому, что он сам считает достойным.

Таково проклятие огней рампы. Масштабы славы и обязательств Вэна почти лишают его возможности изучить многое из того, что ему нужно знать. Он окружен слушателями и товарищами, соперничающими между собой в вознесении ему хвалы. Некоторые из тех, кто достаточно сведущ и достаточно хорошо его знает, чтобы дать совет, молчат и не говорят ничего, зная, что в данный момент Вэн не может идти против течения. Те, кто любит его больше других, найдя возможность поговорить с ним наедине, честно высказались, веря в то, что, как только он сможет, он посоветуется и с самим собой, и с такими великими артистами, как Бруно Вальтер. Но те из его коллег, которые далеки от его

сверкающей башни из слоновой кости, ломают себе головы, не имея мужества или не умея обсудить с Вэном некоторые стороны его игры. Их тревожит то, что он порою не придерживается текста, что, стремясь достичь большей выразительности, он иногда теряет темп или играет так нежно, что звук не доходит до слушателя; иногда он допускает непоследовательное построение музыкальных фраз, недостаточно заботится о ритмической форме исполнения, что ведет к нарушению связи и последовательного развития целого. Допустим, что эти решающие вопросы еще не вполне отчетливо определились в сознании Клайберна, и допустим, кстати, поскольку мы их коснулись, что имеется немало исполнителей с твердо установившейся репутацией, которые еще меньше, чем Вэн, думают обо всем этом.

Немало писали о замедленных темпах игры Клайберна. Нет ничего более спорного или непостоянного, чем основной темп, в котором должно быть сыграно произведение. Темп, не нарушающий общий дух произведения, нужно считать вполне приемлемым, потому что темп не является величиной абсолютной. Поэтому я хотел бы оспаривать не основной темп исполнения, а склонность Вэна снижать темп в самых разных местах произведения, причем иногда даже там, где композитор предписывает ускорение темпа. В музыке это производит такое впечатление, какое производило бы в речи, например, произношение звука «я» как «и-а». Иногда это придает исполнению своеобразную прелесть, иногда — даже прелесть местного колорита, иногда это бывает обусловлено посторонними влияниями. Мадам Левина заметила, что до Москвы Вэн исполнял концерты Чайковского и Рахманинова в несколько более живом темпе.

В заключение мы могли бы рассмотреть репертуар Клайберна. Ознакомление с программой его сольных выступлений обнаруживает их безупречно ортодоксальный, может быть, несколько ограниченный

характер: в продолжение трех первых сезонов он исполнял в своих концертных турне одну и ту же программу. Это относится к репертуару его городских концертов; в программу остальных выступлений входило исполнение нескольких более крупных произведений. Благодаря этому Клайберн приобрел опыт, и его репертуар, бесспорно, более впечатляет своим качеством, чем разнообразием.

Не все знают, что Вэн тщательно подготовил к исполнению в Москве, помимо обязательных пьес, Вариации Брамса на тему Генделя, Сонату «Аппассионату» Бетховена, Сонату си минор Шопена и Шестую сонату Прокофьева.

Надо сказать, что его репертуар фортепьянных концертов не так уж мал, но он остался непроверенным, за исключением тех концертов, о которых мы уже говорили. Пока Клайберн находился в числе «наследных принцев» фортепьянного царства, его репертуар не внушал опасений. Тогда казалось, что у него будет гораздо больше времени, чем ему понадобится, и он сможет изучать и пробовать, выбирать и отбрасывать, экспериментировать на эстраде и вне ее. А затем он в один вечер был возведен на престол и тогда обнаружил, как беспокойно голове, на которую возложили корону.

В ответ на критику в адрес его репертуара Клайберн всегда приводит поговорку музыкантов: «Дело не в том, *что* играешь, а *как* играешь». Но это — всего лишь полуистина; с таким же успехом можно утверждать обратное: дело не в том, *как* играешь, а в том, *что* сыграешь. Истина где-то посредине, и клайберновская теория непогрешима лишь в том смысле, что неполноценное исполнение хорошего произведения окажет ему плохую услугу.

Развитие Клайберна отличается от развития таких пианистов, как Годовский, Шнабель, Гофман, Артур Рубинштейн, Аррау, Боля, Гизекинг и Серкин, которые, едва перешагнув двадцатилетний возраст, уже обладали энциклопедическим знанием фортепьянной литературы. Однажды Годовскому, известному своей эрудицией отнюдь не меньше, чем своим

артистическим мастерством, задали такой вопрос: «Как вы успеваете разучивать столько произведений, если вы к тому же преподаете, сочиняете и постоянно путешествуете?» Он ответил: «Я их не учу — я их знаю».

Предположим на минуту, что Клайберн употребил свои юношеские годы на то, чтобы выучить и как следует подготовить все концерты Моцарта, Бетховена, Брамса. Сколько из этих концертов ему удалось бы сыграть? Я вспоминаю, как непревзойденный Уильям Каппел говорил мне, что ему пришлось довольствоваться успехом исполнения Концерта Хачатуряна в течение пяти долгих лет. Только после этого он смог выступить со своими любимыми произведениями и сыграть Второй концерт и Вариации на тему Паганини Рахманинова. И лишь в последние годы своей трагически короткой карьеры он чуть ли не насильно включил в репертуар своих турне один концерт Моцарта и один — Бетховена.

Раньше я приписывал это молодости Каппела и тому, что он еще не умел оказывать надлежащее давление на концертных импресарио, но после разговора с Владимиром Горовицем, самодержцем во всем, что касалось его области, и стоявшим на недосягаемой высоте над всеми этими проблемами, я изменил свое мнение. Он сказал мне: «Из года в год они требуют только Чайковского и Рахманинова. Мне приходится воевать, чтобы играть Бетховена или Брамса, и очень часто я терплю поражение».

Клайберн познал все это однажды, когда объявил, что намерен сыграть Концерт Шумана с оркестром небольшого городка; последовал умоляющий вопль устроителей концерта, которые обратились к импресарио Вэна: «Наши абоненты разочарованы. Если Клайберн не будет играть один из премированных концертов, можете ли вы гарантировать, что ему придется играть на бис?»

Жалобы на однообразие репертуара Вэна возникли главным образом в пресытившемся Нью-Йорке. Но ни жалобы, ни остроты не были злонамеренными: то было типично американское выра-

жение озабоченности, закономерной и горячей озабоченности за будущее Клайберна.

Я не чувствую себя вправе говорить что-либо определенное о будущем Вэна. Я всего лишь попытался изложить факты и различные точки зрения, а также указал на причины моего оптимизма, основанного на вере в то, что Вэн Клайберн представляет собой нечто большее, чем «сумму качеств». Его индивидуальность определяется не столько его необычайным пианизмом и музыкальной проникновенностью, сколько его преданностью музыке, духовной убежденностью и эмоциональной свободой — теми редкими качествами, которые так трудно найти в наш беспокойный век. И все же именно обстоятельства этого века окружили Вэна легендой; теперь он должен вступить в борьбу с окружением, которое сформировало его и на формирование которого он в свою очередь имеет возможность влиять. В настоящий момент его главные возможности принадлежат к области музыки.

Наше поколение сделалось свидетелем того, как классическую музыку стали все больше и больше ценить, распространять и поощрять. Как бы то ни было, неуклонно растущий интерес к ней отражает вкус тех, кто разбирается в музыке. Публика и те, кто руководит ею, продолжали равнодушно и инертно относиться к искусству, к артистам и их месту в нашем обществе. Подростки наводняли танцплощадки и кино, чтобы услышать последние причуды джаза, ставшего модным психозом. Статистика юношеской преступности внушала тревогу. И тут появился Вэн, который стал национальным героем, уважаемым артистом, кумиром молодежи, человеком, нашедшим ключ ко всем сердцам, создавшим музыке новую аудиторию. Даже те, кто глухи к его музыке, да и ко всякой музыке вообще — а таких миллионы, — не остались равнодушными к его достижениям, к его выдающейся личности и к серьезности его высказываний, они ощутили прилив бодрости, радости и веры. То, что эта сила исходила от

пианиста, было явлением необычным, новым на нашей планете.

Понятно, что Клайберн — преуспевающий человек — обрел огромную уверенность в себе. Но то, что обуславливает его уверенность в успехе всех его начинаний, является одновременно и западней. Он достиг того момента, когда мечты самостоятельного артиста вступают в конфликт с желаниями человека. Сможет ли он успешно разрешить эту дилемму? Со временем — может быть, но сейчас — нет. Сущность конфликта заключается в суровости требований искусства и многообразии требований жизни. Современные требования, следуя которым музыкант достигает положения мастера и сохраняет его, стали чересчур высокими и весьма разносторонними. Скоро Клайберн окажется на распутье и должен будет сделать выбор.

Как пианиста его влечет к артистическим подвигам. Но коллеги и критики уговаривают его играть меньше и даже уйти на время с эстрады. Во всяком случае, он должен больше заниматься и больше отдыхать, стремиться стать совершенным пианистом и музыкантом — у него есть для этого все данные.

Как человек он хотел бы пойти по другому пути, куда его влекут человеческие и моральные идеалы, и здесь он ждет результата, может быть, более значительного.

Игра на рояле стала для Клайберна публичным выражением его любви к людям и представления о лучшем мире. Но этим лишь отчасти объясняется его особое воздействие на массы, которое проявляется в его жизни на каждом шагу. Для народа его искусство, как бы замечательно оно ни было, имеет второстепенное значение по сравнению с той его миссией, которая дала ему возможность врачевать политические и духовные недуги времени.

Он это знает, и это еще более усложнило для него вопрос выбора. К какой высшей цели стремиться? Работать ли для Клайберна-пианиста или для усовершенствования общества, где должны преобладать любовь и искусство, милосердие и мир?

Но, может быть, для обеих целей? Увлечение утопическими идеалами свойственно многим людям, пока они молоды, но мало кому в мире удавалось долго жить мечтами или пытаться осуществить их, не ударясь при этом крепко головой. Но кто из нас с нашим скептицизмом и мудрствованием имеет право удерживать кого-либо от борьбы за правду там, где он ее видит, тем более того, чье исключительное положение сулит ощутимые результаты? В настоящее время Клайберн стал на путь примирения обоих требований. Он душой и телом отдался проектам молодости: он обязался совершить международные турне, которые, несомненно, вызовут огромный подъем и найдут отклик во всем мире. Артист временно оттеснен, а человек осуществляет свою мечту; но силы его подорваны, организм, выдерживавший огромную нагрузку, истощен. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь трудился больше, чем трудится сейчас Вэн, совершенно искренне забывая о себе.

Но если это и так, на Парнас пианистов ведет всего одна дорога. Одолеет ли Клайберн последний решающий подъем, будет ли он дальше прокладывать себе путь и идти по нему, не оглядываясь и не спотыкаясь, — от этого будут зависеть долговечность и значение легенды о Вэне Клайберне.

Что скажет людям его имя через пятьдесят лет? Будет ли оно именем великого музыканта или человека и между прочим музыканта, оказавшего влияние на своих современников? Пойдет ли он в двадцать пять лет по пути Альберта Швейцера *, целиком принеся себя в жертву для блага человечества? Все эти пути и любой из них — каждый в своем роде — принесут пользу и Вэну, и нам, и потомству. Никто не может сказать, какой из них — лучший. Каждый человек, следуя своим идеалам, должен

* Альберт Швейцер (1875) — выдающийся музыкант-органист и автор одной из лучших биографий Баха, посвятил большую часть своей жизни деятельности врача-миссионера во Французском Конго. — *Прим. ред.*

идти своей дорогой и принимать собственные решения.

А на вопрос, что будет с ним через десять лет, Вэн ответил сам.

— Через десять лет, — сказал он своим родителям после возвращения из Москвы, — русские, может быть, не вспомнят имени Вэна Клайберна, но они, конечно, всегда будут знать, что на Первом международном конкурсе имени Чайковского победил американец.

Мы тоже будем об этом помнить. Но время покажет, будет ли это воспоминание всего лишь эффектной исторической сноской или поворотным моментом в нашей культурной эволюции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От автора	13
1. 13 апреля 1958 года	17
2. Фанфары за кулисами	23
3. На тебя смотрит весь Техас	36
4. Через конкурсы и испытания	49
5. Вэн становится взрослым	64
6. Molto rallentando	77
7. Русская рулетка	90
8. В крепких объятиях	107
9. 88 ключей к городу	125
10. Подвиги пианиста	141
11. Пророк и слава своей страны	153
12. Лев в клетке	164
13. Пианист и музыкант. Критическая оценка	182

А. Чэйсинс, В. Стайла
ЛЕГЕНДА О ВЭНЕ КЛАЙБЕРНЕ

РЕДАКТОР **З. А. НАМИТОКОВА**
Художник *К. П. Сиротов*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Е. С. Потапенкова*

Сдано в производство 7/X 1959 г.

Подписано к печати 30/X 1959 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 3,8$ бум. л.

12,3 печ. л., в т/ч. — 9 вкл.

Уч.-изд. л. 10,7. Изд. № 13/5405.

Цена 6 р. 40 к. Зак. 3638.

* * *
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, Ново-Алексеевская, 52.

* * *
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ПОПРАВКА

Подпись под рисунком к стр. 112 читать:
Тоюоаки Мацуура, Вэн Клайберн и Эдуард Миансаров

А. Чейсинс, В. Стайлз

6 р. 40 к.